

ИЗБОРСКИЙ КЛУБ

русские
стратегии

№ 4(60), 2018

Война мемов

Интернет и суверенитет

*Вызов цифрового
колониализма*

Содержание:

- 2** Владимир ЕЛИСТРАТОВ.
Господин Мем
- 8** Игорь АШМАНОВ.
Под прицелом цифрового колониализма
(авторский экспертный доклад Изборскому клубу)
- 24** Виталий АВЕРЬЯНОВ.
Интернет и суверенитет
(к постановке дискуссии)
- 32** **Информационный суверенитет и диктатура интернет-монополий**
(на круглых столах Изборского клуба)
- 50** **Тринадцатый знак.**
Мемы в информационной войне против русского народа
(авторский экспертный доклад Сергея БАРАНОВА)
- 60** Валерий КОРОВИН.
Россия и Запад в меметической войне
- 68** Виталий ДАРЕНСКИЙ.
О ментальной борьбе и семантическом оружии
- 76** Алексей БОЛДЫРЕВ.
На передовой войны слов
- 82** Алексей КОМОГОРЦЕВ.
Коренная сила русского фольклора
- 90** Александр ЕЛИСЕЕВ.
Сталин – творец советских русских мемов
- 98** **О меметике отечественного кино**
(беседа Виталия АВЕРЬЯНОВА и Петра КАЛИТИНА)
- 110** Михаил КИЛЬДЯШОВ.
«Вместо пули слово заряжу...»
- 114** Наталья СКОУНТРИДАКИ, Александр ПАШИН.
Внимание: индустрия игр!
- 120** **Библиотекарь**
- 121** **Хронология мероприятий клуба**
- 122** Леонид КОРНИЛОВ.
Русский Реактор
(поэма)

Общественно-политический журнал **«Изборский клуб»** №4(60), 2018 год

Главный редактор – Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора – Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора – Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник – Василий ПРОХАНОВ
Верстка – Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор – Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации – Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Олимпийский проспект, 16, стр. 1
Офис Изборского клуба. Телефон: (495) 937 78 65
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 3.06.2018

Отпечатано в типографии ООО «АМА-ПРЕСС»

Тираж 1000 экз. Заказ № 1043

/ Владимир ЕЛИСТРАТОВ /

Господин Мем

*Нам навязали очередной дарвинизм —
информационный: представление о борьбе мемов,
в которой выживают сильнейшие*

Я решил назвать этот небольшой очерк именно так — по аналогии с названием известного романа Александра Проханова «Господин Гексоген». И это не простая аллюзия.

Сейчас стало совершенно очевидным, что информация — мощнейшее взрывчатое вещество. Гексоген или тротил, конечно, — грозное оружие. Но информационная взрывчатка, как показали особенно наглядно события в мире последних лет, — сила куда более опасная.

Уже стало общим местом сравнение информации с атомным оружием, а информационной войны — с ядерной. В конце 40-х гг. XX века Россия (тогда — в инкарнации Советского Союза) решила проблему ядерного паритета-сдерживания. В настоящее время одна из самых насущных задач РФ — задача достижения «информационного сдерживания», или «информационного паритета».

Теперь о печальном.

Современное мышление часто называют клиповым. Что это значит? Это значит, что современный человек (особенно если речь идёт о молодых людях) воспринимает информацию максимально дискретно, иначе говоря — «порционно», при этом очень небольшими «порциями», и с каждым годом информационные «порции» всё уменьшаются и уменьшаются. Иначе происходит «информационное несварение». Можно сказать, что человечество стремительно впадает в детство. Люди разучиваются сосредотачиваться, одновременно воспринимать большие объёмы информации, запоминать и анализировать её. Если продолжить физиологическое сравнение, то человек интернет-эпохи как бы разучился тщательно пережёвывать информационную пищу, как беззубый младенец или старик, он её просто заглатывает маленькими глотками. С «ложечки монитора». Подчас без разбора. Часто — забывая о том, что он глотал минуту назад.

Сейчас очень модно слово «мем». И это не просто случайность. Что это такое — мем?

В принципе, аналогия между культурной информацией и генетикой или какой-нибудь вирусологией не так уж и глупа. Впервые эту аналогию очень-очень задолго до Докинза, ещё в конце XIX века, предложил весьма глубокий и доподлинно фундаментальный русский учёный В.М. Бехтерев, писавший о «ментальных микробах». (Кстати, очень точное словосочетание.) Но «британские учёные» этого факта как-то не заметили. Или сделали вид, что не заметили.

Как всегда вроде бы всё очень просто, но если вдуматься — более чем туманно. Мем, как это преподносится везде, — единица культурной информации. Так сказать, минимальная порция. Доза. Которая «заглатывается» без труда «гомоинтернетикусом». Если угодно — культурно-информационный квант.

Начну с того, что «мем» — ни в коем случае не термин, а так называемая «меметика» — никакая не наука. Слово «мем» придумали те самые сакраментальные британские учёные («британские учёные», кстати, — один из самых расхожих и более чем иронично окрашенных мемов). Автор этого псевдотермина («терминоида») — Р. Докинз. Придумано слово более сорока лет назад. Но раскрутилось оно только в XXI веке.

В принципе, всё выглядит логично и заманчиво. Есть наука генетика. Единица генетики — ген. Есть информационно-культурное поле. Надо как-то назвать единицу этого поля. Мало того — надо назвать как-то и саму науку. Вот и получились «мем» и «меметика». Замечу, что под меметикой понимается также совокупность мемов.

Ещё раньше всё те же «британские учёные» придумали название науки о культуре, а именно — «cultural studies». Потом эти «cultural studies» прочно обосновались в США. Что это такое — совершенно неясно. Это может быть наука о монгольских народных инструментах, о типологии, пардон, унитазов, об образе дороги в творчестве Некрасова...

То есть обо всём и ни о чём. Наши тут же в «лихие» прозападные 90-е годы собезьянничали и перевели «cultural studies» как «культурология» да ещё придумали название единицы — «культуре́му» (ср.: «морфема», «фонема», «мифологема» и т.д. и т.п.).

Но для англосакса Р. Докинза все это слишком громоздко. Надо ещё проще. Это вообще глубинная особенность англосаксонского мышления, ментальности «британских учёных», имеющая и свои сильные, и свои слабые стороны: сделать вид, что до тебя ничего не было, и предложить своё «изобретение», своё ноу-хау, очень быстро запатентовать его, сделать грамотный «промоушн» и превратить в хорошо продаваемый бренд. Он (Р. Докинз) так и сделал: до минимума изувечил-сократил-кастрировал греческое слово «мимема», то есть, по-нашему говоря, послал древних греков «на три весёлых буквы» и ввёл в оборот хорошо запоминающееся трёхбуквенное обозначение не совсем понятно чего.

А дальше можно «разворачиваться в марше», например, изобрести «как бы термин» «мемплекс» (опять же максимально сокращённо от «меметический комплекс»). К примеру, убеждённый атеист Р. Докинз, написавший, кстати, книгу «Бог как иллюзия», постоянно рассуждает о «христианском мемплексе», где религиозные мемы характеризуются, на минуточку, как «психические вирусы». Нормально, да?..

Помимо мема Р. Докинзом и другими меметическими «брендоделами» в обо-

рот были внесены многие умные слова, например: «интернет-мем», «медиа-мем», «медиавирус», «культуроген» и т.д. и т.п. Мем, конечно, не «Пепси-Кола», но какой-никакой бренд.

В принципе, аналогия между культурной информацией и генетикой или какой-нибудь вирусологией не так уж и глупа. Это красиво, броско, стимулирует мысль, хотя никакого подлинного научного фундамента тут, разумеется, нет.

Остаётся добавить только следующее. Впервые эту аналогию очень-очень задолго до Р. Докинза, ещё в конце XIX века, предложил весьма глубокий и доподлинно фундаментальный русский учёный В.М. Бехтерев, писавший о «ментальных микробах». (Кстати, очень точное словосочетание.) Но «британские учёные» этого факта как-то не заметили. Или сделали вид, что не заметили.

Итак, понимая, всю сомнительность слова «мем», но тем не менее учитывая, что слово это запущено в широкий оборот и вряд ли в ближайшее время из него выйдет, попробуем применить его в рабочем порядке для решения чисто прикладных задач.

Мы живём в режиме жёсткой и беспощадной информационной (она же — психологическая, кибер-, гибридная и т.д.) войны. Это, во-первых.

Во-вторых: в условиях такой войны вся культурная информация становится потенциальным информационно-пропагандистским оружием, пусть даже и в виде т.н. мягкой силы.

В-третьих: мы имеем дело преимущественно с особым психотипом человека интернет-эпохи, с человеком клипового (или, если угодно, «мемного») мышления, с человеком-«клипоедом», человеком-«мемофагом». Даже люди образованные, люди старшего поколения, — все равно в какой-то мере стихийные «клипофаги» и «мемоеды». Так уж устроена современная цивилизация.

Вообще, бытование человека в интернете в 99% случаев — это именно «мемофагия», как правило, совершен-

но бессистемная, лишенная какой бы то ни было «кумулятивности». Это что-то вроде хаотичной булимии. Ещё более радикально изъясняясь — что-то типа прогрессирующей шизофрении.

Возникает совершенно закономерный вопрос о том, возможно ли какое-то разумное, конструктивное управление этой «мемосферой».

Иначе говоря, можно ли из «мемохаоса» сделать «мемокосмос»?

Принято считать, что интернет (и вообще — информационное пространство) в целом неуправляем. Конечно, можно целенаправленно вбрасывать ту или иную информацию, корректировать ее, однако все эти усилия все равно будут носить локальный и временный характер. Информационные компании могут быть очень масштабными (например, антироссийская санкционная кампания), но они все равно конечны, и результаты их непредсказуемы (как реакция на эту кампанию — резкое развитие российского сельского хозяйства).

Меметическая теория говорит о том, что мем, как и ген, — репликатор. Он порождает себе подобных «мемоклонов», которые могут мутировать, гибридизироваться с другими мемами, объединяться в те самые «мемплексы». «Мемплексы», в свою очередь, могут распадаться, изменяться и т.д. и т.п. Вмешательство в этот процесс подобно искусственному вмешательству в живую генную систему. Это вмешательство — либо искусственная селекция, либо своего рода мемомодификация (сравните: геномодификация). Во всем этом есть определённый **элемент страха перед информационно-культурным «закулисьем»**, которое манипулирует нашим сознанием. Конечно, манипуляция есть. Да еще какая! Но хочется обратить внимание вот на что.

Все, что связано с мемами и меметикой, неизменно окрашено в негативные тона. «Манипуляции», «вирусы» и т.д. Все очень плохо. Концепция мема, на мой взгляд, типично постмодернистско-деконструкти-

вистская. Она депрессивно-расчеловечивающая. Меньше всего мем несёт в себе какую-то человеческую ценность. Мем, так сказать, неизбежно пост- и трансгуманистичен. Мем — нечто бездушное, холодное, безжалостно-непреодолимое, фатальное. В лучшем случае он смешон, и то в стиле «чисто поржать». Кроме того, он недолговечен, как и т.н. информационный повод.

Меметика в современном западном мышлении в основе своей — некий «информационный неodarвинизм». Культурно-информационное пространство — джунгли, где в ходе естественного отбора выживают лучшие и «сильнейшие» мемы и мемплексы. А они, эти лучшие, как писал М. Булгаков в «Роковых яйцах» — «были ужасны». Или как у Н. Заболоцкого:

*Жук ел траву, жука клевала птица,
Хорёк пил мозг из птичьей головы,
И страхом перекошенные лица
Ночных существ смотрели из травы.*

Природы (читай — «информационно-культурного пространства») — вековая давилня

*Соединяла смерть и бытие
В один клубок, но мысль была бессильна
Соединить два таинства её.*

А тут ещё человек с его искусственной селекцией мемов, «мемомодифицированными технологиями» и «информационным клонированием» в ходе бесконечных и беспощадных информационных войн.

Мрак беспросветный.

Хочется задать очень свежий вопрос: что делать? Нам, россиянам.

Если продолжать аналогию между генетикой и меметикой, то скажем так.

В России, как известно, запрещено использование ГМО. Мы — за естественные, здоровые продукты питания. Выводить новые сорта растений и новые породы животных — пожалуйста. Но без генной модификации. Потому что ГМО вредны для здоровья человека и для Земли в целом. И при этом Россия, успешно развивая естественное сельское хозяйство, всё больше экспортирует свою сельхозпродукцию. И она, эта продукция, всё

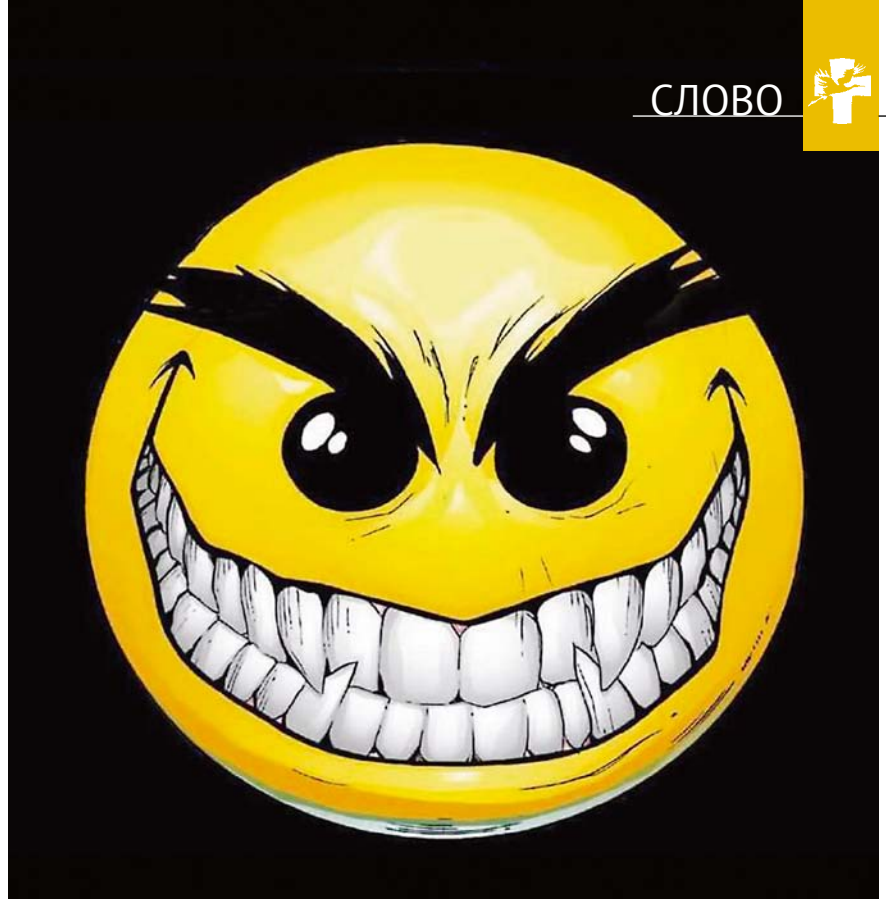
больше пользуется спросом во всём мире. Потому что она более здоровая и более естественная.

На мой взгляд, аналогично нужно вести себя и в культурно-информационной среде в условиях информационных войн. Мы за традиционные ценности, а значит — за здоровье, естественные мемы. «Выращивать», выводить, создавать новые мемы — да. Но без «модификации», которая вредна для человека и для земли в целом.

У нас уже есть опыт меметической войны, связанный с разрушением советской ментальности. И обладая этим опытом, мы сегодня гораздо лучше подготовлены как к внутренним, так и к внешним угрозам, к внедрению новых антимемов. Кроме того, православная закваска русского национального характера, даже если речь идёт о вроде бы неправославном советском и, соответственно, постсоветском человеке, категорически отвергает идею избранного меньшинства (= «малого народа»). Вспомним, насколько быстро было проклято слово «номенклатура». Ельцин, собственно говоря, на этом и вылез. Сейчас большое отторжение вызывает слово «элита». У меня лично. Какая же это элита? И к тому же слово «элита» явно ассоциируется, например, со словом «свинья» («элитная порода свиней»). Между тем антимемы, как правило, рядятся именно в одежду квазиэлитарности, взгляда на народ и его бытие свысока.

В 80-х гг. я собирал т.н. «Словарь московского арго» (первое издание — 1994 г.), непроизвольно внося свой «бесценный вклад» в распространение антимеметики. Считаю свой словарь, можно сказать, бесценным документом разрушительной антисоветско-антирусской «меметики смуты».

Думаю, назревать процесс начал еще в 70-х, а в 90-х просто произошел закономерный «прорыв плотины». Глубинных, архетипических «находок» 90-е уже не дали, если не считать «вброс» в разговорную речь уголовного языка, что является отдельной «темой» («тема» — очень уголовное словечко).

Смута — это всегда карнавал. Сначала веселый, потом — кровавый. И карнавальное, смеховое начало, я убежден в этом, стало стержнем процесса. Здесь заключается печальная диалектика русского сознания. Самоирония у русских, как известно, развита чрезвычайно. При этом грань между здоровой, конструктивной самокритикой и самоиронией деструктивной, разрушительной очень зыбка. В общем-то эпиграфом к развалу СССР и кошмару 90-х могло бы стать слово «дошутились».

Фонтан «Дружба народов», разумеется, тут же превращается в «Дружбу уродов». «Нам дворцов заманчивые своды не заменят никогда свободы» — в «Нам Кремля заманчивые своды не заменят статую Свободы». Но это — отчетливое идеологическое ядро («антиидиомемы»). На периферии же находится огромное количество «криптоантимемов». «Трах культуры» или «Крах культуры» вместо «Парк культуры», «Блядорусская» вместо «Белорусская», «Неслабоёбская» или «Новослоблядская» вместо «Новослободская», Памятник космонавтике становится «Мечтой импотента», «физкульт-привет» превращается в «инсульт-привет», «инженер» в «инженегра» и т.п.). В результате дискредитируется спорт, профессия

инженера, культура, космонавтика, славянская национальность, традиционная топонимика. **Кто «запускал» эти антимемы — неизвестно (мне лично). Но создается впечатление, что здесь не обошлось без экспертов по русской ментальности.**

Принципиальная и основополагающая установка антимеметики — осмеяние всего, планомерное превращение всего сакрального в профанное при полном отсутствии табу. Что, в сущности, и есть та самая порнографическая «транс-свобода», которая так активно исповедуется современным либеральным обществом.

Считаю, что «серьезная» идеологическая критика всего советско-российского (от Солженицына до «600 секунд») сыграла для масс по сравнению с антимемами и антисоветскими анекдотами не столь существенную роль, хотя, конечно, и ее нельзя недооценивать.

Отдельно следует затронуть тему заимствований, в первую очередь — из английского языка в его американской разновидности. Само по себе заимствование — явление нормальное. Есть, конечно же, много избыточных заимствований, но в целом «экзистенциальное напряжение» по поводу англицизмов уже спало. Англицизмы сейчас — это по суще-

ству и по преимуществу бизнес-феня и феня информационная. Сфера «денег» и «цифры». Всё, что смогли, англосаксонские мемы через собственно «слова» и «выражения» уже разрушили в русской ментальности тогда, когда они были окутаны флёрот «избранности», «запретного плода». Известна невинная вроде бы пародия (из хиппейского фольклора): *«Три герлицы под виндбм пряли поздно ивнингбм <...> «Иф бы я была кингцица, — спичет фёрдая герлицца, — я б для фазера-кингá родила б богатыря»*. И т. п. Весело. Обосрали, «обантимемили» Пушкина — и о'кей. «Англичанка гадит».

Сейчас отрицательная роль англицизмов переместилась в сферу интонации и экстралингвистических феноменов (жесты, мимика). Молодежь массово подражает интонации и жестам Голливуда. Это может показаться несущественной мелочью, но всё значительно сложнее.

Дело в том, что русский язык — флективный, синтетический. И как следствие — в нём свободный порядок слов. Наша национальная свобода заключается не в том, что мы можем выбрать того или иного кандидата в президенты, а в том, что мы вольны расставлять слова во фразе так, как считаем нужным это сделать. Но такой порядок подразумевает

огромную смысловозначительную роль интонации. Мы можем интонировать наш «свободный» (И. Тургенев) язык фантастическим количеством способов. Голливудское интонирование (английский язык — язык фиксированного порядка слов и, следовательно, — более чем «скромной» интонации) сокращает наше интонирование в разы. И это — реальная угроза нашей «цветущей сложности» (К. Леонтьев), т. е., в конечном счете, национальной безопасности. Когда всё разнообразие интонации в англоязычном дискурсе сводится к «удивлённо-восходящему» тону («Джек?! Ты?! Это сделал?! О Боже?! Как это возможно?! и т. п.) — это и есть реальная угроза. Наш человек (молодой, поклонник Голливуда) упрощается и «уплощается». То же касается и жестов, мимики, соматики. **Взглянуть друг на друга «острым глазком» (В. Розанов) — это «наше всё». А Голливуд нас этого «всего» планомерно лишает, унифицируя жесты до типично американских.**

Возвращаясь к вербальным мемам: жаргон, сниженная лексика несёт в себе далеко не только деструктивное начало. Те же 80-е годы дали нам образцы, если можно так выразиться, «антиантимемов», отражающих иронию уже в адрес либерально-демо-

кратических новаций («дерьмократ», «депутант» и т. п.), число которых резко возросло в 90-х и нулевых. В целом эволюция массового жаргона за последние 30—40 лет отразила, как это ни странно, заметное оздоровление, отрезвление общества. Вместе с тем с появлением интернета жаргон перестал быть столь значимой силой, какой он был в прошлом веке, пережив, так сказать, «цифровую дисперсию». В современной жаргонной сфере в настоящее время нет почвы для создания как сильных антимемов (например, либеральным сообществом), так и сильных мемов консервативно-патриотической направленности.

Как это ни банально, здоровый, естественный мем, в отличие от нездорового и неестественного, есть мем, опирающийся на те самые традиционные ценности, о которых сейчас так много говорят и которые так последовательно защищает Россия. В нём, традиционно-ценностном русском меме, не должно быть: 1) пошлости, 2) агрессии и 3) лжи. Агрессивно-лживой пошлости. Именно эти три компонента составляют основу антироссийской, русофобской пропаганды. Мы не должны позволить себе скатываться до этих приемов. Действовать так же, как действуют наши «западные партнеры», — это значит то же самое, что ввязаться в гонку «информационных вооружений». Нет, мы должны дать достойный асимметричный меметический ответ.

Геномодификация и мемодификация — это, по сути, то, что Ф. Достоевский определил как «всё дозволено», это некая трансгуманистическая порнографичность, бунт против духовных ценностей, против того мироустройства и миропорядка, который заведён искони и Свыше. А значит, скатывание к варварству, посткультурный промискуитет.

Подобно тому, как Россия никогда не использовала в войнах, скажем, химическое или биологическое оружие, она никогда, в отличие от «наших западных партнёров», не должна и не будет использовать мемодифицированный информационный продукт.

Если говорить о чисто языковой меметике (хотя она обычно мыслится шире — это любой видеоряд, мелодия и т.д., словом, любой «культурный текст»), то в этой сфере уже существуют весомые наработки. Коллектив экспертов Института динамического консерватизма, изучая термин и практику современного мемотворчества, не пошёл по пути «британских ученых» и Р. Докинза. Эксперты ИДК пошли «традиционно-ценностным» путём¹.

Русская языковая культура (от древнерусского фольклора до современных цитат из кино) является подлинной сокровищницей мемов (мемотезаурусом), причём в высшей степени актуальных, современных. Не говоря уже об афористике таких выдающихся мемоторцев, как А. Суворов, Д. Менделеев, В. Розанов, Н. Фёдоров, Н. Лесков, В. Шукшин и сотни других писателей, философов, политиков и т.д. Колоссальной энергией обладает и т.н. сниженная народная лексика (жаргон, просторечие). Это не значит, что можно вести информационную войну на древнерусском языке или напрямую цитируя словари и сборники Владимира Даля или киноленты Леонида Гайдая. Хотя во многих случаях образцы, к примеру, и очень старого русского речетворчества в своём первоначальном виде абсолютно понятны даже молодым людям и производят на них очень сильное впечатление. К примеру, суворовское «Русак не трусак» вполне может «прокатить» в шоу «Уральских пельменей». Но дело даже не в этом.

В первую очередь мы имеем дело с образцами глубинных ментально-языковых структур русского человека, тех констант русского языкового мышления, которые остались неизменными на протяжении веков. Отдельные поверхностные, конкретно-языковые элементы этих структур могут устаревать и требовать некоторого осовременивания, в результате чего внешне возникнет эффект язы-

ковой игры (т.н. интертекстуальности, аллюзивности или прецедентности). Но это будет не пошлое ёрничанье и постмодернистское издевательство над классическим мемом, поскольку сам классический мем слишком мощно и позитивно заряжен. Замена (причём не обязательно устаревшего элемента) может быть очень «радикальной», даже ультрасовременной, но именно синтез «старого» и «нового» может сделать мем особенно «действенным». Скажем, если скрестить (селекционировать) пушкинский афоризм с новейшим модным англицизмом, то получится мощный антикоррупционный мем, а именно: «русский хайп, бессмысленный и беспощадный». Был проведен эксперимент: молодёжная аудитория в ряде вузов «на ура» восприняла этот меметический гибрид. И это понятно: структура пушкинского афоризма абсолютно «беспроегрывна» по всем показателям — от фонетики и ритмики до нюансов лексической семантики.

Возможны и многие другие модели мемотворчества.

Например, на уровне словообразования. Чтобы нейтрализовать негатив слова «Совдепия», можно трансформировать его в «Госдепию». По сути, это прямой аналог подавления огневой позиции противника.

Лингвистических приемов — великое множество. Но это уже чисто технические моменты.

Важна общая мысль.

Таким образом, новый русский мем должен:

- воспроизводить традиционный (сложный, а не «примитивно-кроссвордный») психологический параллелизм;
- быть логоцентричным; не злоупотреблять оболванивающим «пиктографированием»;
- избегать примитивных ритмических и фонетических приемов;
- избегать инфантилизирующего гиперболизма всех видов;

- апеллировать одновременно и к разуму, и к традиции (этике), и к эмоции;
- быть эмоционально сдержанным, вернее сказать, быть не эксплицитно, а имплицитно эмоциональным.

Подлинный мем, если говорить самым общим образом, не должен легко расшифровываться, просто «раслаиваться на приемы». Он может быть либо чётким и ясным афоризмом («вор должен сидеть в тюрьме», «видел я эту Италию на карте: сапог сапогом»), когда, собственно говоря, никакого приёма-то и нет, либо принципиально не поддаваться аналитической расшифровке («тёпленькая пошла», «влип, очкарик»). Пожалуй, третий приемлемый вариант — это «откровенный» приём, т.е. какая-либо «прозрачная» фигура (троп), вроде градации («пришёл, увидел, победил») или хиазма («чтобы ты был в тонусе, «Тонус» должен быть в тебе» — вполне удачный слоган, что редко встречается в рекламе).

Мы не должны вести информационно-меметическую войну по законам, по которым ведут её наши «партнёры». Потому что «сила в Правде», а Правда — в традиции, прежде всего — в нашем языковом наследии. И только с опорой на него можно принимать новые вызовы XXI века. Глубинные структуры русского культурно-языкового мышления, «тезаурус русского духа» — бесценный арсенал методологий и технологий в информационной войне.

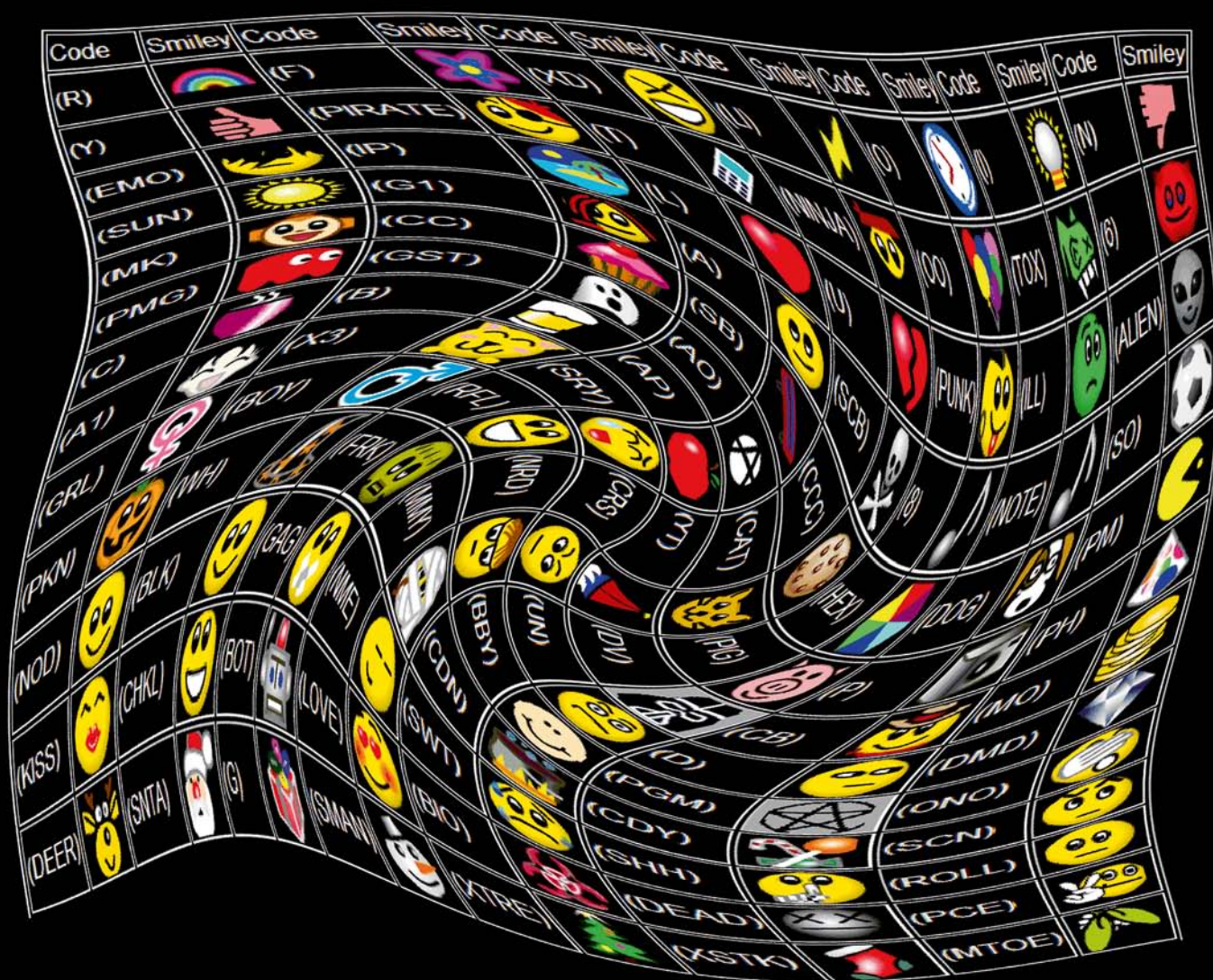
Автор В.С.Елистратов – ведущий научный сотрудник Института динамического консерватизма, писатель, доктор культурологии, заслуженный профессор МГУ, создатель целого ряда лингвистических словарей, таких как «Язык старой Москвы» (1997), «Словарь крылатых фраз российского кино» (1999), «Словарь языка Василия Шукшина» (2001), «Толковый словарь русского сленга» (2010) и мн. др.

¹ В настоящем номере представлены некоторые результаты этой работы (примечание редакции).

Под прицелом цифрового колониализма

(авторский экспертный доклад Изборскому клубу)

¹ Игорь Станиславович АШМАНОВ — один из топ-менеджеров российской IT-отрасли, признанный эксперт в области информационных технологий, интернет-маркетинга. Окончил мехмат МГУ по кафедре высшей алгебры, с 1983 года занимался программированием и разработкой искусственного интеллекта. С 1983 года 17 лет работал в отделе искусственного интеллекта вычислительного центра Академии наук СССР.

О СЕБЕ

При Государственном комитете по науке и технике СССР был Совет по искусственному интеллекту (ИИ), то есть этим у нас в стране занимались давно. Главой Совета по искусственному интеллекту был Гермоген Сергеевич Поспелов, он же — глава нашего отдела искусственного интеллекта ВЦ АН СССР. Я попал в этот отдел прямо с мехмата.

Моя деятельность в области ИИ начиналась с того, что мы в нашем отделе с товарищами по заказу кооператива «Информатик» в 1987–1990-х годах создали программу ОРФО для проверки правописания для русского языка — ту, что сейчас в Microsoft Office (Word, Excel, Outlook, PowerPoint) подчёркивает слова и предложения зелёной или красной волнистой чертой.

Позднее я создал в 1995 году свою компанию МедиаЛингва, занимавшуюся электронными словарями, искусственным интеллектом и поисковиками; потом был с 1999 по 2001 год в «Рамблере» директором по исследованиям и разработкам и исполнительным директором.

Примерно 35 лет я занимаюсь искусственным интеллектом, в частности, фильтрами спама, вообще, последние лет 20 занимаюсь в основном борьбой с электронным мусором — опечатки, спам, вбросы в социальных сетях и в СМИ.

Сейчас я в основном занимаюсь системой «Крибрум», которая работает над анализом социальных сетей Рунета, видит всех пользователей российского интернета, которые там пишут. Это примерно 80 миллионов сообщений в день, в пике до 30 тысяч сообщений в секунду и до 100 тысяч лайков в секунду. Это большая система, сотни серверов. Она анализирует тематику и тональность сообщений, социальные связи пользователей и т. п. Так что искусственный интеллект там используется вовсю. Видно, что происходит, что важно, что говорят люди, какие события «набухают», что вбрасывается, какая социальная температура в разных регионах и странах общества.

Мы сейчас занимаемся и поисковыми технологиями, в частности, делаем

поисковик для арабских пользователей и кое-что для китайских.

ПРО ПРОГРАММУ «ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА»

Появление программы «Цифровая экономика» закономерно. Я участвовал в разработке программы развития интернета в рабочей группе помощника президента Игоря Олеговича Щёголева, которая позднее преобразовалась в программу «Цифровая экономика».

Работа в рабочей группе велась два года, были доклады Владимиру Путину, и он в январе 2016 года подписал несколько поручений по развитию интернет-технологий.

В программе «Цифровой экономики» в 2017 году я работал в Центре компетенций по информационной безопасности, в частности, был главой подгруппы по правам личности в цифровую эпоху.

Что собой представляет программа «Цифровая экономика»? Там есть пять направлений: право, инфраструктура, кадры, информационная безопасность и разработки и исследования. Для управления создана формальная структура — АНО «Цифровая экономика», управляемая государством, учредители — крупные компании, то есть туда привлечён бизнес, созданы центры компетенций и рабочие группы на каждое из пяти направлений. Например, Сбербанк взял под себя центр компетенций по информационной безопасности.

Центры компетенций формулируют идеи и пишут списки мероприятий, рабочая группа корректирует и утверждает их, подаёт далее наверх, в правительственную комиссию по ЦЭ. В итоге основная Программа подписана премьером Медведевым весной 2018-го.

Кое-что к уже намеченному планируется добавлять, например, направления про умные города, цифровую медицину и так далее.

ЧИСЛО ЗВЕРЯ И ГРЯДУЩИЙ АПОКАЛИПСИС

Многие люди сейчас беспокоятся, что в связи с развитием цифровых тех-

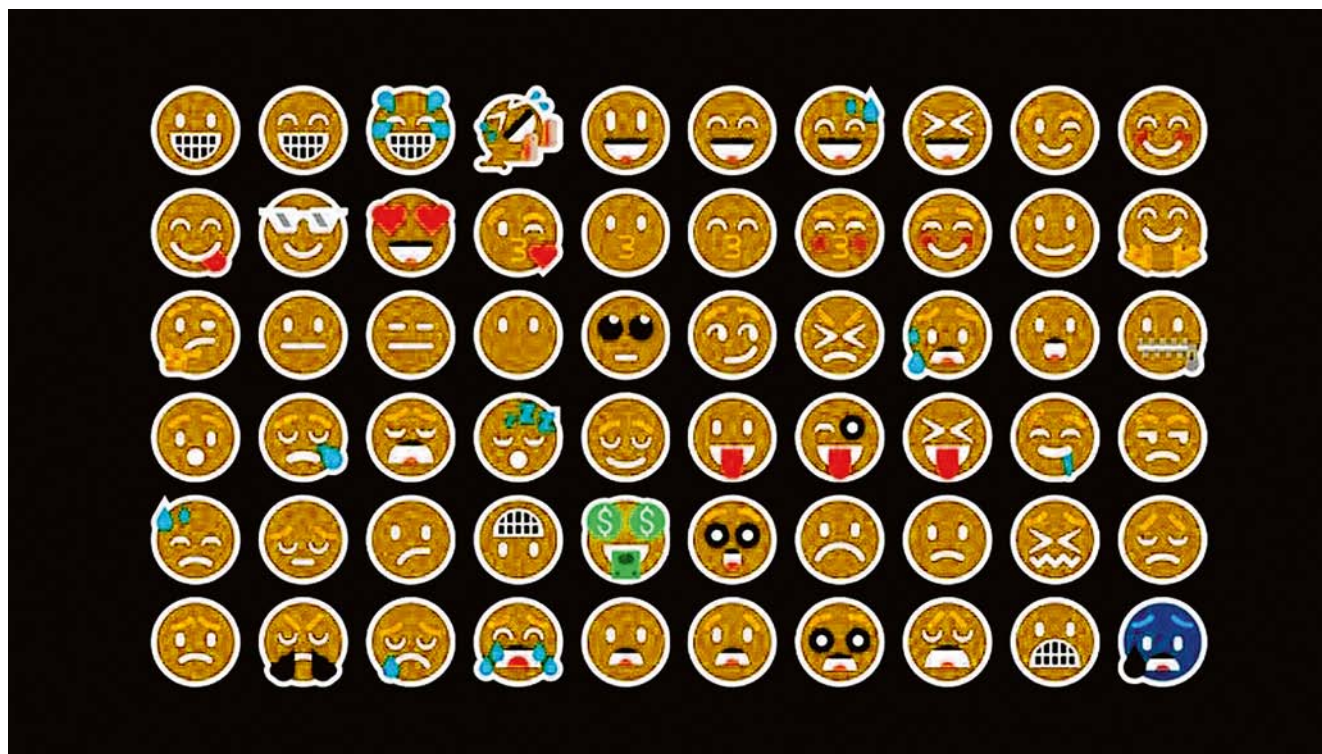
нологий в будущем всех будут контролировать. Это, конечно, правда, такая опасность есть, она реальна. Но она уже не в будущем: всех контролируют прямо сейчас. В Сети всё видно: окружение людей, что они пишут — это автоматически анализируется, и те, кто в социальных сетях, — как на ладони. Об этом я скажу дальше.

Но я бы не стал прогнозировать Апокалипсис, который произойдёт лет через 25–30, потому что это совершенно бессмысленно. Мы не можем прогнозировать даже то, что будет через год-два. И в сфере информационных технологий — особенно. Поэтому те, кто пишет такие прогнозы — Курцвайль, Хокинг, Маск и т. п., — шарлатаны, авторы малохудожественной фантастики.

Мы видим, что в мире действительно происходит промышленная революция, произошёл огромный прорыв в нейронных сетях, в искусственном интеллекте. И вокруг всего этого возник огромный медийный шум. Но ведь новейшие цифровые технологии появились с 80-х годов: интернет, мобильные телефоны, поисковики, социальные сети. То есть технологические прорывы происходили и ранее, происходят всё время. И мы также видели эти пузыри вокруг новых технологий, когда что-то очень сильно раздувалось, всасывало в себя гору денег, а потом схлопывалось.

ПУЗЫРИ

Сам по себе формат этих технологических пузырей не вполне естественный, но именно так это происходит, потому что это специфическая для США модель создания новых игроков и новых рынков: они с помощью журналистов, медиа, государственных деятелей, инвестиционных банкиров надувают пузырь и собирают гигантское количество денег на новом технологическом рынке. Деньги собираются под обещания, под «новую экономику», «под технологии, которые меняют мир», «новый технологический уклад» и тому подобное. Как правило, в реальности, на пике пузыря, деньги даются под десяток слайдов в PowerPoint.

Потом инвестированные деньги всем «прощаются», стартапы в большинстве разоряются, а из грома и треска лопнувшего пузыря, как Терминаторы из пламени ядерной войны, восстают всего несколько суперкорпораций. Так, пузырь доткомов (интернет-компаний), надувавшийся в 1996–1999-х годах, лопнул в 2000-м, но оттуда появились Yahoo, Google, Amazon, eBay, PayPal. Большинство из них — американские, очень многие сделаны на деньги американской разведки и оборонки. Потому что **основной экономический продукт Америки — это не деньги и даже не ложь (хотя и то и другое они производят в огромных количествах), а глобальные суперкорпорации. Они таким способом захватывают мир.**

Сейчас надувается новый информационный, медийный пузырь вокруг так называемых новых технологий, шестого технологического уклада. Это ИИ, большие данные, криптовалюты/блокчейн, интернет вещей и т. п.

БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ — ВЗГЛЯД С ПТИЧЬЕГО ПОЛЁТА

Много шума сейчас о «больших данных». Сам по себе термин «Большие данные» —

слово не научное, это шумовое слово, которое используется журналистикой. В принципе, Большие данные — это такие данные, которые нельзя просмотреть глазами, поэтому они «большие», а не потому, что они в каких-то огромных цифрах измеряются: они уже не предполагают возможности ручной обработки, только автоматической. Главное же свойство Больших данных таково: это такие данные, где сумма частей меньше, чем целое. То есть это данные, глядя на которые сверху во всей совокупности, можно найти новые закономерности и знания.

Самый простой и всем известный пример таких новых знаний — это пробки «Яндекса». Каждый локальный элемент этих данных малоинформативен — водитель видит своими глазами дорогу на 200 метров вперед и назад максимум, а вот собрав эти данные со всех водителей с установленным приложением «Яндекса» и наложив на них анализ с помощью технологий ИИ, можно построить эффективную карту пробок по всей Москве. И в результате появляется новое знание, новое качество. И все могут пользоваться, передавая «наверх» данные своего локального кусочка.

Большие данные чрезвычайно полезны. Они позволяют иметь максимально точные данные обо всём: о нации, её здоровье, рождаемости, демографии, качестве жизни, транспорте, образовании, трудоустройстве, энергетике, ЖКХ, медицине и т. п., позволяют мерить социальную температуру в обществе. И тот, кто не будет обчислять Большие данные о своей нации в ближайшие 5–10 лет, проиграет, потому что другие будут считать и будут всё знать не только о своей нации, но и о твоей нации тоже.

Кроме того, это огромный будущий рынок. Огромный, потому что, условно говоря, данные о пользователе, об аккаунте оцениваются в 5–10–20 долларов, и если это умножить на количество пользователей и учесть тот факт, что эти данные перепродаются много раз за год, то получатся сотни миллиардов долларов, даже триллионы. И очень многие люди, организации, корпорации хотят эти деньги заработать.

Но при этом Большие данные чрезвычайно опасны: тянут за собой тотальную слежку, прозрачность, исчезновение приватности, возможность массовых манипуляций.

БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ, КАК ПИВО ПО УТРАМ: НЕ ТОЛЬКО ПОЛЕЗНЫ, НО И ВРЕДНЫ

Есть прекрасный роман о Больших данных и их использовании глобальным монопольным игроком — «Сфера» (The Circle). Там главное действующее лицо — появляющаяся вслед за Гуглом и Фейсбуком ИТ-суперкорпорация следующего поколения, с тремя миллиардами пользователей по миру, которая объявляет своим пользователям, что приватность — это кража, что делиться всеми интимными данными — это значит любить всех, что все должны быть прозрачны. И начинает подавлять всех, кто отказывается «стать прозрачным», — в первую очередь государственных чиновников. Если ты не вешаешь на себя камеру 24x7, значит, ты коррупционер, поэтому тебя нельзя избирать, а лучше отдать под следствие.

Это сопровождается разоблачениями, увольнениями и арестами сопротивляющихся, потому что у суперкорпорации «Сфера» и так есть все данные про всех. При этом — всё как бы по закону, на свет вытаскивают реальных негодяев или оступившихся пользователей. Просто выборочно — врагов «Сферы».

Всё это описано очень квалифицированно, с точки зрения ИТ-специалиста всё достоверно. И самое важное — дана вся структура аргументации, с помощью которой всё это будет делаться. Я рекомендую обязательно прочесть, если интересен будущий мир, управляемый ИИ и глобальными социальными сетями.

Но только суперкорпорации этой ещё пока нет, а в жизни всё это уже есть.

Всё уже прозрачно, Большие данные собираются на всех. Правда, Большие данные про российских граждан в основном собираются не нашими спецслужбами. У нас Большие данные пользователей собираются интернет-компаниями — «Яндексом», Mail.ru. Но это частные компании, которые не особенно стремятся взаимодействовать с государством.

А основная утечка Больших данных о пользователях и о стране происходит за рубежом, потому что самые широкие

Американцы с помощью журналистов, медиа, государственных деятелей, инвестиционных банкиров надуют пузырь и собирают гигантское количество денег на новом технологическом рынке. Деньги собираются под обещания, под «новую экономику», «под технологии, которые меняют мир», «новый технологический уклад» и тому подобное. Как правило, в реальности, на пике пузыря, деньги даются под десяток слайдов в PowerPoint. Потом инвестированные деньги всем «прощаются», стартапы в большинстве разоряются, а из грома и треска лопнувшего пузыря, как Терминаторы из пламени ядерной войны, восстанут всего несколько суперкорпораций. Основной экономический продукт Америки — это не деньги и даже не ложь (хотя и то и другое они производят в огромных количествах), а глобальные суперкорпорации. Они таким способом захватывают мир.

линейки сервисов и самые большие аудитории у Гугла, Фейсбука, Твиттера, Инстаграма, Ютуба. Естественно, платёжные системы «Виза» и «Мастеркард» также видят зарплаты и расходы, географию покупок и перемещений карточек россиян.

Это всё — американские компании, работающие в юрисдикции американского «Акта о свободе 2015» (бывшего «Патриотического акта 2001»), требующего передавать все данные пользователей в АНБ. То есть практически все социальные и онлайн-данные российских граждан уходят к американским ИТ-корпорациям, а от них — к американским спецслужбам.

В Больших данных очень важно, чтобы собирать информацию из разных каналов, потом их сличать и получать новые знания, идентифицировать пользователей, их потребности, интимные особенности и т. п. И тут у Гугла и Фейсбука просто нет конкурентов. У них есть и поисковые запросы, и социальный гриф пользователя, и переписка, и фото, и география.

Сейчас у нас абсолютно неправовая сфера в этой области, потому что в России пока нет закона о Больших пользо-

вательских данных. Он сейчас пишется, идёт бурная дискуссия в правовом направлении программы «Цифровая экономика». В том числе нужен более частный закон об общедоступных персональных данных: о тех, что сам пользователь о себе выкладывает в интернет.

Но пока рынок данных уже есть, эти данные уже отдаются, выкачиваются, воруются, перепродаются, и риски для граждан, для общества и для страны — огромные.

Данные выкачиваются на всех. Приведу пример. Я читал лекцию студентам, и кто-то из аудитории говорит: а что мне до того, что за мной следят? Если ФСБ следит, я ещё, может, буду бояться, а что мне АНБ?

Это вроде бы верно. Но современная пропаганда и влияние устроены как реклама. То есть конкретный человек или аккаунт до какого-то момента никого не интересует, а интересует процент конверсии в полезное действие: рекламу, продажу, влияние.

Допустим, только один из ста сегодняшних студентов что-то нахулиганил: наркотики, изнасилование, растрата, педофилия, с ваххабитами

или игиловцами связался. Это легко выяснить автоматическим анализом. То есть 1% аудитории позволяет иметь какой-то компромат на себя. Допустим также, что потом, через 10–15 лет, часть нынешних студентов станет значимыми людьми: бизнесменами, депутатами, помощниками министров, министрами. Пусть лишь один из ста сегодняшних студентов станет важным человеком — депутатом, начальником большой компании, сотрудником администрации президента. Перемножим проценты: умножаем 1% конверсии этого на 1% конверсии того, получаем 0,0001. Одна десятитысячная. Казалось бы, очень мало, но если постоянно мониторится 40 миллионов сегодняшней молодежи, то получится, что через 10–15 лет одна десятитысячная от 40 миллионов, то есть 4000 человек, в чём-то весьма негативном замешанных, на которых есть компромат, будут уже находиться на важных должностях в государстве или крупных компаниях. Четыре тысячи важных людей «на крючке»! Это огромный ресурс влияния.

И это уже произошло в Европе, за которой англосаксонская система «Эшелон» следила с начала 90-х годов прошлого века. Там практически все евробюрократы управляемы извне, сидят «на крючке». Более того, насколько можно судить, там работает такой механизм: до определённого уровня карьеры за людьми следят и эти крючки к ним подбирают, а с определённого уровня начинают решать — кого продвигать. И продвигают, естественно, того, кто управляем, кто на крючке.

И когда внезапно выясняется, что глава Германии канцлер Меркель прослушивается разведкой США, как реагирует Меркель? Что она делает? Ничего: смиряется, утирается, потому что она «на крючке». И мы видим, что она вообще управляема: против желания своего народа гонит миллионы мигрантов в страну. Она делает, что ей приказывают извне.

У нас сейчас происходит примерно то же самое: массовый сбор данных о гражданах внешними компаниями и структурами, потому что сейчас за-

падные игроки никак не ограничены в сборе данных. Возможно, новый закон создаст для них барьер.

А самое нехорошее в этом — даже не навязчивая реклама или нарушение приватности, а **возможность анализа настроений, измерение социальной температуры, доставки сообщений до аудитории, влияние, пропаганда, организация беспорядков внешними силами.**

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА ВСЕГДА ГОРЯЧАЯ

Надо понимать, что мы уже находимся в условиях информационной войны, и это война горячая. Она уже идёт.

Вот когда президент Путин говорит «наши партнёры» или когда военные говорят «наш потенциальный противник» — они фиксируют тот факт, что «горячая война» у нас пока не идёт или идёт косвенно, «по доверенности», в других частях света.

А в информационной войне противник не потенциальный, а действующий, это враг, он работает, наносит удары, атакует. Мы в Кривбруме анализируем всё медийное пространство Рунета — 20 тысяч СМИ и 120 миллионов аккаунтов Рунета — и видим, как информационная война идёт на нашей «территории».

При этом информационная война, в отличие от обычной войны, не регулируется никакими международными законами и конвенциями, она не объявляется, её нельзя доказать, нельзя предъявить, её нельзя прекратить, в ней можно только проигрывать или выигрывать. Мы в РФ до последнего времени — проигрывали.

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ВОВЛЕЧЕНИЯ

Кроме прямой пропаганды разного рода негатива, в информационном пространстве появились продвинутое технологии манипуляции, социотехники.

Активно используются многоступенчатые техники вовлечения и управления, как давно известный нам с перестроечных ещё времён MLM (Multi Level Marketing), многоуровневый

маркетинг, наподобие «Гербалайфа» или «Орифлейма», только сейчас реализованный технологически, позволяющий втягивать в деструктивные группы пользователей соцсетей, в первую очередь подростков. Это может быть группа побуждения к суициду, группа побуждения к школьному расстрелу, к наркотикам, ещё к чему-то, даже просто втягивание в группу фанатов какой-нибудь книжки фэнтези.

Технология одна и та же: широкая воронка на входе, многоступенчатое вовлечение и фильтрация, отсеив тех, кто невнушаем, раздача модераторских прав на нижнем уровне самим подросткам (которым прикольно командовать сверстниками), на следующем уровне кому-то постарше, двадцатилетним, у которых уже может быть и меркантильный интерес. На третьем уровне, как правило, концы уходят за границу. То есть возникла развитая технология создания таких групп, и применяется она для совершенно разных целей.

Ни наши правоохранительные органы, ни Министерство образования пока не знают, что с этим делать систематически. А там «колумбайнеры» (поклонники школьных расстрелов), АУЕ (блатная романтика, вовлечение в криминал), секты, ваххабиты, ИГИЛ (запрещена в России). Необходимо что-то делать.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ. НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Второй пример пользы и вреда в одном флаконе — искусственный интеллект. Это громкое слово, про него сейчас очень много рассказывает кто угодно.

Технически искусственный интеллект — это просто методы оптимизации и машинного обучения, позволяющие быстро обрабатывать большие данные и делать распознавание заданных явлений и объектов. Это хорошая вещь, которую можно использовать для оптимизации производственных процессов. Для поиска производственных дефектов, предсказания выхода из строя техники или производственных линий и т. п. Для управления химическими процессами.

А можно, например, диагностировать или предсказывать болезни. Сейчас запущено огромное количество медицинских стартапов, где рак на ранней стадии распознаётся лучше, чем это делают профессиональный хирург и онколог. Искусственный интеллект позволяет, например, человеку написать много правил для решения задачи, а потом ИИ из них отбирает те, что лучше всего решают задачу, а человек это делал бы годами. То есть польза несомненна.

Много шума про беспилотные технологии, даже беспилотные КаМАЗы уже ездят. И это рано или поздно будет создано: будут ездить беспилотные машины. Хотя пока наша инфраструктура, дороги, ПДД, страховки и законы для этого не годятся. Безлюдные технологии, безлюдные магазины, техподдержка, когда всё выполняют роботы, — это выглядит заманчиво, кажется, что всё улучшится и наконец-то уж наступит Счастье для всех и даром.

И искусственный интеллект, конечно, важен для обороноспособности, для беспилотных машин. Если всё будет происходить на гиперзвуке, никакой оператор ПВО или пилот истребителя

не успеет ничего предпринять, ему потребуется цифровой ассистент.

Видали роботов, которые демонстрируют подбрасывание шариков, например? Они делают это с такой скоростью, сколько гравитация позволяет. Десятки раз в секунду. Глаз не успевает увидеть шарик. А если на поле боя будут работать роботы, которые стреляют с такой скоростью, что никакой реальный солдат просто не будет в состоянии даже заметить, что по нему ведётся огонь?

То же самое с защитой: условно говоря, можно представить робота-телохранителя, который пулю, выпущенную убийцей, видит радаром за 300 метров и успевает её поймать, потому что сам он движется гораздо быстрее пули.

Эти вещи, скорее всего, будут рано или поздно сделаны: не в виде антропоморфных роботов, но тем не менее они будут созданы.

РИСКИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Про риски искусственного интеллекта тоже много пишут. Хотя, конечно, рассказы о том, что искусственный интел-

лект захватит мир, что он обретёт сознание и начнёт вредить людям в стиле голливудских фильмов — это ерунда, поскольку все неприятности в нашем мире происходят от людей, а не от технологий или от искусственного интеллекта. Это люди учат машины плохому.

И бояться надо злых и умных людей, а не каких-то их инструментов.

Притом что на нас и так постоянно нацелены ядерные ракеты американцев, бояться ещё и искусственного интеллекта — довольно нелепо.

Какие риски у искусственного интеллекта? В первую очередь — опять же тотальная слежка. Например, сейчас у нас есть небольшая компания по нейронным сетям и распознаванию, мы выкачиваем социальные сети, а нейронная сеть уже может распознать всё, что есть на фотографии. К примеру, человек с бородой, значит, ему можно так называемые барбершопы рекламировать. Человеку в очках — оптику. У человека на заднем плане машина БМВ, значит, он потребитель такой техники и вообще состоятельный. Что у него в кадре — горы, пляж, отель, ресторан, — всё это распознается довольно быстро, в реальном времени. Выкачал фотографии,

и знаешь все об окружении человека (ну не человека — аккаунта). Далекое не всем это понравится.

Вообще, видео и фото, обрабатываемые ИИ, — огромная брешь в приватности. Сейчас, например, Департамент информационных технологий Москвы (ДИТ) по всему городу установил для обеспечения безопасности (во дворах, на площадках, на улицах) несколько десятков тысяч камер высокого разрешения. И в них установлено распознавание лица, причём не просто распознавание лица, а с сопровождением с камеры на камеру: человек идёт по городу, и его видят десятки, сотни камер за день. ГИБДД имеет камеры, которые распознают номер автомобиля и тоже могут его «вести».

И это всё происходит в «серой правовой зоне», то есть пока нет закона, который запрещал бы это делать или как-то регулировал. В США

и Британии то же самое. Есть оценки, что британца, вышедшего в Лондоне на работу, за день увидят и запишут больше тысячи камер. В Москве это тоже несколько сотен.

Это приводит к тотальной прозрачности, потому что камеры есть везде: и в торговых центрах, и в лифтах, и в отелях.

Это никак не регулируется, эти данные даже не являются персональными (пока нет идентификации по ФИО), и мы даже не можем узнать в точности, кто их собрал и куда дел — у этих камер десятки владельцев.

ВОПРОС НЕ В КАЧЕСТВЕ ИИ, А В ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Самое неприятное — то, что люди готовы передать ответственность искусственному интеллекту. Они не понимают, что вопрос: хорошо ли

искусственный интеллект делает свою работу, и вопрос: передавать ли ему ответственность — это два абсолютно разных вопроса.

Обычно говорят: ну если ИИ делает это лучше человека — ну пусть тогда он и делает. Это всё равно, что рассуждение: вот у меня есть сосед, он моложе меня, красивее, богаче, пусть он спит с моей женой, а не я, это же честно, это справедливо, это конкуренция. Здесь — та же логика, только хуже.

Искусственный интеллект не может быть медиком, судьёй, не может принимать решения за людей. Я считаю, что и скоринговым клерком, который принимает решение о выдаче кредита в Сбербанке, — тоже не может и не должен.

Не потому, что плохо работает, а потому что он не может нести ответственность, с него не спросишь. Предположим, кого-то приговорили неправильно

к штрафу или к высшей мере наказания. Судья отвечает должностью, свободой, общественным осуждением. Он человек — с совестью и ответственностью. А искусственный интеллект чем отвечает? Кто ответит за то, что машина испортила человеку жизнь? Пусть даже всего лишь кредитную историю? Деинсталлируют его и установят новую версию, получше?

Передачу ответственности искусственному интеллекту нельзя допустить.

Уже близка ситуация, когда не американский «пилот», сидящий за столом в пустыне Невада за 10 тысяч километров от управляемого им «Предатора», будет убивать людей джойстиком, свадьбы и госпитали расстреливать на Ближнем Востоке, а дронам передадут лицензию на убийство. Увидел ствол Калашникова за плечом, похож на полевого командира, вообще чем-то не понравился нейронной сети — убивай.

Ну и действительно, слишком много противников, целей для убийства, «пилотов» не хватает, они нервничают, у них срывы нервные.

У Роберта Шекли есть рассказ «Страж-птица» — рассказ про ИИ от 1953 года. Это рассказ как раз о передаче роботам права убивать — исключительно для благих целей. Советую прочитать, если не читали, он короткий. Поразительно, что эти проблемы уже рассмотрены гениальным писателем 65 лет назад в очень технически корректной и социально актуальной форме. И уже сделан неутешительный вывод. Как написал Станислав Лем, «эта кибернетическая притча иллюстрирует то, что можно было бы назвать «кибернетическим недомыслием», возникающим из того, что всю власть над определённой областью явлений неосмотрительно доверили машинам». Сам Лем, кстати говоря, в своих книгах также предсказывал эту жажду людей сбросить ответственность на машины.

УВОЛЬНЯЕТ РАБОТНИКОВ НЕ ИИ

Сейчас уже начинаются разговоры, мол, в результате применения искусственного интеллекта миллионы людей

высвободятся, и надо попросту им базовый доход обеспечить, и этого будет достаточно. А работать будут роботы, наступит эпоха благоденствия.

Но это же означает — превратить людей в животных. В книге Стругацких «Хищные вещи века» наглядно показано, что будет с массами людей, которым не надо работать и у которых есть базовый доход. Произойдёт превращение их в слизь, мусор на интервале одного поколения. И эту слизь уже сейчас частично можно наблюдать в маленьких странах Европы с либеральными законами: во что превращается нация, которой ничего не надо делать, которой не надо себя защищать.

Обычно «певцы ИИ» говорят: это технологии вымывают людей, их увольняют ИИ, ИИ забирает рабочие места, потому что это вопрос эффективности. Но технологии людей не увольняют, людей всегда увольняют люди: кадровики по приказу акционеров. И если у тебя такой социальный строй, что позволяет увольнять, выбрасывать на улицу миллионы работников ради грошовой экономики, то это строй виноват, а не технологии.

Ведь аргументы обычно такие: раз технологии мне экономят деньги, то я заменяю людей на эти технологии, потому что иначе производство будет неконкурентоспособно, меня сожрут конкуренты, которые сделают то же самое (замену работников) раньше меня.

Но это будет огромная социальная катастрофа, и пока удовлетворительных ответов на эту угрозу распада, разложения общества западная или наша мысль не нашли.

Пока мы видим даже не выбрасывание людей на улицы, а массовое закрепощение роботами. Вот «Яндекс», «Убер» создали сервисы такси, информационные сервисы, управляющие массами «самостоятельных агентов» (так называемая уберизация), которые зарабатывают свои деньги, якобы играя только информационную роль — роль информационного посредника.

А люди — якобы самостоятельные экономические субъекты — таксисты, например. Раньше они были сотрудниками таксопарков, их защищал закон,

профсоюз. Сейчас их не защищает никто, их выбросили на улицу в формате самостоятельных «предпринимателей», сделали вид, что они — индивидуальные предприниматели. На самом деле это худший вид найма, такой **новый вид информационного рабства**.

Яндексовская модель или «Убера» очень характерна: она реально улучшает сервис для потребителей. Такси реально стало приезжать за три минуты, оно не очень дорогое. Массы людей начали пользоваться — те, кто раньше на такси не ездил.

Улучшение, удешевление сервиса произошло. Появился, как нам говорят, новый сектор экономики...

Но что в действительности это означает? В реальности посредник снял с себя социальную ответственность, таксопарки сняли с себя социальную ответственность, сняли с себя социальную нагрузку. «Самостоятельный предприниматель» совершенно не защищён, ездит по 20 часов в сутки, зарабатывает всё меньше, управляется всё более жёстко.

Но самое неприятное при этом — роботизация людей. Человека, по сути, превращают в робота, управляемого роботом более верхнего уровня.

Таксисты перестали знать город, едут, как им говорит робот, и думают только о том, сколько им робот начислил денег и кто им поставил какую оценку: введена система рейтингов, и человека начинает оценивать искусственный интеллект. У них дикая фрустрация и невроз, потому что они не понимают, как их оценивают, и ничего не могут сделать с роботом.

Но более того. Совершенно открыто планируется через некоторое время запустить беспилотные такси. Таксисты дорабатывают последние годы, потом будут работать беспилотники, а сотни тысяч людей просто выбросят из этого бизнеса, исключат как лишнее звено. Но куда пойдёт человек, который всю жизнь водил машину? У него давно нет другой профессии (а если какая и была — там, возможно, уже тоже люди не нужны). Что он будет делать?

Возникает диктатура такого сервиса, сервис становится всемогущим

Биткойн — это спецоперация, некая попытка создать доллар 2.0. Нам тут точно ничего не светит, если не делать своё. А аргументы, что это деньги из воздуха, мы их просто генерим, электричество в деньги переводим, всех посредников уберём, нотариусов, банкиров уберём — несостоятельны. Ведь существующие деньги — это огромная сложнейшая технология, которую строили много веков, она не так проста, как кажется, и она гораздо сложнее любого биткойна. Биткойн сейчас — это просто нал, причём чёрный.

арбитром и этими роботизированными людьми управляет. К тому же сюда вторгаются такие же, но западные сервисы, размером на порядок-два больше.

У «Убера» капитализация 100 миллиардов долларов, притом что убытки гигантские. Почему так? Как он существует? Потому что кто-то, у кого в руках механизм оценки, в Кремниевой долине на биржах накачивает «Уберу» капитализацию, чтобы тот для начала захватил мир. А когда у тебя капитализация накачанная, ты можешь за эти акции покупать что угодно — людей нанимать, опционы давать, партнёрства создавать, деньги привлекать. То есть, имея гигантские убытки и гигантскую капитализацию, ты можешь захватить мир, а там уж будет видно. Такая это модель. И **когда в Россию приходит игрок, у которого активы в 50–100 раз больше, чем, скажем, у «Яндекса», как с ним воевать без помощи государства? Никак.**

Или возьмите ажиотаж с биткойнами.

НОВЫЕ ДЕВЯНОСТЫЕ

Мой знакомец, бизнесмен, заработал «лишние» 200 тысяч долларов и решил купить биткойнов. Выяснил, где обменник, взял контакты, позвонил. Ему сказали: пойти в ресторан, он пошел, отзвонился оттуда. Ему перезвонили, сказали перейти в другой ресторан, он перешёл. Дальше ему сказали подойти к промышленному зданию, там сбоку

дверь без вывески, он постучал в железную дверь, его впустили.

Он спустился в подвал: полутёмное помещение, посередине стол, сидят шесть клиентов, все разные — от бандита до профессора. Очень хотят биткойнов, чтоб не опоздать. Напротив сидят клерки. Стол завален долларами и евро. Клерки считают, охранник в бронеке и с оружием ходит за спиной.

Ничего не напоминает? А мне напоминает — обналочку году этак в 1995-м, когда из обнальной конторы клиенты с полумиллионом долларов на плече и с пистолетом за поясом выходили. А это ведь происходит сейчас!

То есть биткойны — якобы совершенно прозрачная, честная и чистая сфера, где за тем, что честно, следит якобы сама технология, — на деле абсолютно серая, даже чёрная зона, в основном используемая для наркотиков, обнала, отмывки.

А у нас многие считают, что надо бежать, успевать, делать крипторубль, разрешать оборот криптоденег, «майнить» крипту на АЭС», а то будет поздно.

Иллюзия, что мы сделаем свой крипторубль и он позволит всё контролировать, на мой взгляд, опасна. Либо это нужно делать жесточайшим образом, не пускать сюда никакие криптовалюты — только наши биржи пусть работают. Потому что **биткойны — это, конечно, спецоперация спецслужб США для подрыва экономического суверенитета стран.**

Я проводил закрытые технологические семинары, и в частности, у нас

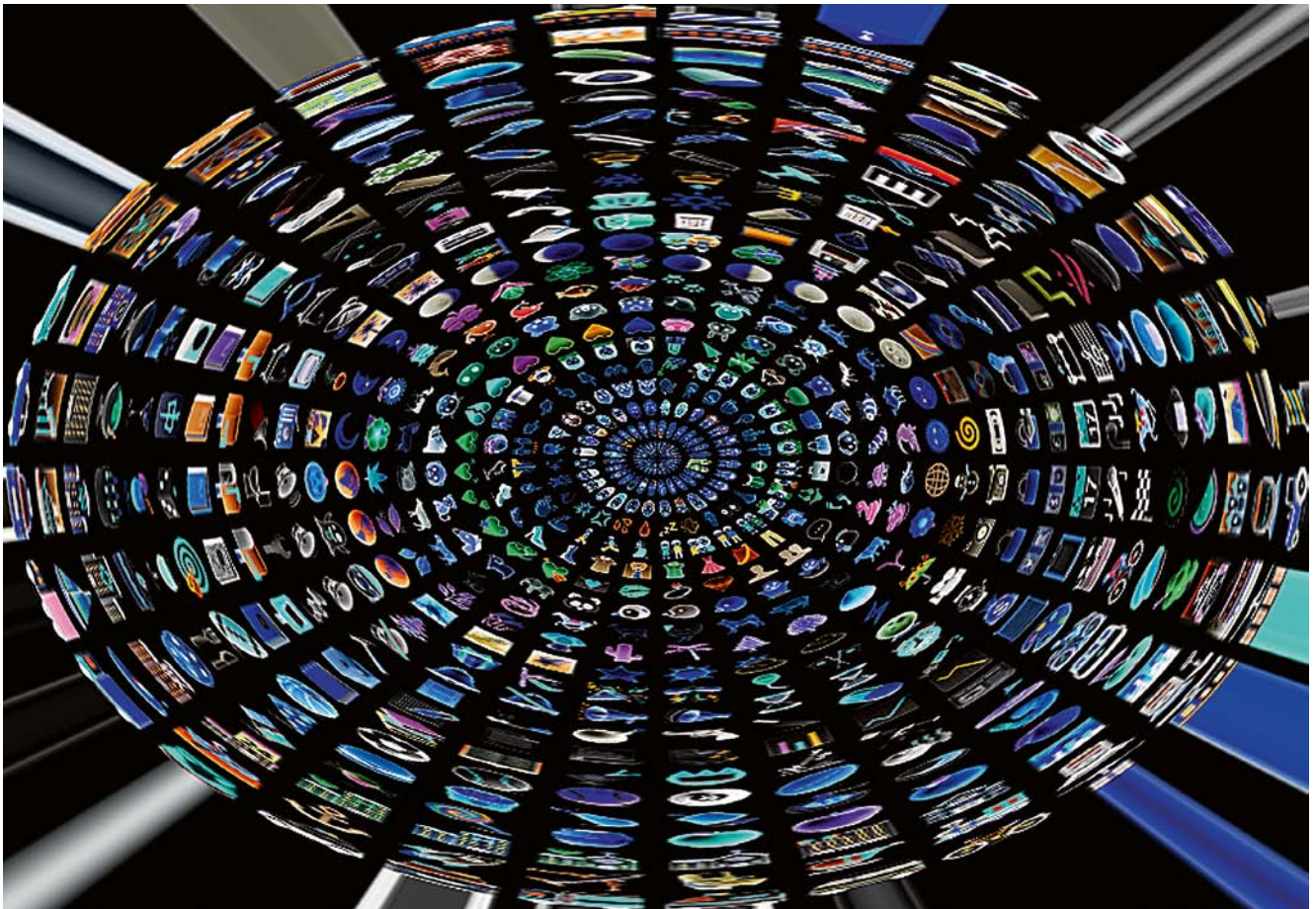
был семинар по финтеху. Приходили энтузиасты, которые у нас двигают биткойн, блокчейн и так далее. Они любят биткойн, восхищаются им — говорят, что всё круто, блокчейн решит все наши проблемы.

Но когда их начинаешь расспрашивать про источник идеи и технологии, они признают — да, конечно, никакого японца, который якобы всё это придумал, не было, скорее всего, это легенда. Это группа криптографов, потому что работы там на несколько лет деятельности небольшого научного института. А где этот институт мог работать, какие криптографы действовали? Ну в США, это очевидно, говорят специалисты, видно по используемой технике, структуре документов, по лексике.

А что такое группа анонимных американских криптографов? Это спецслужбы, больше нигде законспирированные криптографы не работают.

Это спецоперация, некая попытка создать доллар 2.0. Нам тут точно ничего не светит, если не делать своё. А аргументы, что это деньги из воздуха, мы их просто генерим, электричество в деньги переводим, всех посредников уберём, нотариусов, банкиров уберём — несостоятельны. Ведь существующие деньги — это огромная сложнейшая технология, которую строили много веков, она не так проста, как кажется, и она гораздо сложнее любого биткойна. Биткойн сейчас — это просто нал, причём чёрный.

С моей точки зрения, основной риск криптовалют — это **повышение непрозрачности**, это рост теневой сферы, и самое главное — это подрыв экономического суверенитета. Потому что курсом управляют те, у кого биржи. Почему несчастного Александра Винника арестовали в Греции? Потому что он создал независимую биржу. В эту сферу двинулись русские, и большой процент бирж стал независимым. Сейчас их всех плющат: американцы хотят всех подавить, потому что сами перестают контролировать эту сферу. Еще туда пришли китайцы, которые массово майнят криптовалюты, что тоже мешает американцам. То есть пошло не совсем так, как они хотели.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ КВЕСТ

Сейчас нас уговаривают гнаться за новейшими технологиями. Каждый полгода — разными, новыми.

Я как-то на день рождения дочки на даче сделал квест: нарисовал 10 бумажек с загадками, спрятал подсказки по участку. Сидели мы, пили чай на высокой террасе и смотрели, как по нашему участку бегают дети, заплывают в пруд, лезут на дерево, в бассейн ныряют, чтобы добыть следующую подсказку.

И то, что у нас происходит с новейшими технологиями, мне напоминает такой квест. А вот сейчас Agile, а сейчас биткойн, искусственный интеллект, а виртуальная реальность, а потом интернет вещей, и так далее.

Чем всё это плохо? Чем плох такой квест? Потому что его кто-то другой придумал и бумажки разложил. В этом проблема.

Почему именно сейчас и именно блокчейн? Поскольку я математик

по образованию, то понимаю, что там ничего нового нет, во-первых, и, во-вторых, это технология очень узкого применения. То, что её так бешено раскручивают, означает, что это кому-то очень нужно.

Блокчейн — это связанный список, с одной стороны, это его первое свойство. Что это значит? Блокчейн — это цепочка блоков, то есть журнал каких-то транзакций.

Для того чтобы журналы транзакций не подделывались, считают контрольную сумму каждой транзакции — блока. Контрольная сумма покажет, если содержимое блока изменилось — тогда старая контрольная сумма не совпадёт с контрольной суммой нового контента, а подделать её трудно, если нет ключей к алгоритму её вычисления.

Это и так давно делают в мире финансов, делают и с платёжками, и много с чем.

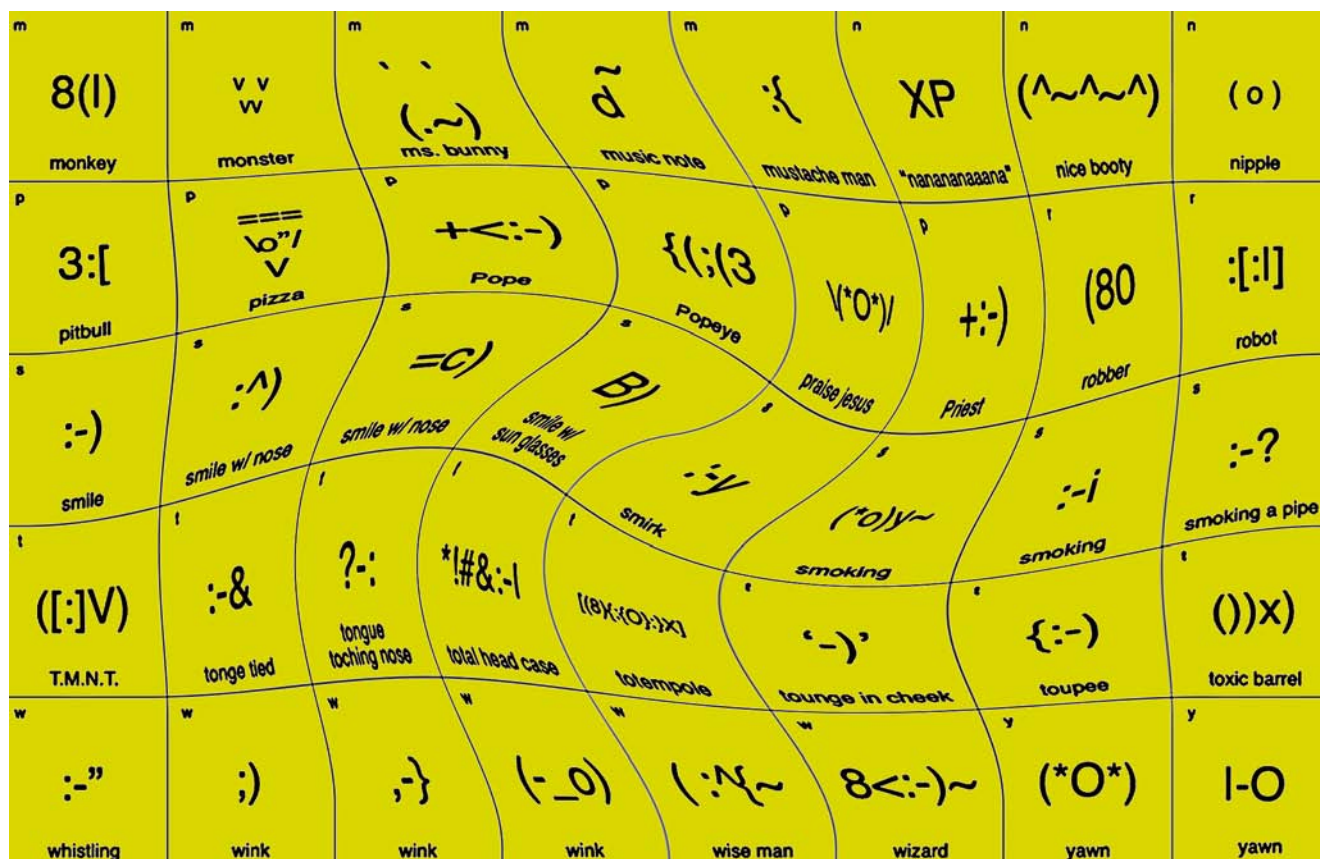
А здесь просто в контрольную сумму блока вставляется контрольная сумма предыдущего блока, чтобы нельзя было

подделать цепочку — и всё. Получается связанный список. Эту контрольную сумму трудно вычислить, поэтому подделать транзакцию в середине цепочки — трудно, дорого, нужно пересчитывать все контрольные суммы от подделанной середины до конца. Вот и вся идея, известная уже довольно давно, десятки лет.

И второе свойство — это распределённое вычисление, вычисление блоков раздают всем пользователям, они считают эти блоки. Это сделано как бы для прозрачности и надёжности.

И вот, например, говорит мне знакомый: в РЖД много воруют на грузоперевозках, там хищения, надо поставить блокчейн, сразу всё исправится. Я спрашиваю его: а кому ты дашь вычислять эти блоки? Путевым обходчикам? Управляющим шлагбаумами на переездах? Зачем тебе распределённое вычисление? Это же утечка наружу данных о грузоперевозках?

А если не нужно распределённое вычисление, сделай просто надёжную

информационную систему, зачем тебе блокчейн? Ну и как ты блокчейном справишься с чуваком, который перебьёт номер на контейнере?

Знакомый озадачен. Он не думал над этим:

— Ну, может распознавать камерой номера... наклеить там специальные коды везде...

— Ну да, только это уже не блокчейн. А просто рациональная организация перевозок, учёт и контроль.

Обычно ответа на такие вопросы нет — сторонники блокчейна обычно над проблемой утечек конфиденциальной информации, контроля достоверности вводимых данных, затрат вычислительной мощности не думали, они вообще в среднем по образованию не математики или инженеры, а журналисты, маркетологи, в лучшем случае финансисты.

Но вот что таких сторонников блокчейна особо возбуждает — выборы. Вот, мол, раздадим всем считать выборы, и тогда их точно не подделают. «Точно», потому что, мол, ясно же, что выборы подделывают. А тут сама технология

и граждане обеспечат честные выборы! Или будем контролировать работу депутатов, муниципалитетов, чтоб не воровали!

И когда, наконец, появляется политическая компонента, становится ясно, в чём причина шума. Соответственно, создаётся дикий шум, как он создавался в годы пузыря-интернета в 99-м году. Оценивать трезво невозможно, все начинают паниковать: надо бежать, мы же опоздаем! Мы догоняющие: у нас чужая повестка, нам это всё навязывается.

ХВАТАЙ МЕШКИ, ВОКЗАЛ ОТХОДИТ

Есть ещё одна особенность этого шума. Поскольку навязывают скорость принятия этих технологий, это означает, что надо брать готовое, нет времени своё разрабатывать. Мол, вот оно есть, оно все выложено в исходных текстах, вы сами можете всё проверить, надо срочно внедрять. А готовое — американское.

Меня как-то пригласили на совещание в Ярославле, куда приезжали

региональные айтишники со всей страны. Им сказали — давайте внедряйте блокчейн и ИИ.

Они в недоумении — зачем им это нужно? На совещании они задают вопросы, а их прессуют, потому что если ты не отрапортуешь о своей инновационности, могут быть административные и карьерные последствия. Я в докладе пытался объяснить, что, во-первых, у нас будет зависимость от чужих технологий, во-вторых, все деньги будут улетать за рубеж за лицензии, и, конечно, будет удалённый контроль и управление. Потому что все технологии сейчас «облачные».

Есть ли риск опоздать, отстать? Есть всем известный график — кривая хайпа, так называемая кривая Гартнера. Она устроена так: медленное введение новой технологии, потом пик, потом падение в «ущелье разочарования», потом «плато продуктивности».

Это означает, что вокруг новых технологий создаётся пузырь медийной раскрутки, в котором тратится гигантское количество денег и принимается множество неверных решений,

люди вкладывают время, деньги, усилия в «новую технологию», реальных продуктов нет, есть медийный шум, а потом всё рушится, все испытывают разочарование — технологии, стартапы, инвестиции падают в «ущелье разочарования» и умирают там. А потом всё постепенно выходит на «плато продуктивности», где остаются далеко не все, а только прагматичные, полезные **продукты**, базирующиеся на новой технологии.

Мы в отношении блокчейна, ИИ сейчас находимся на пике, в этом самом пузыре, и довольно скоро начнётся разочарование. Большая часть этих новинок просто «не взлетит».

Не все технологии, даже броские, волшебные — нужны. Например, виртуальная реальность. Начиная с 1995 года говорили, что она изменит мир. Было три захода виртуальной реальности с начала 90-х годов. Почему-то она никак не приживается. Возможно, сейчас как раз уже начинается «плато продуктивности» для VR — не такие волшебные применения, но зато реальные, востребованные.

Или, например, 3D-кино. Наступило ущелье разочарования. Основные производители телевизоров — Hitachi, LG, Samsung — 3D-телевизоры сняли с производства. И на фильмы 3D в кинотеатрах люди практически не ходят. А ведь какой был шум. Помните фильм «Аватар», который запустил этот хайп вокруг 3D? Эта штука почему-то оказалась человечеству не нужна. По какой-то причине оно не идёт. Возможно, потом появится новая технология, позволяющая без очков, издалека, с любого ракурса смотреть, тогда, наверно, начнётся подъём на плато продуктивности.

Но, по сути, нам предлагается сейчас сценарий принятия новых технологий, где новое — тоже западное. В результате понятно, что доля наших технологий в РФ через 3–4 года ещё и сожмётся. Соответственно, правильный сценарий такой, что часть западных технологий придётся использовать, но в основном расширяться должны наши технологии, а не западные. И возникает «цифровая колонизация». Мы и так колонизованы, почти весь мир колонизован американ-

цами в цифровом плане. И это их новый способ. Не нужно высаживать морскую пехоту, бомбить с канонёрок, перекрывать проливы — можно колонизировать цифровым способом.

ВПЕРЕД К СВЕТЛОМУ БУДУЩЕМУ ЦИФРОВОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

У нас был семинар по интернету вещей и АСУ ТП, то есть по системам управления производством. Там у нас 100%-ная зависимость, нет систем управления производством отечественной разработки. Это значит, что шахты, домны, химические процессы управляются западными программными средствами, и все они сейчас соединены с интернетом, скачивают обновления и управляются извне.

Или, например, любой современный автомобиль содержит 40–50 операционных систем разного вида и навсегда зашитую, предоплаченную, с роумингом на весь мир или на весь регион SIM-карту для соединения с интернетом. И автомобиль знает, куда вы едете, нарушаете ли вы скоростной режим... Как правило, в кабине есть камеры со звуком и изображением, то есть вас ещё и автопроизводителю видно. И в реальности автомобиль в любой момент может быть производителем остановлен посреди дороги. Или, например, у него могут быть отключены тормоза.

Это даже не скрывают! Есть программа, по-моему, для БМВ, когда ты соглашаешься, что автомобиль оценивает твой стиль и качество вождения, и к концу года он готов тебе дать 700 евро скидку на страховку, если ты хороший водитель. То есть всё удалённо управляется.

И пользовательские устройства все — не нашего производства, госуправление — в том числе. Года три назад министр связи Никифоров проводил учения: что произойдёт, если наш интернет отключат извне. Вроде был сделан вывод, что у нас с этим более-менее нормально, мы защищены.

А сейчас был проделан натурный эксперимент: есть мнения, что блокировка «Телеграма» Роскомнадзором

(а я считаю, что это было довольно неаккуратно и неправильно сделано) — это тоже получились своего рода учения, чтобы понять, кто насколько зависим от западных сервисов. И вскрылись неприятные вещи, в частности, в самом Министерстве связи работа была полностью дезорганизована, когда «Телеграм» отключился (это было ещё до блокировки, по внутренним причинам самого «Телеграма»)

То есть «Телеграм» — это чуждая вещь. Никакого отношения к России, насколько я могу судить, не имеет. А отечественные системы госуправления и без того — на западной технике, программном обеспечении. И даже если написан и установлен свой софт, то когда отключишь что-нибудь, оказывается, что у них западная система веб-аналитики, счётчик стоит на госсайтах, а какие-то компоненты документооборота с Google Docs скачиваются из Америки. Зависимость довольно сильная.

Понятно, что хозяева этого цифрового пространства — американцы. А там есть «Акт о свободе», раньше он назывался «Патриотический акт». Это акт о том, что все сервисы должны сдавать данные о пользователях в АНБ. И, как рассказал Сноуден и Викиликс, все продолжают сдавать данные.

Какие основные цели этой колонизации?

Во-первых, технологическая зависимость, а во-вторых, прямой доступ к аудитории других стран. Когда, в частности, **главу Google Брина спрашивали, почему он то заходит в Китай, то выходит, то даст данные на диссидентов, то откажется, то поставит серверы в Гонконге, то нет, он прямо сказал — мы всё равно там должны быть, должны нести правду жителям тоталитарных стран, тут дело не в бизнесе.**

Тотальная слежка, прямой доступ к аудитории осуществляется так, что сейчас все соединения, от клиентского устройства до Фейсбука, Гугла, шифрованы сильным шифрованием. Никто в середине — Роскомнадзор или провайдеры, или СОРМ-2 — не может знать, что там. Сейчас так называ-

Социальные сети, мессенджеры превратили довольно большое количество наших сограждан в медийных животных, у которых клиповое сознание и окно памяти на два коммента назад. Люди не могут удерживать внимание, не могут сосредоточиться, они должны все время щёлкать в десяти окнах, в двадцати сидеть и переключаться, они не могут смотреть видео дольше двух минут — устают. Нам в этот мир двигаться зачем?

емя атака Man in the middle, то есть когда можно перехватить и расшифровать, уже невозможна. И дальше будет только хуже.

С «Телеграм» та же самая история, с Instagram, с YouTube.

Сейчас американцы пытаются осуществить целых три проекта по «Интернету с неба»: запустить несколько тысяч спутников и раздавать интернет напрямую. Это не бизнес, а попытка получить прямой канал влияния на аудитории нужных им стран — мимо национальных провайдеров, которые исполняют локальные законы. По сути, создать новые «вражеские голоса».

То есть общая идея — разговаривать с населением, а в первую очередь, конечно, — с подростками и студентами — напрямую.

Что делать? Соблюдать **ментальную гигиену**, развивать своё. Надо сказать, что во всех направлениях, которые я перечислил, у нас огромные заделы — всё есть. Есть огромное количество коллективов, которые могут отлично работать, но им нужны деньги, нужен рынок, нужны задачи.

В первую очередь стране нужны очень большие проекты в области технологий. В своё время, когда делали «Буран», этот проект тянул за собой всю страну. Сотни институтов, миллионы людей работали на «Буран». Такие глобальные проекты нужны.

Сейчас создан центр компетенций по импортозамещению. Идея такая, что иностранные технологии надо вытеснять нашими, и в 2024 году вместо условных 90% импортных, должно стать 90% наших технологий. В частности, был принят закон о том, что госорганы

обязаны покупать русскую технологию, если есть русский аналог. Создан Реестр отечественного программного обеспечения, там уже 4000 программных продуктов. То есть у нас есть практически всё своё.

По блокчейну и криптовалютам у нас тоже хватает своих специалистов, надо их использовать.

КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЁ

Самое главное, что у нас плохо — это кадры, потому что мы является фабрикой бесплатных кадров для американцев, и кадры постоянно уходят. У Штатов есть печатный станок, они печатают деньги сколько хотят, у них зарплаты в 3–4 раза выше, там отличный климат и много работы. Вот наши ребята сейчас с блеском выиграла олимпиаду по программированию. И американцы всех заберут к себе, я думаю. На олимпиаде прямо в фойе Intel, IBM, Microsoft толчётся. Предлагают зарплату сразу в 3–4 раза выше, чем у нас.

Уже много народу уехало. Вот я был в одном университете, декан говорит — у нас есть кафедра Больших данных, и мы выучили двух специалистов, аспирантов, оба сейчас в Долине работают. Круто же? Я говорю — и чего же хорошего?

— Ну как, это, мол, показывает наш уровень.

Но вы-то зачем их учили, чтобы они уехали? Зачем вы потратили гору государственных денег и времени на них?

На один программистский факультет заходишь, там плакат «Работа в США» и фирма рекрутёрская сидит, ей декан дал на факультете площади.

Нужно удержать кадры. И удерживать их надо не только какими-то барьерами, но обязательно — ставить интересные задачи, выделять деньги, ипотеку, гранты, инвестиции — всё что угодно, чтобы привязать к нашей территории.

К сожалению, так называемые институты развития у нас совершенно негодные. Сколково, ФРИИ, РВК — все они работают по западной венчурной модели. Но инновации ни в СССР, ни в Корее (в Samsung) не делались американским способом.

Вообще, Кремниевую долину нигде повторить не удалось, это уникальное место, связанное, в первую очередь, с близостью к богатой американской оборонке и к печатному станку. Все венчурные дела, весь «чернозём», который там вырос за последние 70 лет, — это авиационные и военные деньги.

Samsung — инновационная компания, они делают телефоны гораздо лучше айфонов. Где же у него стартапы? Там вообще другая модель инноваций.

А у нас пытаются какие-то монетизирующиеся стартапы делать на государственные деньги. То есть стартаперу дают государственные деньги (с дикой отчётностью и ограничениями), а потом требуют показать монетизацию. Это же нелепость. Мне кажется, должен быть совершенно другой принцип, как во времена Сталина, — конкурирующие КБ. **Чтобы признать, что заказ выполнен, надо, чтобы эта «штука» полетела, а не чтобы она деньги зарабатывала. Нужно, чтобы эти штуки летали, а не чтобы они монетизировались.**

Ну и, конечно, нам нужно управление ИТ-отраслью по типу сталинских КБ, нужны генеральные конструкторы. Этого нет. Минсвязи этой роли не играет. А кто это будет делать? Программа «Цифровая экономика» как бы предполагала это. Но кто во главе стоит — генеральные конструкторы? Нет, пока там чиновники.

И надо защищать цифровой суверенитет, потому что если мы всё это даже будем импортозамещать, а у нас будет бесконтрольное вещание вражеских голосов, то они у нас просто заберут детей

и подростков. Тут, на мой взгляд, миндальничать нельзя. Но у нас чиновники страшно медийно зависимы, они хотят выглядеть демократами, они хотят ездить на Запад, иметь там репутацию и счета, боятся делать самостоятельные шаги. Ну вот разве что Роскомнадзор окончательно разоблачил себя как душитель либеральных свобод.

КАМО ГРЯДЕШИ

Можно слышать, что мы опоздаем, потом нам всё это придётся импортировать.

Проблема в том, что мы не знаем, куда они идут, хорошее ли это место, надо ли их догонять? Социальные сети, мессенджеры превратили довольно большое количество наших сограждан в медийных животных, у которых клиповое сознание и окно памяти на два коммента назад. Люди не могут удерживать внимание, не могут сосредоточиться, они должны все время щёлкать в десяти окнах, в двадцати сидеть и переключаться, они не могут смотреть видео дольше двух минут — устают.

Нам в этот мир двигаться зачем?

Длина поста в ЖЖ была около 3000 знаков, а сейчас пост в Facebook в пять раз короче. ЖЖ — уникальное явление, чисто русское, дискуссионная площадка с 2003 года, и можно увидеть, что люди обсуждали в 2003 году. Более того, некоторые эти дискуссии сейчас ожидают. Аудитория перешла в Facebook. А в Facebook все тонет. И то, что вы говорили неделю назад — сами вспомнить не можете, и найти там нельзя. Более того, все социальные сети очень сильно давят на то, чтобы вводить невербальные средства коммуникации — рожицы, эмодзи, лайки. **Современный человек, так называемый цифровой туземец, имеет расстройство внимания, не может сосредотачиваться.**

И вопрос — надо ли нам их догонять — не однозначный. Во-первых, когда мы их догоним, их в той точке уже не будет. Во-вторых, а куда они идут? Мы зачем их должны догонять, если не знаем, куда они? Самое страшное заключается в том, что они и сами, похоже, не очень знают.

Единственно, что заставляет смотреть, что они делают, и стараться сравняться в некоторых технологи-

ях — это оборонные потребности, чтобы они не сделали оружие, которому мы не сможем противостоять. Вот что нас должно беспокоить. А идти туда, куда они железной рукой тащат своё население, не нужно.

А нужно нам удержаться и успеть перестроить мир так, чтобы все не рухнуло, потому что построенная либерально-демократическая модель сама, без наших усилий себя дискредитировала и падает. И сейчас они второпях перестраивают мир на совершенно другой формат, чтобы успеть.

Это будет общество не в былой форме ромба, когда в середине — толстый средний класс, а в форме песочных часов, когда сверху есть небольшая элита, и есть широкое основание — «быдло», а среднего класса нет вообще, потому что он никому не нужен.

Немногочисленная элита — это финансисты, программисты, управленцы, учёные, владельцы, управляющие цифровой экономикой. И **быдло, которое получает ежемесячное содержание в виде базового безусловного дохода** и которое, в общем, никому не нужно, поэтому, может быть, даже

и стерилизовано или не стимулируется размножаться. Для этого им и нужны цифровые технологии — они именно этому служат, управлению обществом, полицией, армией, транспортом, производством, немногими суперспециалистами.

Делается это вполне сознательно, там не хаотический процесс. Конечно, в любом обществе очень много хаотических процессов и разных векторов интересов, но там есть люди, которые этим реально управляют.

УПРАВЛЕНИЕ ПРОГРЕССОМ

В начале 90-х годов прошлого века некий капитан ВМФ США создал так называемый Горный форум — Highlands Forum². Это был форум, посвящённый применению технологий для государственного управления, войны и всего остального. На нём присутствовали, как правило, вторые лица из разведки, обороны и первые лица компьютерных компаний. Эти люди собирались и до сих пор собираются несколько раз в год, без повестки, точнее, повестку выдавали только на месте, никогда не выпускали материалов. Какое-то время форум был небольшой, потом стало собираться до 100 человек. В основном

эти люди — капитаны индустрии, разведчики и военные.

В частности, они в определённый момент запустили программу обработки Массивных данных. Это начало 90-х годов, тогда это называлось не Большие данные, а Массивные данные. Видимо, они раздали денег и указаний во многие места, но, в частности, дали денег Сергею Брину и Ларри Пейджу. И есть воспоминания человека, который в этом Горном форуме работал и курировал Google, как он раз в квартал приезжал в кампус Стэнфорда, как к нему подъезжал на роликах Брин и рассказывал, как у него идёт создание Google. То есть Google изначально был сделан разведкой.

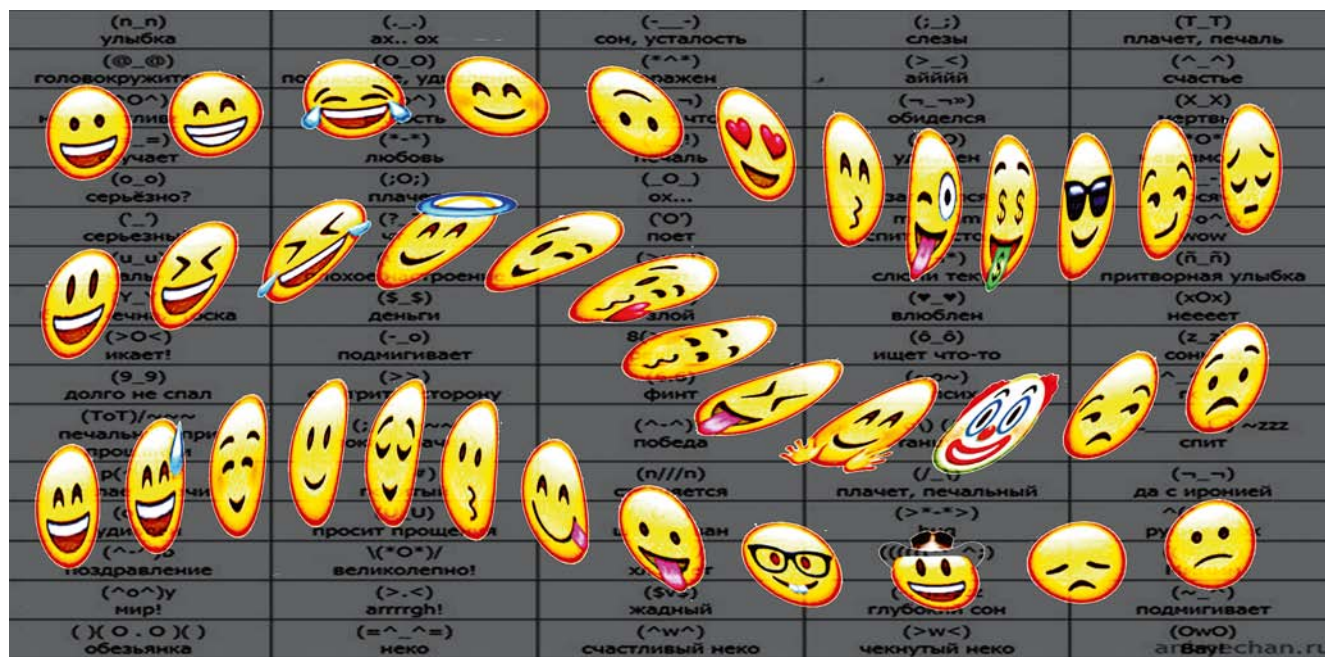
Этот Горный форум, по сути, принимал решения о том, как технологии будут развиваться в США и как они будут применяться во всём мире, в том числе для войны, для воздействия на Россию, на Китай... У них этих мозговых центров — Think Tanks — несколько тысяч, начиная от RAND Corporation и ниже, для разных целей.

Этот Горный форум — особенный, потому что он очень влиятельный. Например, один из его членов — Эрик Шмидт, который стал генеральным директором Google и одновременно совет-

ником президента США по технологиям. Ещё один завсегда — Питер Тиль, тот, кто сделал PayPal, а сейчас сделал систему слежки за людьми Palantir. Питер Тиль — профессиональный разведчик. И люди, которые сделали PayPal, — разведчики. А PayPal теперь, условно говоря, наблюдает все онлайн-платежи по всему миру. И так далее.

То есть этот Горный форум — пример неформальной структуры в США (наверняка она не одна — есть ещё Островной форум и многое другое), которая реально что-то проектирует. Они про Большие данные задумались ещё в начале 90-х! В этом смысле, я считаю, они довольно целенаправленно движутся, несмотря на всякие выбросы, кризисы, пузыри.

Но участок земли, на котором они стоят, сжимается у них под ногами, как шагреновая кожа, потому что либеральная модель однополярного мира, выстроившегося свиньёй за США, очень быстро рушится, сужается, и надо как-то перескочить куда-то. Они бы, может быть, и перескочили в Китай, да их туда не пускают. И, возможно, если мы не будем стараться за ними успеть и будем просто держаться своего пути, то от них ничего существенного не останется в ближайшие 10–15 лет.

² <http://d-russia.ru/kak-cru-sozdavalo-google.html>

ЧТОБЫ ЗАКОНЧИТЬ: НАДО ДЕЛАТЬ СВОЙ ПРИЁМ

У меня был в своё время тренер по ай-кидо, который говорил — делай свой приём. Если ты делаешь свой приём — не важно, какой у тебя противник, насколько он сильнее и больше, он всё равно упадёт. Если ты будешь нервничать, думать, что противник большой, сильный, будешь менять приём, суетиться — проиграешь. Делай свой приём.

Нам этот приём надо просто понимать. Мне кажется, наш приём сейчас — это вооружённый суверенитет, то есть в настоящих реалиях — это **ядерный и цифровой суверенитет**. Это наш приём.

Китай по-другому себя вёл. Он сначала сильно заимствовал, выглядел, как младший брат, который просто пошёл в услужение. А потом выяснилось, что так Китай делает свой приём. Когда он начал строить у себя производства, обслуживать весь мир, оказалось, что он все берёт и ничего не отдаёт. Это приём китайцев — всё взять даром. Он взял у тебя технологии, завод лицензионный построил, рядом построил соседний завод, через 3–4 года весь персонал обучился, он его забрал с твоего завода на свой. И производит то же самое, только уже никому ничего не платя. Это приём китайцев. У них есть государственная воля и терпение.

Нам надо делать свой приём, не нужно бежать ни за кем.

Китаю проще, потому что у них есть сильная государственная воля, базирующаяся на сильной, принятой всем обществом идеологии. Имея такую базу, гораздо проще принимать решения на пользу стране, в том числе непопулярные в стране или неприятные Западу.

У нас, к сожалению, те чиновники, кто играл роль идеологических министров в постперестроечное время, либо грубо навязывали западный либерализм, либо просто занимались управлением массами, как они это понимали, то есть развивали техники манипулирования.

А новой идеологии не создали, она у нас отсутствует. Но, конечно, она нужна. Идеологию надо строить, это

должны делать специальные люди. Это огромный труд, просто в человеко-годах. Потому что идеология — это огромное, ажурное, гигантское здание, где есть все виды контента: краткий курс, манифест, 30-томное собрание сочинений классиков, романы, рассказы, статьи, поэмы, фильмы, гимны, речёвки, стихи, книги для детей и юношества... Так коммунистическая идеология строилась в СССР, так либеральная идеология построена на Западе. На это ушли десятки лет.

У нас нет времени и сил на мощную новую идеологию. И нет собственно идеи. Но у нас есть две уже построенных предками таких колонны до неба: это православие и социализм. Ничего нового сейчас мы, в условиях приближающейся горячей войны и уже идущей информационной войны, быстро построить не можем, нам придётся на эти две как-то опереться. Это, конечно, парадоксальная смесь, но, скорее всего, так и будет.

Хотелось бы, конечно, чтобы кто-то нам идеологию выстроил. Но пока делателей не видно.

Она, может быть, сама постепенно выйдет из таких реально больших явлений, как «Бессмертный полк». Это движение уже вышло за пределы внутренней политики, в ста странах он прошёл в этом году. Огромный рост: в Москве миллион двести человек вышло 9 мая, по всей стране больше 10 миллионов. У меня знакомые в Лондоне говорят, там такой ажиотаж вокруг посольства! Приходят люди, про которых вообще не подумаешь, что они хотели бы в этом участвовать. Они приходят, не боятся, что их снимают камеры, что полиция на них смотрит. Просто русский ренессанс происходит.

ТЯЖЁЛАЯ И НЕЗАВИДНАЯ МИССИЯ

Известна саркастическая цитата фельдмаршала Миниха, что «Русское государство имеет то преимущество перед всеми остальными, что оно управляется непосредственно Самим Господом Богом. Иначе невозможно объяснить, как оно вообще существует».

Во-первых, управляется Богом. Второе — у меня есть уверенность, что Путин — великий правитель, и будет в истории не менее велик, чем Сталин, или Пётр, или Грозный.

И третье — есть вполне конкретные задачи. Мы находимся в очень угрожаемом положении, на переднем крае войны. С моей точки зрения, мировые войны, как Первая, так и Вторая, начинались кусочно, заплаточно, очагами, и их реальное начало было на несколько лет ранее, чем начало официальное. И сейчас мы видим очаговое распространение Третьей мировой войны, она уже идёт. Ливия, Сирия, Украина.

Я лично не очень понимаю стратегические вопросы. Я — рядовой, у меня есть свой окоп, я генеральские вопросы решать не хочу. Есть 10 заповедей и Нагорная проповедь — я считаю, что это мой устав. Я пытаюсь понять происходящее в меру понимания, но не уверен в том, что понимаю.

Мое скромное мнение такое: у России есть миссия. Но она заключается вовсе не в выходе в космос, не в высочайшей духовности, не в культурном прорыве, не в сохранении веры и прочих ценностях, о которых любят пафосно говорить «турбированные патриоты»... Это было бы хорошо и красиво, но реальность гораздо хуже. У России есть очень незавидная и конкретная миссия — останавливать тех, кто рвётся к мировому господству. Мы — такой часовой.

Это, к сожалению, приводит к кровавым войнам, гигантским потерям, выбиванию целых поколений, но, похоже, от этой миссии мы отказаться не можем. Мы уже сделали это несколько раз ценой огромных потерь и усилий с Ордой, Наполеоном, Гитлером, Орденом, турками, шведами и т. п. И, видимо, сейчас опять приходит это время. Очередной Новый Мировой Порядок это прекрасно понимает и чувствует в нас главную угрозу. Его объектив уже сфокусировался на нас — это хорошо видно.

Это очень плохо, потому что у нас дети.

Поэтому надо ковать оружие. И надо делать свой приём.

/ Виталий АВЕРЬЯНОВ /

Интернет и суверенитет

(к постановке дискуссии)

Нас волнуют не свободы либеральной богемы, а клин, вбитый между старшими поколениями и поколением родившихся в Интернете

СВОБОДА ИНТЕРНЕТА «СДУЛАСЬ»?

Мы решили поднять тему информационного суверенитета и диктатуры интернет-монополий, потому что в последнее время монополизация в этой области становится всё более заметной даже невооружённым глазом. И если интернет поначалу пропагандировался как пространство свободы, то сейчас неадекватность этого постулата стала уже для всех очевидной.

Какая-то свобода сохраняется только для продуктов, скажем так, малотиражных, когда речь идёт о каких-то блогах, маленьких СМИ, которые посещает небольшое количество людей. Когда же речь идёт о больших информационных потоках, там негласное регулирование, манипуляция, даже подмена контента. Это касается как транснациональных компаний, которые занимаются интернет-вещанием, так и многих отечественных.

Иными словами, миф о свободе информации, с помощью которого взламывали в своё время Советский Союз, а потом с помощью него же проводили серию «оранжевых» революций в разных странах вплоть до «арабской весны», дезавуирован самой жизнью. Сегодня имеет место хаос борьбы всех против всех, и масштабнейшая промывка мозгов, хотя проявляется это пока ещё в сравнительно мягких формах. Например, какую-то новость, значимую для общества, мы либо не встречаем в основных поисковиках, в основных системах, которые призваны распространять новости, либо встречаем её в уже тенденциозно интерпретированном виде, так, как это нужно манипуляторам. Кроме того, идёт искажение баланса значимости того или иного события через искусственный подогрев репутации, накрутку просмотров или, напротив, «утопление» нежелательных событий, персон и тенденций, их замалчивание либо игнорирование.

Наконец, третий аспект этого же явления — замусоривание информационного потока. Внимание отвлекается и переключается всеми возможными средствами, и следы реальных событий растворяются в массе либо виртуальных, либо второстепенных сведений. То есть формируется **искусственная значимость** — это касается как информации самой по себе (до «чистого факта» сейчас уже трудно докопаться даже профессионалам), так и ценностей, культурных артефактов и т. д. Сегодня можно достаточно легко раскрутить любую фигуру, какого-нибудь бездарного певца, довольно банального блогера или даже творца пустых экспериментов в области мемовтворчества — грамотно сочетая стратегию продвижения с банальной покупкой просмотров и накруткой лайков. Иногда такая фигура может быть и не совсем бездарной, но искусственно «раздутой», с невероятно завышенным рейтингом. Для этого привлекается психически неустойчивая подростковая аудитория, так называемые «тиннибoppers», которые являются основным полем для манипуляций и для фальсификации высоких рейтингов в Сети. (В российской политике эти же методы уже использованы Навальным и его продюсерами, показавшими свою способность вытаскивать на протестные акции «школоту», апеллируя не к реальным убеждениям людей, а к их инфантильному представлению о «крутости» такого времяпровождения.)

Ощущение, что нечто значимо, потому что имеет много просмотров, — пусть недолговечный, но эффективный драйвер искусственной раскрутки чего угодно. Деньги превращают

незначимое в значимое, «фабрики звёзд» потоковым методом производят звёзды, если это, по Маяковскому, «кому-нибудь нужно», и кто-то оплачивает этот эффект превращения «плевочков» в «жемчужины». Технология работает и в обратном направлении, когда нужно кого-то вымазать чёрной краской, — однако негативный герой всё же герой, и его рейтинг узнаваемости и цитируемости от этого не падает, а растёт. Однако диффамационные кампании могут быть направлены на то, чтобы искусственно уменьшить присутствие каких-то событий в информационном поле или, что ещё опаснее, «нейтрализовать» события и факты, извращая их содержание, переключая внимание с их сути на что-то другое, внешне более яркое и шумное, а зачастую и просто фейковое.

Возникает вопрос: а какова основная тенденция, в чём главный тренд ползучего превращения иллюзорного пространства свободы в пространство беззащитного информационного тоталитаризма? Он направлен против государственных суверенитетов, или против индивидуумов, или против традиционных обществ, исповедующих какие-то более-менее классические системы ценностей (с тем чтобы заменить их в новом поколении антиценностями)? Какой бы ответ мы ни предпочли, налицо факт — мы в некотором смысле превращаемся в заложников крупных информационных игроков, новых диктаторов-монополистов. А наши неоллибералы всё ещё пытаются упаковать эту реальность в словеса о какой-то информационной свободе, единственным врагом которой оказываются власти с их цензурно-запретительной политикой.

Не так давно на Московском экономическом форуме мне пришлось полемизировать с ними, в частности, с Борисом Надеждиным, держащимся на информационной поверхности благодаря тому, что его часто вытаскивают на телевидение. И после очень долгой дискуссии, когда уже все аргументы были растрачены и, в принципе, ответить ему больше было нечего, он просто выкрикнул: «Оставьте мне мою свободу! Не трогайте мою свободу!» Ответ на такие восклицания, в сущности, может быть только один: кому нужна твоя свобода? Шел бы ты с этой свободой на три заборных буквы!

Нас волнуют, безусловно, не свободы либеральной богемы и не право всевозможных надеждных до конца дней своих сидеть на порносайтах — пусть их сидят! Нас волнует другое: мы теряем следующее поколение российских граждан, которые, уходя в гаджет-среду, пре-

Наше общество осознаёт, что нужно уйти от того состояния бесхребетности, в котором мы оказались, и обрести своего рода духовную автаркию. Смысл этого соцзаказа заключается в нескольких элементарных вещах: удовлетворении потребности иметь доступ к фактам; обеспечении для молодого поколения образования по образцам, не уступающим советским; включении режима воспитания как восстановления в новых поколениях их нравственной и эстетической связности с предками и с их традициями. Всё это является сегодня глубинным соцзаказом общества, и этот соцзаказ должен превратиться в госзаказ.

вращаются в своего рода «киборгов», утрачивают связь с поколением родителей, классической культурой, традиционным наследием в его глубинных пластах. Это испытывают на себе сегодня все люди, у кого есть дети от 6 до 16 лет, — так называемого Digital Native, поколения выросших в интернете. Дальше больше: сейчас на повестке дня стоят уже технологии имплантирования гаджетов внутрь человеческого организма, превращения их в часть человека, почему я и употребил здесь понятие «киборги». (Но и без вживления гаджет стал уже почти «органической» частью современного подростка.)

Вывод из сказанного выше, на мой взгляд, может быть только такой: необходимо создавать свою суверенную информационную инфраструктуру, причем она должна не заменять существующие монополии, а пока что просто войти на рынок, потеснив их и тем самым лишив монополистов их возможностей. Самое опасное — если мы допустим сговор монополистов транснациональных и российских. А такая опасность существует. Ведь Российское государство не является монолитным в плане цивилизационного самоопределения. Внутри него, в том числе и в верхних эшелонах власти, есть мощные субъекты и кланы, саботирующие восстановление информационного суверенитета. Таким образом, задача наведения порядка, демонополизация сферы информации на русском языке остается нерешаемой, а ситуация в целом предстаёт как шизофреничная (одной рукой уничтожается и нивелируется то, что взращивается другой рукой; интересы олигархов, которым вручены

проекты суверенных российских СМИ и соцсетей, кардинально не соответствуют интересам государства, общества, народа как массового пользователя).

В силу уязвимости и вторичности Российского государства, которому в 90-е годы была навязана радикально открытая модель в глобальном рынке информации (Россия как простое продолжение Европы и Запада), оно пока вынуждено идти по пути наращивания запретительных и цензурных механизмов. Однако это неэффективно. Тем более что другим концом своих запретов государство ударяет и по конечному потребителю (как в случае с блокировкой популярных трэкеров для бесплатного скачивания).

ПРЕВРАТИТЬ СОЦЗАКАЗ В ГОСЗАКАЗ

В своё время Элвин Тоффлер предложил рассмотреть стратегии разных стран в современном мире как выбор между субцивилизациями — «цивилизацией мотыги», «цивилизацией сборки» и «цивилизацией компьютера», как он их образно назвал. Дескать, в условиях торжествующей глобализации каждая страна выбирает, где ей оказаться, и в меру своих возможностей пытается попасть на более высокую позицию. Трактровка Тоффлера, понятно, была достаточно лукава, он оставлял всем нам выбор только между тремя состояниями: ты окажешься внизу, в середине или вверху. Но есть другой путь — это путь многообразия цивилизаций, относительной автаркии на уровне макрорегионов. Мы должны у себя иметь своё сельское хозяйство, свой индустриальный уклад, у нас должен быть свой постиндустриальный уклад, вот в чём разница с подходом Тоффлера, который подменяет понятия. (В англосаксонской модели международная кооперация и технологическое перекрёстное опыление разных государств как-то не держится, и они всё время скатываются к доминантному глобализму. Это как в анекдоте про нас: что ни собирай, получается автомат Калашникова. А у них иначе: за что ни возьмутся, на выходе все равно получают колониальные хитрости, «бусы в обмен на драгметаллы», ловля и продажа рабов, опиумные войны и тому подобное.)

Китай в информационном отношении выстроил уже свою «великую стену». Исламский мир её строит, и ему удаётся некоторый баланс сохранить. Россия в этом смысле отстаёт. Она, безусловно, является самостоятельной цивилизацией, но она, так сказать, укушена глобалистским драконом, и его яд поразил российские элиты болезнями тяжёлой ментальной зависимости.

Безусловно, у России может и должен быть **свой сценарий информационной стратегии**, и как минимум то, что сегодня следовало бы сделать, — причем сделать срочно, потому что, ещё раз повторю, мы на глазах «теряем» следующее поколение, — это решить следующие задачи:

- Создать собственную мощную **соцсеть**.
- Создать собственный мощный **поисковик**. Если это «Яндекс», он должен сильно измениться по отношению к тому, каким он является сейчас¹.
- Создать свой достаточно мощный **видеохостинг**, чтобы нивелировать монополизм YouTube, причём понятно, что это потребует весьма развитой инфраструктуры и сложных технических решений (но в то же время не является чем-то нереальным для современной России).
- Создать свою линейку продуктов **гейм-индустрии**: видеоигр, игр для компьютеров и мобильных телефонов — у России есть в этом плане заметные конкурентные преимущества и творческие кадры.
- Выработать собственную **стратегию в «войне мемов»**, которая должна приобрести последовательный и системный характер.

Однако все эти решения, в особенности последнее, связанное с «войной мемов», требуют

кардинально важного условия: заказчик должен хорошо представлять себе основные послы Русской цивилизации в информационной борьбе за будущее. Эти послы должны быть основаны на цивилизационных ценностях и архетипах России и при этом формировать в их русле образ желательного будущего для нашей цивилизации и её окружения, превращая традиционалистские смыслы в авангардный проект.

Даже если наше общество не вполне сознаёт сегодня контуры данного соцзаказа, оно интуитивно несёт его в себе и, безусловно, поддержит, если такой соцзаказ будет чётко сформулирован. Наше общество осознаёт, что нужно уйти от того состояния бесхребетности, в котором мы оказались, и обрести своего рода **Духовную Автаркию**. Смысл этого соцзаказа заключается в нескольких, казалось бы, элементарных вещах:

- во-первых, удовлетворение потребности иметь доступ к реальным фактам;
- во-вторых, прекращение заигрывания с иллюзорной свободой и плюралистическими концепциями в области образования и обеспечение благоприятного контекста для получения молодым поколением образования по образцам, не уступающим советским;
- в-третьих, включение режима не просто патриотического воспитания (понимаемого

¹ Подробнее на сей счёт см. дискуссию Изборского клуба в настоящем номере.

как обеспечение лояльности государственной власти), но воспитания как восстановления в новых поколениях их нравственной и эстетической связности с предками и с традициями; это означает смену вектора, по которому катится сегодня так называемое Digital Native на фактически противоположный: разворот от космополитического и потребительского «пункта назначения» к цивилизационному и национальному «образу будущего» как наступательной стратегии общего дела для граждан страны.

Всё это является сегодня глубинным соцзаказом общества, и этот **соцзаказ должен превратиться в госзаказ**. В данном случае, на новом историческом витке, мы становимся не противниками, а главными глашатаями информационной свободы — только свободы не лукавой и замешанной на двойных стандартах, а свободы реальной. Для нас это означает вытеснение монополиста, который подменяет нам окно в мир окном в иллюзию: развлечением — отвлечением — завлечением в красивую пустоту. Далее это означает устранение «просветителя»,

который сеет тьму, отторжение «учителя», который развращает, и выдавливание с рынка продюсера, который подсовывает ложные и деградационные авторитеты.

Что такое лукавая свобода? Это свобода, образ которой создаёт сильный манипулятор, имеющий в руках монопольные (либо эксклюзивные технологически, что одно и то же) рычаги воздействия на аудиторию. Кроме монополии на технологии, он, подобно карточному шулеру или напёрсточнику, ещё и обладает мастерством социального психолога, находя к каждому индивидуальный подход. Сбор информации о конечных пользователях и создание специальных «профилей» для воздействия на них в рекламных целях, в том числе исследование взаимодействующих групп людей как «ценозов», то есть сообществ биологических организмов — стали новейшим оргоружием западных аналитиков, в том числе и во время предвыборной борьбы Трампа и Клинтон².

Собственно, технологии 2.0 были созданы, конечно же, не для ускорения и улучшения коммуникаций (это побочный эффект, используемый в данном случае как приманка), а для контроля

² Подробно об этих технологиях см.: Ларина Е. НАДЖ: От информационных войн к поведенческим... // Изборский клуб 2018 № 3.

и манипуляции. Долгое время люди не знали, что Google — это практически государственная компания, что за ней стоят военные и разведывательные структуры США. Долгое время оставалось непонятным, что существует внутренняя связь между крупнейшими компаниями: Google, Facebook, Twitter, — которая вышла на поверхность только в ходе обслуживания ими интересов транснациональных заказчиков «арабской весны». И до сих пор миллионы людей продолжают верить в розовые сказки про «случайных миллиардеров», а сведения о подоплёке глобального управления интернетом и об изначальной связи со спецслужбами и зависимости от инвесторов таких героев интернет-индустрии, как Брин, Дорси, Цукерберг, об «узловой фигуре» отрасли Эрике Шмидте, — остаются достоянием аналитиков³.

И когда тот же Павел Дуров противопоставляет себя, допустим, Ватсапу или Фейсбуку, называя свой проект независимым от каких-либо официальных структур, он, конечно, тоже лукавит. До скандала в России «Телеграм» в Иране и Китае вёл себя примерно так же, как ведут себя транснациональные сетевые гиганты в странах третьего мира. Если в Иране по «Телеграм» распространялась политическая сатира, естественно, иранцы с этим не могли смириться. Это примерно то же самое, как если бы Charlie Hebdo выпускался бы не во Франции, не в Евросоюзе, а прямо в самой исламской республике. Конечно, нормальные люди такого терпеть не будут ради какой-то мифической свободы информации, которой в действительности нет.

Что же касается «Телеграм» в России, при всех плюсах этого мессенджера как хорошо защищённого — к коллизии привело вовсе не тупое упорство российских спецслужб, но офшорная психология самого Дурова и К°, которая не позволяла ему дать прямые ответы на поставленные вопросы. И ускользание от российской власти в данном случае связано именно с мутной схемой собственности, когда непонятно, где хранятся ключи, где финансы, где субъекты управления и контроля, где бенефициары и т.д. Для меня не стало бы сюрпризом, если бы выяснилось, что «Телеграм» прекрасно перлюстрируется спецслужбами других государств. И есть большая вероятность, что факты такого «двойного гражданства» рано или поздно всплывут, и станет

ясно, что ключи от «Телеграм» отказался выдавать вовсе не Дуров, а одна из конкурирующих с ФСБ и нашей разведкой иностранных спецслужб.

О ВОЙНЕ МЕМОВ

На первый взгляд, мемы стары как мир, и Ричард Докинз, вводя этот термин, ничего нового не открыл. В классической парадигме модерна мы называли этот феномен «крылатыми словами и выражениями». В сущности и в своей природе мемы мало чем отличаются от крылатых фраз старой доброй книжной культуры. Если не считать того, что сейчас средний художественный и смысловой уровень «крылатой фразы» сдвинулся резко вниз, хотя и в былые времена было явление анекдотичных мемов, мемов-ляпов⁴. Главная разница в другом — только в конце XX века этот материал был пущен в массивную проработку в военных целях. Ранее пропаганда и война идей строилась на неких штампах и однозначных речевых стереотипах. Теперь за дело взялись инженеры ментальности, не просто транслирующие смыслы, а «продающие» их по законам продвинутого маркетинга и брэндинга.

Если для классической культуры «крылатые выражения» и афоризмы были духовным пространством всеобщего достояния, то у Докинза они (под видом мемов) превратились в элементы ожесточённой духовной брани. Сделано это «открытие» было в 1983 году, ровно тогда, когда Запад начал разворачивать массивную информационную войну нового поколения против «империи зла» (кстати, это один из первых политических мемов, если учитывать, что понятия «мем» до того просто не было). Что же сделал Докинз? Он применил к области информации и культуры старинную англосаксонскую традицию выдвигать в центр любого дискурса тезис о «выживании сильнейшего», «борьбе за существование», конкуренции на свободном рынке, «естественном отборе», «законе джунглей — каждый сам за себя» и т.д. и т.п. Мемы у него борются за место под солнцем, конкурируя друг с другом за человеческое внимание — и все мемы оказываются не сокровищницей мысли (как у нормальных людей), а ментальными вирусами, «поражающими» сознание, «заразой», которая цепляется к сознанию и покоряет его. Не человек использует

³ См. об этом: доклад Изборского клуба «Анонимная война» (журнал «Изборский клуб», № 6, 2013), а также доклад И. Ашманова в настоящем номере (в особенности, параграф про «Горный форум» в США).

⁴ В этом смысле мемы могут размножаться по воле или помимо воли своего носителя. К примеру, плодовитым мемомворцем был В.С. Черномырдин, хотя большинство мемов он производил, сам того не желая.

лучшие мемы, но мемы, плавающая в пространстве ноосферы, «охотятся» за умами и душами бестолковых людишек⁵. Облагораживая свой подход к культуре, Докинз делает вид, что предлагает человеку стратегию бунта: *«Мы построены как машины для генов и возвращены как машины для мемов, но мы в силах обратиться против наших создателей. Мы — единственные существа на земле, способные восстать против тирании эгоистичных репликаторов»* — этими словами он заканчивает ту главу в книге «Эгоистичный ген», в которой собственно и предложил понятие «мем».

Докинз был всего лишь верным последователем и не слишком оригинальным воспроизводителем пафоса Гоббса, Адама Смита, Мальтуса, Спенсера и Дарвина, заложивших на будущее достаточную основу для ожесточенных меметических манипуляций и войн. В 90-е годы российские неоллибералы включились в эту борьбу на стороне противника, навязывая нам ту же максиму, согласно которой мир разделен на «виннеров» и «лузеров», не понимая, что народ не воспринимает её и никогда не признает внутреннего превосходства «виннеров» над собой. Учитывая «атеизм» Докинза, можно отметить, что идея мемов могла родиться в картине мира, где нет Бога, но при этом, в лучших традициях постгуманизма, просматривается активное присутствие сил дьявольских. (Уравнивая мемы религий с мемами рекламы и политической борьбы, ставя их на одну доску, Докинз конструирует **модель мира «духовной борьбы всех против всех», то есть модель ада без перспектив рая.**) На месте Бога в этом мироощущении, не только атеистическом, но и мироощущении различных контркультур «Нью Эйдж» и неоспиритуализма, встает Эволюция. Задача творческого человека — помогать Эволюции, а для этого он должен ощутить себя «Святым Вирусом» (это предложение одного из первых мемных инженеров Джодди Рэдзика).

По выражению российского аналитика Георгия Почепцова, *«обращение к мемам было вызвано поиском инструментария для ведения идеологической войны не в теоретическом плане, а непосредственно в массовом сознании. <...> Будущее лежит в привязке этой тематики к нейропсихологии; например, уже известно, что сакральные вещи и простые активируются в разных частях*

*головного мозга, и теперь понятно, почему сакральное не меняется на материальное»*⁶.

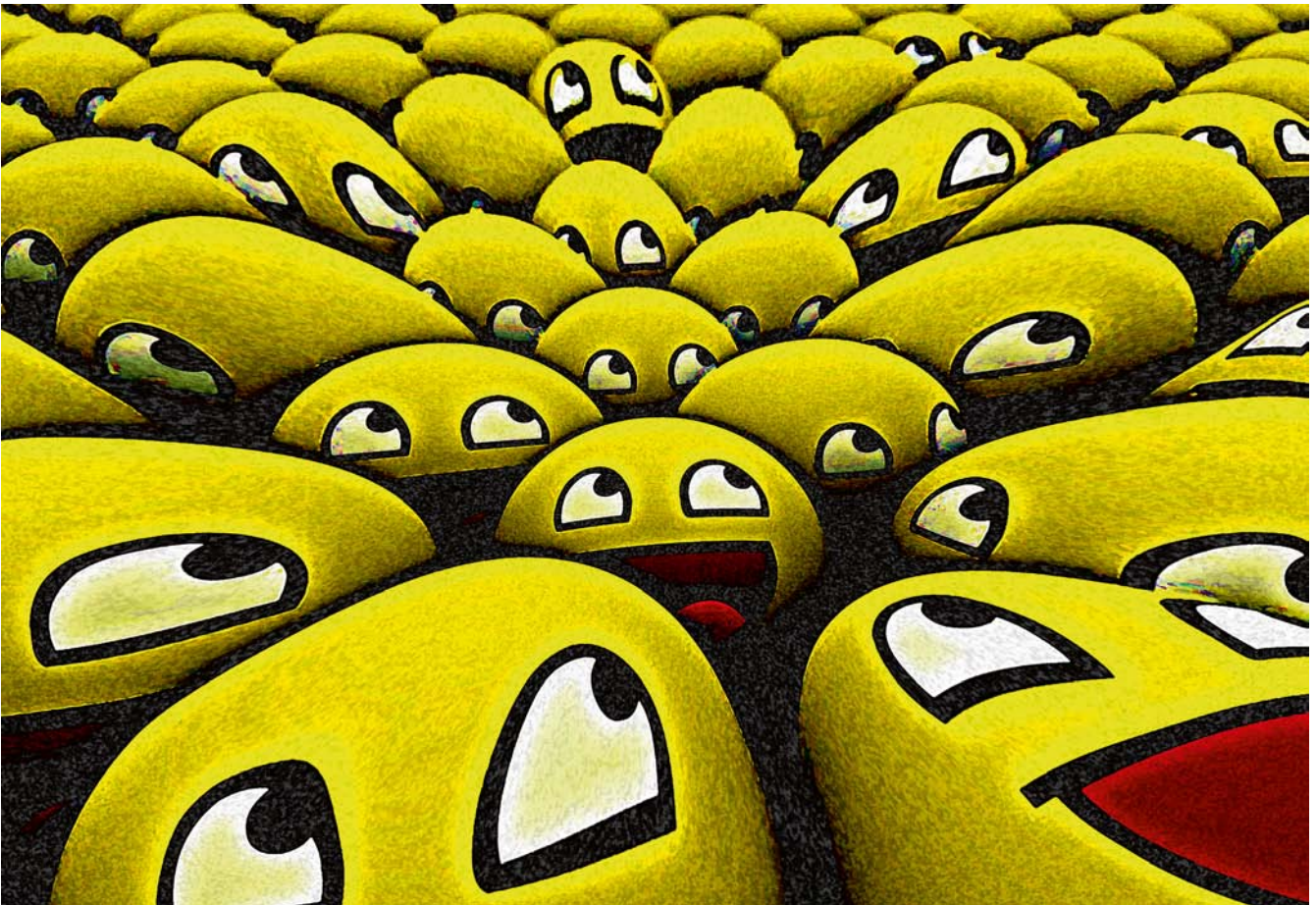
К мемам нужно относиться серьезнее, чем это предлагают нам сейчас специалисты по рекламе. В последнее десятилетие многие стали утверждать, что исследования в области «меметики» не оправдали возложенных на них завышенных ожиданий и что мем, в сущности, остаётся всего лишь метафорой, а не ядром настоящей научной теории информации. Тем не менее разработчики военных технологий воздействия на сознание на Западе не оставляют тему мемов. Более того, показное ослабление внимания теоретиков к мемам в области идеологии и смыслов нужно рассматривать как хитрый манипуляционный ход «для отвода глаз». В действительности именно в этой сфере вероятный противник и планирует нанесение главных ударов. Фактически это уже проявилось в ходе болотных протестов в 2011–2012 году и Евромайдана в 2013 году. То, что России удалось выработать свою контрстратегию в войне мемов на тот момент, — не должно нас успокаивать. Ведь Запад шёл и идёт в этой области на несколько шагов впереди.

С другой стороны, Россия и русский интеллектуальный класс (не путать с «креативным классом» политической пятой колонны) находятся в плане культуры в достаточно благоприятных стартовых условиях. Мы ещё не успели с головой погрузиться в постмодерное понимание информации как плоскостной реальности и тотального релятивизма. Мы всё ещё остаёмся наследниками великой традиции Классической Литературы, а также приемов Классической Пропаганды Модерна. И в этом не наша слабость, а наша сила. Потому что **в войне мемов, если она идёт всерьёз и объявлена с обеих сторон, а не является игрой в одни ворота при слепо-наивном объекте манипуляции на другой стороне, — мемы обретают могущество сакрального звучания.** Достигается это в том случае, если они сопряжены с мощными символическими пластами культуры и встроены в более глубокие ментальные структуры.

Иными словами, западная по происхождению меметика хороша и эффективна, если её используют против «лопушков», «лохов», используя криминальную терминологию. Она может стать оружием победы только в случае радикальной

⁵ Мемы Докинза чем-то напоминают «эгрегоры» как формы энерго-информационного управления человеческими массами в оккультно-магической практике современных квазирелигиозных движений, таких как Концепция общественной безопасности (КОБ) или секта Д. Верещагина, что выдает в данных «российских продуктах» западное, меметическое влияние.

⁶ Почепцов Г. Меметическая война, или В поисках «арифметики» разума — <https://psyfactor.org/psyops/memetic-warfare.htm>

асимметрии сил противников, то есть по принципу «застали врасплох». Но при осознанном и последовательном отпоре западная меметика явно проигрывает русской. Эта ситуация гениально описана в одном из отечественных мемов рубежа столетий «У кого правда — тот и сильнее» (из фильма «Брат-2»). И хотя этот мем пытались присвоить наши «креаклы» (в лице партии «Правое дело» Прохорова в 2011 г.), это никого не убедило и не дезориентировало. Потому что с глубинными пластами русской культуры нашим противникам работать и сложно, и опасно. Дело это неблагодарное. И несформулированная отповедь в ответ Прохорову и «Правому делу» со стороны русского народа могла бы звучать так: «Дураков нет! Для тебя и сила мира, и правда — в деньгах. Твоя правда — это не наша правда».

Наша проблема заключается не в недостатке творческого подхода к слову и образу, а в недостатке технических средств и возможностей. Как только русская цивилизация обретет минимальное техническое оснащение, она полноценно вернет в пространство меметики сакральные смыслы и тем самым уничтожит плоскостную модель меметической борьбы, энергоинформационной манипуляции толпами — обозначив

«верх» и «низ», «высшее» и «низшее», «правое» и «левое», «правду» и «кривду».

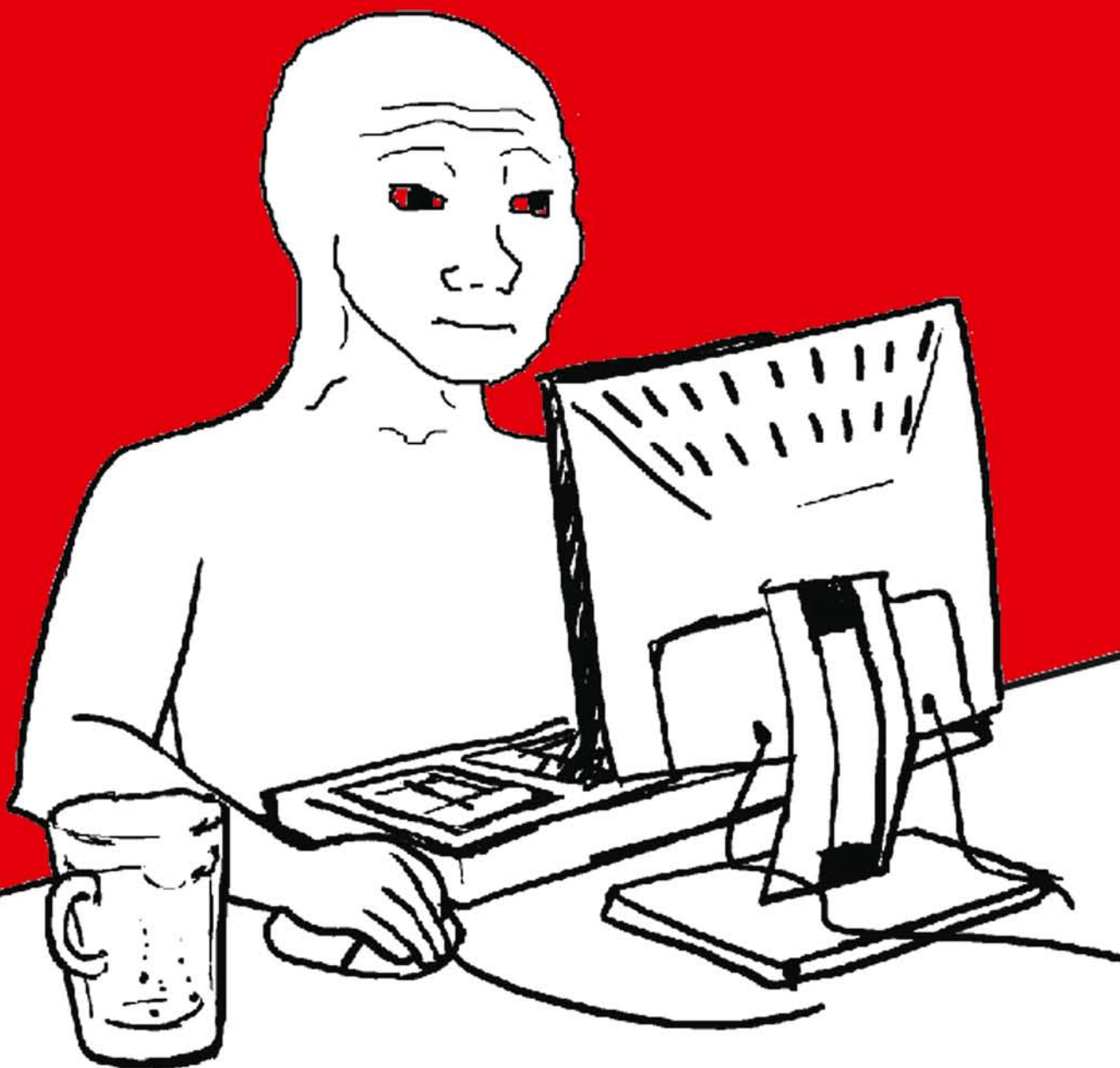
Меметика была задумана как достаточно наглая манифестация нового качества управления «тупыми массами». И поэтому в меметической войне нового поколения русским нужно разработать собственные правила игры и включить в эту борьбу более эффективные инструменты — полновесные символы, связанные с опытом запечатления иерофании и традицией иконы.

Пафосу мемов как агентов борьбы всех против всех мы можем противопоставить русский пафос символов, сакральных по своему происхождению, но не религиозно-конфессиональных по форме. Это не борьба людей и не борьба идей, а Борьба за Человека, Борьба за Идею. Такие символы будут привлекать к себе представителей разных цивилизаций за счет отстаивания человеческого достоинства и ниспровержения претензий глобальной элиты. В русских символах человек должен предстать как носитель потенциальной бесконечности, субъектом роста к Своему-высшему, а не как элемент пассивного стада, обезьяничающего в угоду господам-колонизаторам, «святым вирусам», служащим их социал-дарвинистской и мальтузианской Эволюции.

Информационный суверенитет и диктатура интернет-монополий

(на круглых столах Изборского клуба)

Изборский клуб совместно с информационным агентством Regnum провёл несколько дискуссий и брифинг, посвящённые современному положению России в области информационных технологий и интернет-вещания. Предлагаем вашему вниманию материалы обсуждения.

Виталий АВЕРЬЯНОВ,
*заместитель председателя
Изборского клуба, доктор
философских наук:*

— Зададимся для начала вопросом: действительно ли Россия является врагом цифровой свободы, как говорят либералы и те митингующие, которые выступают в защиту «независимых» мессенджеров? На мой взгляд, это глубокая иллюзия. Россия принимает пока жалкие, неуклюжие попытки по защите своего информационного суверенитета и, по большому счёту, ещё не научилась аргументировать, зачем ей это нужно. К примеру, Роскомнадзор говорит про терроризм, Следственный комитет — про суицидальные сети, а Герман Клименко приводит данные, что мессенджерами пользуются наркоторговцы. Во всём этом есть большая доля лукавства, потому что все эти вещи — скорее поводы, чем причины усиления госконтроля над потоками информации. В лучшем случае это интересует отдельные профильные ведомства.

Давайте зададимся вопросом: что по-настоящему волнует властную элиту? Ее волнуют два вопроса: во-первых, интернет как коммерция, поскольку там проходят уже большие финансовые потоки и их надо взять под контроль, и, во-вторых — интернет как средство создания революционных таранов против действующего режима, как средство подрыва существующей власти. И, безусловно, это слабое место любого государства и любой системы, которые не контролируют социальные

сети и крупные интернет-компании. А сказать, что Россия контролирует таковые, было бы не совсем верно. Не говоря уже про транснациональные компании, Россия не вполне контролирует и свои, так называемые российские компании, потому что их юрисдикция достаточно мутная, офшорная. И что произойдёт в час икс, когда каждый медийный олигарх и оператор будут делать свой решающий выбор, никто гарантировать не может. Таким образом, интернет-пространство огнеопасно по самой своей природе.

Итак, мы имеем два фактора уязвимости государства перед современными вызовами: конфиденциальность как сокрытие политических «подрывных» угроз и конфиденциальность как офшорная схема по сокрытию, назовём это так, информации об экономических преступлениях. Вот эти два фактора, в конечном счёте, и могут привести к системным переменам.

А что волнует народ? А народ сегодня волнует другая проблема: это сложившаяся в СМИ агрессивная антивоспитательная среда, ментальное наступление информационных монополий, которые вкупе с прессингом в социальной сфере и дебилизирующей тенденцией в образовании создают феномен поколения детей, оторванных от классических ценностей, от поколения родителей, от культуры, в которой мы выросли и стоим — Digital Native (поколение родившихся в Интернете). По большому счёту, за этим развращающим трендом стоят мощные транснациональ-

ные информационные корпорации, которые под видом свободных сетей, апеллируя к свободе и правам индивида, реализуют план по формированию новой глобальной ментальности. Эта политика идёт прямо вразрез с интересами нашего народа, и разрыв поколений — это как раз направление главного удара.

Часто воспроизводимая в СМИ картинка о борьбе за права человека против квазиавторитарных государств (в Китае, Иране, России, ряде других стран) является принципиально неполной и искажённой. Более-менее адекватно о происходящем можно судить только через призму системы координат, построенной как информационный треугольник: глобальные монополии — государства, отстаивающие информационный суверенитет — народы и религиозные общины, которые являются носителями исторически сложившихся культур и систем ценностей.

Всякий раз нужно задаваться вопросом: чьи интересы преследуются теми или иными «борцами» за или против свобод и прав. А также — в каких целях их используют сильные игроки.

Сегодня мы видим кризис идентичности не только в обществе в целом, но и в той самой элите, которая хотела в девяностые и в начале нулевых годов реализовать проект превращения России в простое продолжение Запада в информационном плане. Этот проект не состоялся, как мы видим сегодня. Мы живём в интересное время, когда можно наблюдать симптомы парадигмальных сдвигов. Целый ряд

крупнейших и наиболее авторитетных олигархов вдруг резко обозначили свой курс прочь от России. В своё время Полторанин назвал Петра Авена «человеком-признаком». То есть если с ним что-то заметное происходит, значит, что-то происходит в системе в целом. Как вы знаете, недавно Авен вдвоем с Фридманом как два «хороших плохиша» выступали в Атлантическом совете и пожаловались на то, что они могут попасть под раздачу, будучи абсолютно чистыми и невинными перед Атлантическим советом, перед Вашингтоном, перед мировой финансовой властью. Они отчитываются перед заокеанскими собратьями, что честно осуществляли эксперимент по вписыванию России в глобальный мир. И сегодня они призывают не прекращать эти попытки и «не превращать Россию в Северную Корею».

Другие олигархи, такие как Минц, формируют в Лондоне фронт олигархического сопротивления. Параллельно тому, что Павел Дуров пытается из Берлина создать фронт цифрового сопротивления внутри страны. Эдакие герцены XXI века, бьющие в информационный колокол и призывающие Русь к информационному же «топору»!

Это, конечно, интересные сигналы, которые сегодня можно было бы обсудить в контексте информационных технологий. Почему? Потому что наша тема связана напрямую с постановкой вопроса о том, можно ли в России построить сектор суверенной информационной экономики и информационных сетей. И что нужно сделать, если бы на то появилась политическая воля и воля консолидированного вокруг нее общества.

На сегодняшний день ситуация, конечно, подвешенная и во многом шизофреничная, потому что — и многие коллеги

ещё скажут об этом — те люди и СМИ, которые выступают за национальные и государственные интересы, постоянно испытывают на себе давление не только со стороны, допустим, Google и YouTube, но и со стороны российских сетей и мощных интернет-компаний — таких, как «Яндекс», например. Конечно, возникает вопрос, а насколько они российские? Возьмем крупнейшие интернет-компании. Тот же «Яндекс», как известно, зарегистрирован в Нидерландах, а Mail.ru Group — на Виргинских островах. И не так легко понять, кто является конечным бенефициаром, а кто ведущим стратегом и редактором.

Я бы призвал сегодня ответить на главный вопрос: что можно было бы сделать в России при наличии адекватной политической воли? Может быть, построить государственные компании? Может быть, работать с частными компаниями — с тем же Усмановым договориться о тесной интеграции его бизнеса в этой сфере с глубинными интересами общества? (Усманов, конечно, — это только пример, я отнюдь не уверен, что пример удачен.) Столь важная проблема, как война мемов и нейтрализация искусственных информационных кампаний, дестабилизирующих Россию, не может решаться путём её отдачи на откуп каким-то отдельным инициативникам вроде Пригожина, Рыкова и Малофеева, поскольку, по пословице, у семи нянек может остаться дитя без глаза. Может быть, идти ближе к китайскому пути, а может быть, и наверняка это так, выработать свою модель?

Вопрос о контроле стоит шире, чем вопрос о самообороне режима от тактических и стратегических противников. Изборский клуб — это собрание не окол властных экспертов,

а экспертов от консервативной части нашего народа, и для нас более важным является вопрос о том, как выйти из-под того глобального сетевого контроля и ползучего маркетинга, который вместе с диктатурой интернет-монополий угрожает русскому цивилизационному коду.

Юрий БАРАНЧИК,
*шеф-редактор
Аналитической редакции
ИА REGNUM, кандидат
философских наук:*

— Сегодня патриотические информационные ресурсы находятся в своеобразном положении. Мы видим, что либеральные ресурсы проводят свою политику достаточно откровенно и открыто, не имеют никаких проблем с агрегаторами. И в то же время в аналогичных ситуациях информация от патриотических ресурсов всяким образом третируется и переводится в подвал.

Я могу привести целый ряд примеров с информационным агентством REGNUM. Мы подали соответствующую заявку в Федеральную антимонопольную службу по поводу той ситуации, которая складывается с продвижением новостей REGNUM на наших ведущих агрегаторах, включая «Яндекс». Бывают очень интересные парадоксы, когда есть так называемые сюжеты, которые формируют тематические новостные ряды, в них присутствует заголовок от REGNUM, а самой регнумовской новости нет. Как такое может быть?

Есть и другая проблема — это, на мой взгляд, неэффективное расходование государственных средств. Тот трафик, который получают наши ведущие информационные агентства, на мой взгляд, может быть гораздо больше, но с учетом того, что они получают дармовые бюджетные деньги, и притом огромные, у них нет никаких стимулов по-настоящему

работать и давать соответствующий трафик. Это, конечно, касается не только внутрироссийского вещания, но, скажем, и работы за рубежом. В своё время, когда создавали Russia Today, там было несколько концепций, и одна из этих концепций предусматривала техническую самостоятельность этого ресурса с опорой на систему спутниковой связи, которая была бы независима от любых решений местных органов — британских, американских и т.д. Эта концепция, несмотря на дешевизну предлагаемого ею варианта, была отвергнута. Приняли систему с опорой на корреспондентов с американским гражданством. Но мы все прекрасно понимаем, что если будет соответствующая отмашка американских властей, все корреспонденты и в Англии, и в Британии, и в Германии откажутся работать, и от системы Russia Today ничего не останется. А наших, своих журналистов, как в советское время, там у компании просто-напросто нет.

В рамках тех бюджетов, которые идут на наши ведущие агентства, давать тот трафик, который они дают, — это просто смешно. Назову только одну цифру — на «РИА Новости» на три месяца выделяется порядка 20 миллиардов российских рублей. А выхлоп, мягко говоря, весьма скромный. Другие агентства, наоборот, страдают от нехватки ресурсов, хотя кадровый потенциал есть, и возможности качественно улучшить вещание также есть. У каждого даже из здесь присутствующих полно авторов, которым можно было бы давать свободу вещания на всю страну, и люди читали бы это и смотрели с большим удовольствием.

Получается, мы сталкиваемся с ситуацией искусственного рейтингования, искусственной подборки новостной ленты и так далее. Все упирается, в конечном

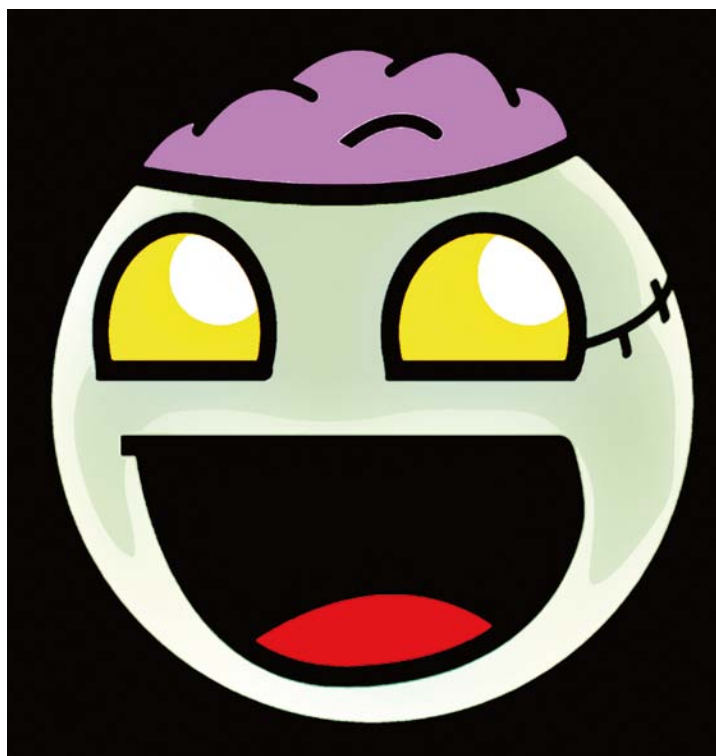
итоге, в технические и инструментальные меры. Эти технические и инструментальные меры могут быть приняты только на достаточно высоком уровне, если будет позволено патриотическим ресурсам занять то место в информационном пространстве, которого они по праву заслуживают.

Есть ещё более техничный уровень проблемы — это, собственно говоря, проблема серверов. У России должны быть свои так называемые серверные поля, где будут храниться все базы данных, личные данные, видеопотоковые и так далее. Мы сейчас зависим действительно от компании Google, от компании YouTube, которые могут по своему желанию выключить любой видеоконтент и сделать так, чтоб он почти полностью исчез из Сети. Нас это по определению не устраивает, потому что мы исповедуем разные системы ценностей, у нас разные идеологии, разные задачи в этом мире.

Но помимо технического уровня есть и уровень самого контента. Говоря языком XX века,

это ситуация с идеологией, или — на языке Ф.М. Достоевского, «будущая война будет войной религий», то есть различных систем ценностей. То, что мы сейчас наблюдаем — информационные войны, — это и есть борьба идеологий, борьба религий. Ведь если ты без горячей войны можешь одолеть систему мировоззрения другого государства, то тебе не надо вводить войска, не надо его бомбить. Собственно говоря, Советский Союз и проиграл в информационной войне. Элита не понимала необходимости для простых людей тех вещей, которые при мощи советской науки и промышленности было бы не так уж трудно для них организовать. Люди смотрели за бугор, и им там многое нравилось — жвачка, джинсы, видеомагнитофоны, качественные доступные автомобили, раскопанный образ жизни западного потребителя и так далее.

Мне кажется, что если бы Советский Союз перевёл войну в горячую фазу, тем более для этого были все предпосыл-

ки, а не пошёл по пути мирного сосуществования двух систем, то он сломал бы Запад. Но мы имеем то, что имеем. И поэтому, на мой взгляд, сегодня наряду с абсолютной важностью вопроса о технических средствах информационной войны остро стоит вопрос о доминировании патриотического контента внутри России. Мы видим, что и агрегаторы, и поисковые машины выполняют эти функции довольно специфически. Существующая бизнес-модель управления ими, на мой взгляд, не совсем оправдана в условиях нынешней войны. К примеру, мы видим, что те же олигархи могут спокойно переехать в Лондон, и только потом за них начинают браться силовые структуры. А все должно быть наоборот.

То, о чем говорил Виталий Аверьянов, а именно: о Google и том же YouTube как машинах по промывке мозгов, — приводят к простому выводу: у России таких машин нет. Ни «Яндекс», ни Mail.ru не выполняют подобных функций. Соответственно, должны быть у нас компании, работающие в интересах государства и при этом дающие достаточно большой спектр мнений, чтобы не допускать в этой сфере

монополизации. Чем больше будет мнений, чем больше будет ярких дискуссий, тем прочнее государство. Такому государству будут не страшны подрывные удары извне. Ведь идеология — это иммунная система нашего социального организма. Грубые пропагандистские подходы никак не могут этого заменить. Они подобны сильнодействующим антибиотикам, но ведь при лечении организма нужно учитывать предел его возможностей. Есть совершенно другие методики работы с общественным мнением, более рассредоточенные, более тонкие, не требующие такой монополизации, но которые дают гораздо больше толку.

Наше общество, надо прямо сказать, развращено сейчас бездельем, развращено западным образом жизни, когда можно не работать 8 часов, как в Советском Союзе, а четыре-шесть, и иметь гораздо больше материальных благ. В то же время растет и число безработных, бедных людей. Здравоохранение, образование являются критической сферой, которой все недовольны. Именно об этом — об образе жизни, о своей модели устройства общества — и должен

сейчас вестись диалог. А надоевшая всем показушная война между либералами и патриотами оказывается ловушкой, которая съедает наше время.

И еще я бы хотел задать вопрос Виталию Аверьянову. Вот вы говорили в своём выступлении по поводу того, что имеются претензии к агрегаторам, к «Яндексу». Нельзя ли чуть подробнее на этом остановиться?

Виталий АВЕРЬЯНОВ:

— Если говорить конкретно про «Яндекс», там происходили некоторые пертурбации. То, что давно уже бросалось в глаза и бросается до сих пор, это то, что как поисковик он, безусловно, содержит алгоритмы отбора, фильтры, в особенности это касается новостных рядов. Фильтры эти имеют идеологическую подоплёку, а возможно, также ещё и серьёзную коммерческую подоплёку. У нас, кстати, сегодня эти вещи слабо различены: кто заплатил, тот и заказчик идеологического или даже квазицензурного решения.

Если взять «Яндекс» не как поисковик, а как СМИ, то у него всегда была своя информационная политика, которая идёт вразрез и с государством, и с интересами общества. Её можно назвать условно олигархической, прозападной.

Ну и третье наблюдение: изменились параметры поиска в соцсетях. То есть если раньше, скажем, лет восемь назад «Яндекс» был весьма удобен при поиске в блогах, то сейчас искать аналогичную информацию труднее, и результаты получаются не столь быстро и качественно. Возможно, что здесь возникли какие-то объективные трудности, которые я просто, как не профессионал, не знаю. Но, может быть, причина в чём-то другом.

Но дело же не только в «Яндексе». Взять тот же самый

YouTube, о котором вы говорили. У нас острейший дефицит российского видеохостинга, даже более чем дефицит – фактически его отсутствие, потому что RuTube, ВидеоMail.Ru и прочие системы несопоставимы с YouTube по своим возможностям и влиянию. В общем-то это вопиющая проблема. Потому что в случае обострения холодной войны большая часть соцсетей, главный видеохостинг, большинство поисковиков будут работать против России, против ее народа.

Юрий БАРАНЧИК:

– Я могу только подтвердить ваши выводы. Дело в том, что я могу поделиться своим опытом работы и с Google, и с «Яндексом». Накануне выборов президента мы продвигали один вполне патриотический контент и в одном агрегаторе, и во втором. В результате Google при всех вопросах, возникших к этому контенту, в ходе обсуждения все-таки взял его в продвижение. А вот компания «Яндекс», несмотря на все переговоры, отказалась его двигать категорически. И вот возникает вопрос, что Google – вроде бы американская система, но она играла с российским агентством хоть по каким-то правилам, а «Яндекс», который считается российским поисковиком, не играет вообще. Я думаю, что эти вопросы возникают не только у нас, но и у большей части российских СМИ, которые так или иначе сталкиваются с тем, как формируется сюжет, как подбирается новостная лента на «Яндексе» и так далее.

Игорь БОЩЕНКО,

руководитель телеканала «Нейромир-ТВ»:

– Что касается RuTube и YouTube. Прозвучало сегодня, что надо создавать национальный видеохостинг. Вы знаете, я двумя

руками за. Во-первых, это удобно, во-вторых, это перспективно. Есть только одно но, которое говорит мне, что в реалиях общества и социума, в котором мы находимся, это может быть не совсем удачной идеей. Вот был такой журналист Бекетов в Химках, который изобличал мэра. Этого журналиста избили, и он давал пресс-конференцию, мы эту пресс-конференцию записали, – это было публичное мероприятие, – и разместили в RuTube. Пролегала она там три дня, после чего ее просто снесли как не соответствующую правилам RuTube, а нам при этом ничего не объяснили. Через какое-то время выяснилось, что этот самый мэр, который потом был осужден, поручил, и за толику малую «вопрос решили».

Таким образом, свободное и честное распространение информации ограничено денежными мешками, и здесь я полностью схожусь с предыдущими выступающими. Действительно, денежные мешки сегодня в России контролируют не только потоки материальных ценностей, но и информационную повестку. На сегодняшний день действительно незначимые вещи (совершенно «желтого» характера) выносятся на верх общественного внимания, а наоборот, значимые вещи оказываются на далекой маргинальной периферии.

Это действительно проблема, и она должна решаться, прежде всего, на мой субъективный взгляд, через создание системы, аналогичной американской PBS (Public Broadcasting Service). Суть ее в следующем. Существует пул производителей медиаконтента в стране, которые отвечают определенным формальным и техническим требованиям. И существует компания, которая осуществляет дистрибуцию этого контента. Она финансируется государством, и информация рас-

пространяется через нее по всей территории совершенно бесплатно – она работает как в интернете, так и в кабельных сетях, и в эфирных, спутниковых сетях. То есть в одном эфире может быть и «Дождь», и Навальный, и «Нейромир», и «День ТВ», и любое СМИ, которое просто соответствует определенному набору технических требований и организационно – графикам вещания. И тогда можно говорить действительно о свободе, плюрализме. И тогда вещание через интернет – пожалуйста, это обеспечение информационного суверенитета.

Сейчас мы покупаем развлекательный контент во многом за рубежом, который несет мемы, работающие не в пользу России. Поэтому я, пожалуй, поддерживаю вас в том, что государственная структура, которая должна заниматься регулированием информационных потоков в телевидении, на радио, в печати, в интернете, – у нас должна быть. Но у всех должны быть равные права перед законом и доступ к этой системе распространения должен быть общий. Иными словами, у такой сети не должно быть своей редакционной политики, она не монополист, а, напротив, определенная гарантия против монополизации в сфере информации.

Сегодня на нашем информационном поле действуют разные олигархические силы, и это множество акторов на информационном поле привело к определенному хаосу. Каждый из них по-своему представляет, как он должен укреплять государство под патриотическую риторику и осваивать бюджетные ресурсы. Соответственно, это приводит к тому, что фактически единой программы, единой целостной концепции формирования информационной повестки как таковой не существует.

Если хотите что-то понять, ищите деньги. Действительно, очень большие бюджеты уходят на СМИ, и зачастую, понимая, как это всё работает на самом деле, — они очень неэффективно расходуются. Пользуясь своим монопольным положением, эти избранные СМИ и олигархи исключают многообразие и какую-то конкурентность. И в дело вступает уже не медийная конкуренция — у кого лучше технологии, у кого лучше работают корреспондентские службы, — а исключительно: у кого круче связи и кто обеспечит бюджеты. Бюджеты сейчас решают практически всё, потому что за бюджеты можно купить агрегаторы, то есть можно купить просмотры, можно купить трафик и так далее. Мы живем в какой-то извращённой и искажённой реальности, где деньги делают трафик, трафик делает деньги. Но это никак не соотносится с обеспечением государственного информационного суверенитета.

Мы фактически стали заложниками нескольких таких структур. В последнее время многие люди заметили такой феномен, как потоковые дизлайки в YouTube. А с другой стороны — скручивание просмотров, когда изначально было одно количество просмотров, а через два, три, четыре, пять дней ты обнаруживаешь, что у тебя стало в пять раз меньше просмотров, и отрицательная динамика — как будто люди смотрели «в обратную сторону». Понятно, можно это мотивировать изменениями в алгоритмах YouTube, но наблюдаются забавные приключения вообще с трафиками. И влияние, как говорили, Google и других крупных компаний на медийную повестку, рекомендованные видео и другие инструменты — уходят постоянно в какую-то постороннюю сферу. Её можно описать как съедание у людей времени,

отвлечения их на негодную цель, на что-то несущественное и не-принципиальное, не имеющее, скажем так, концептуальной ценности для развития общества и государства. Вот такие тенденции, я могу сказать, последние три-пять лет значительно усилились.

Доходит до парадоксов: когда количество дизлайков, само по себе совершенно безумное и нереальное, превышает количество просмотров, иногда значительно превышает. Вот один из сюжетов: Юрий Болдырев в Муравленко — 106 тысяч дизлайков и 50 тысяч просмотров.

Андрей ФЕФЕЛОВ,
заместитель главного редактора газеты «Завтра», руководитель интернет-канала «День-ТВ»:

— Они снимают просмотры и не снимают дизлайки. Потому что один дизлайк — это один фиктивный просмотр. Рекламщики видят, что просмотр фиктивный — следовательно, их задача не платить деньги за это. И они их снимают, но дизлайки при этом не трогают...

Игорь БОЩЕНКО:

— Ну да, и вот вам примеры этих парадоксов: у одного из выступавших у нас общественных деятелей 123 тысячи дизлайков, 79 тысяч просмотров. На графике видно — дизлайки растут весьма резко. Это признак того, что работает машина, когда за одну минуту накидывают пять тысяч дизлайков. И YouTube с этим как-то не слишком эффективно борется, если борется вообще. Но во всей этой ситуации я обратил внимание вот на такую вещь — я не увидел потоковых дизлайков и искусственных скруток на каналах, которые относятся к епархии только некоторых олигархов. Дизлайки и скрутки

получает и патриотическая оппозиция, и либеральная оппозиция. Но существуют видеоблогеры, которые, наоборот, получают накрутки, получают совершенно бешеный трафик. Я думаю, это делается именно для того, чтобы съесть время и переключить внимание аудитории с чего-то важного на что-то второстепенное. Искусственно созданы топовые звёзды, которые покупают на биржах лайки, просмотры за бюджет и устроили из этого всего бизнес. Но из этого же делают бизнес и достаточно богатые люди, и всё это приняло сейчас фантазмагорические масштабы.

Кто это делает — наверное, самый деликатный вопрос. Я не думаю, что это конкретно Брин делает в Google. Я не думаю, что это делает Алишер Усманов. Я думаю, что есть, как говорят некоторые, более высокого уровня контуры управления, и политика по регуляции определяется именно там, а низовые исполнители — это уже технический уровень, и он не так уж важен.

Что касается свободы информации, то я как телевизионщик со стажем могу сказать, что в своё время только появление интернета и интернет-телевидения (которым мы, собственно, и занимаемся) создало эту территорию свободы. Но «недолго музыка играла» — сейчас в общем-то начинаются определённые ограничительные процессы, о которых сегодня мы говорим.

При этом я все-таки сторонник той точки зрения, что свобода мнения, свобода слова является краеугольными ценностями для человека. И если выбирать между Digital Native и «скрепами», то, наверное, я бы поставил на Digital Native, на цифровое поколение, потому что за ними будущее. В любом случае архаизация — это менее высокотехнологичная, менее рентабель-

ная, менее прибыльная работа, и, соответственно, проигрыш в экономической войне. Будущее за прогрессом, а не за скрепами, которые скрипят и не пушают.

Шестой и частично пятый технологические уклады – а они связаны с компьютеризацией и цифровой экономикой – это всё-таки бóльшая норма прибыли на вложенные усилия, на затраченные человеко-часы, и, соответственно, бóльшая отдача и большой темп скорости, большее нарастание сложности. Каждое последующее поколение живёт в более сложной техносреде, чем предыдущее. И элита наша не должна скатываться во времена лис и львов, современная элита должна быть цифровой.

Андрей ФЕФЕЛОВ:

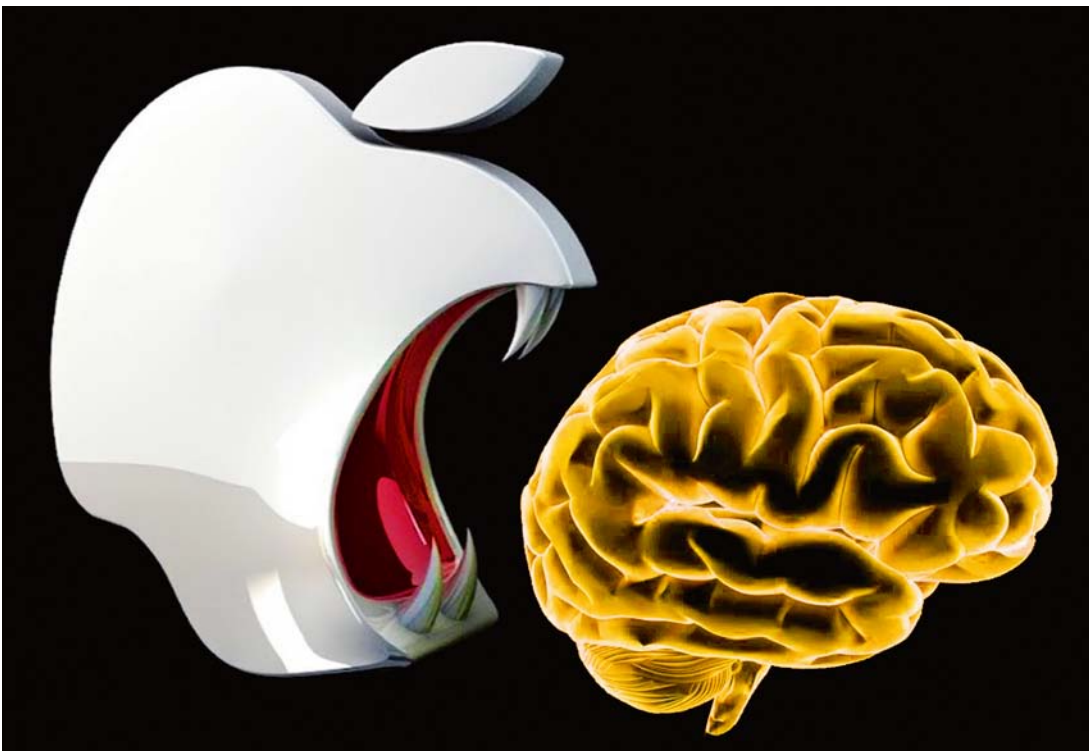
– Что касается дизлайков. Когда появились эти дизлайки – все заголосили. Я обрадовался, хотя это напрямую било по моему каналу, сбивало просмотры. Я понимал, что работает активная команда кремлеботов. Их действия гру-

бы и по-своему нелепы, но они эффективны. Оказывается, существует некая команда, которая по свистку из Кремля осуществляет управление информационным полем. Например, у нас гасили материалы, связанные со смертями в Сирии наших чевэкашников. Гасили интервью с Грудининым. Я не знаю, сколько содержится человек в этой команде. Когда закончились эти выборы, команду не распустили, её для чего-то сохранили. Соответственно, людей надо содержать в порядке, чтобы они не разбрелись, не спились, были при деле. Во время кампаний их, как бульдогов, натравливают, сейчас, возможно, они сами рыщут по сетевому пространству и продолжают дизлайкать. Но в целом я рад тому, что миф о российских хакерах каким-то боком подтвердился, что они хотя бы в какой-то форме существуют. Потому что я надеюсь, что они больше мешают жить врагам России, чем нам.

Трагедия телеканала «День» заключается не в том, что какие-то

злые силы гнетут нас и ставят дизлайки, а в том, что мы сидим в YouTube. YouTube – это огромная империя, и она совершенно для нас чужая. Она имеет какие-то свои цели – во многом неисследованные, таинственные и странные. Для меня это загадка, хотя конспирологи утверждают, что они хорошо понимают, в чём здесь дело. Так или иначе, эти транснационалы чего-то хотят, «мозгачат», формируют какую-то гигантскую систему. И когда я где-то в среде профессионалов пикнул: «А вот хорошо бы России создать свой YouTube», – меня просто подняли на смех. Мне сказали: «Вы знаете, что YouTube занимает целый штат в США? Пустыня застроена гигантскими колоссальными строениями, и там находятся их сервера». Чтобы создать нечто подобное, нужна колоссальная работа, колоссальные вложения и продолжительные сроки времени.

Мы как в том анекдоте про Иванушку, который решил вызвать Змея Горыныча на бой.

Он пришёл в огромную пещеру и стал кричать: «Змей Горыныч, выходи!» И где-то очень далеко извне он услышал голос: «Иван-царевич, ты сначала выйди из моей задницы, а потом уже вызывай меня на бой». С нашей стороны, это партизанщина — находиться в заднице врага и при этом как-то бороться против него, причём ещё успешно. Ко всему прочему у нас очень мало специалистов. Я, например, знаю двух патриотических специалистов — Ашманова и Клименко. Они, конечно, суперлюди, гении и они прекрасно всё понимают, но их пока что двое. А все остальные ничего не понимают, и я, по большому счёту, в том числе.

Цифровая экономика — это всего лишь часть, возможно, крохотная, а может быть, существенная нового цифрового уклада, который я стал называть ещё года три назад «цифрономикой». Это не цифровая экономика как таковая, а это «цифровое всё». Для начала надо понять с помощью специалистов, с помощью технически и гуманитарно оснащённых людей, что это такое, как раскроется вот этот мир цифрономики и через что придётся пройти. У меня есть несколько кратких соображений. Я скажу лишь то, что этот мир цифрономики связан с темой рации, то есть счета, потому что «ratio» в переводе с латинского — это не «разум», а «счёт». Счетоводство произведёт колоссальные изменения во всём,

и мир счетоводства столкнётся с миром эмоций, с миром химерических идей, с миром человеческих вожделиний, желаний и так далее. Возникнет конфликт между сегодняшним миром и миром завтрашним. Этот конфликт, очевидно, приведёт к определённой деструкции, драматичной смене укладов.

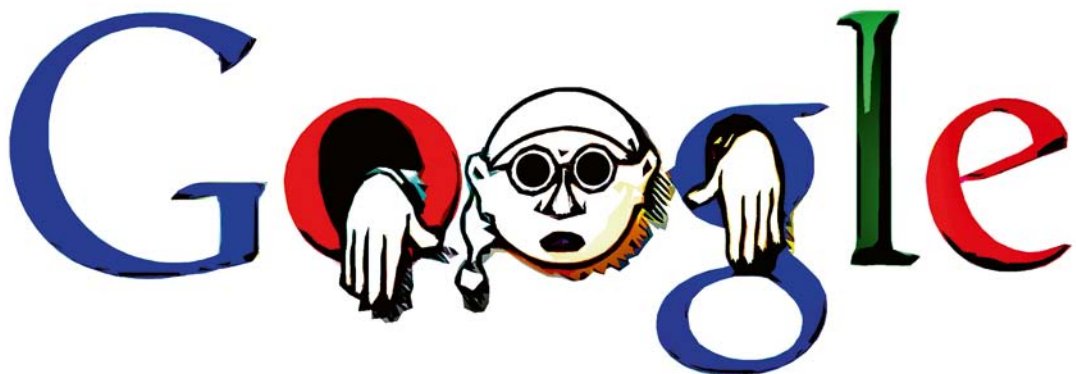
К чему может привести этот процесс в итоге? Здесь присутствует некий радикальный экзистенциальный момент: цифровая экономика в конечном счёте не оставляет для человека никакого поля деятельности. Поскольку всё перейдёт к автоматам, к роботам, к беспилотникам, и человеку придётся заниматься только самим собой. Потому что даже домоводство невозможно в условиях настоящей цифрономики. Как только ты захочешь сделать своими руками табуретку, тебе скажут: у тебя есть уже табуретка. Это будет тотально рациональный мир, потому что ресурсов мало, а народу много, и будет построена достаточно жёсткая система распределения. Как только человек захочет съесть конфетку, сразу покажут его свежий анализ и скажут: «Какая конфетка, товарищ? Ешьте морковку». Никаких шагов не будет ни влево, ни вправо. Но есть в человеке что-то, чем он может заниматься, а именно: самим собой и своими ближними, общением с себе подобными.

Трудно сказать, что станется с людьми. Опыты на мышках

в 70-е годы привели к тому, что мыши, которых кормят без всяких ограничений, которые живут в скученных местах, как сегодня мы в мегаполисах, начали деградировать. Они превратились в мышей-гомосексуалистов, в мышей-нарциссов, мыши стали склонны к суициду.

Если попытаться осмысливать, как применить цифрономику к России, к её географическим, социальным и прочим условиям, то единственное, что я вижу для сегодняшнего дня, это не отключение мирового интернета, не отключение соцсетей, а создание некоей государственной социальной сети. Её можно строить постепенно, наращивая функционал, включая не только госуслуги, но и все виды коммуникации, для того чтобы потом в критической ситуации выдержать все эти внешние штепселя и оставить включённой только одну нашу сеть. Все граждане России должны в обязательном порядке стать аккаунтами этих сетей. Системы допусков в них должны иметь разные структуры — но дифференцированно. Допустим, полиция никогда не заглянет в вашу медицинскую карту без специального разрешения, медики не смогут запросто посмотреть ваши правонарушения и так далее.

Такая социальная сеть позволит создать абсолютно прозрачное, новое общество, которое не будет связано с мгновенным катастрофическим выламывани-

ем России из мировой информационной системы. Это сложная работа, это мегапроект, для этого требуются огромные интеллектуальные, организационные и финансовые вливания. И всё, что хочет быть внутри нашего мира, включая СМИ, мессенджеры, блогосфера, — всё заходит в эту сеть. И тогда я вздохну спокойно и смогу сказать, что мы будем параллельно присутствовать и на YouTube, и в этой нашей национальной соборной сети, которую можно назвать — Социальная соборная сеть России, то есть СССР в аббревиатуре.

Валерий КОРОВИН,
*директор Центра
геополитических экспертиз,
член Общественной
палаты РФ:*

— Андрей Фёдоров, по сути, обрисовал процесс встраивания России в глобализационный проект, который уже сейчас реализуется на наших глазах, в том числе с помощью таких упоминаемых уже сегодня всуе технологических модулей, как Google и YouTube. И это вызывает у меня некоторую оторопь и внутренний ужас. Глобальная система, которая пытается установить глобальный контроль над человечеством, получает сегодня доступ к каждому человеку персонально. Каждый сегодня подключён к ней с помощью своего смартфона, и это подключение настолько привязывает человека к глобализационному проекту, что даже такой патриот, почвенник, как Андрей Фёдоров, считает это естественным и логичным путём развития нашего общества.

Мы уже в значительной степени перекодированы глобализационной системой координат, мы мыслим в её кодах. Создатели проекта «Глобализация» пропитали нас своими смыслами, и мы их воспринимаем теперь не критично, как нечто универсальное.

При этом они совершенно не соответствуют ни нашим архетипам, ни нашим цивилизационным кодам, ни нашим смыслам, ни нашей культуре, ни нашему образу видения окружающего мира. Нам внедрена мысль, что эта система ценностей неизбежна. Либеральная демократия неизбежна, атомизированный человек, стремление к наживе, материальный мир, секуляризация неизбежны, потому что это якобы универсальная модель.

Если мы зайдём в метро, мы увидим, что сотни тысяч людей едут в вагонах, уткнувшись взором в свой телефон. Мало того, они ходят по метро, также уткнувшись в него, они ходят так по улице, они изолированы от окружающей действительности наушниками. То есть они в буквальном смысле подключены к Глобальной сети, которая, как мы выясняем сегодня, не контролируется нами совершенно. Она выстроена в американских Штатах, интернет есть продукт американской мысли, военной мысли, и соответственно, используется военным образом — а это значит: в целях установления стратегического контроля глобального Запада над огромными цивилизационными пространствами, что мы и наблюдаем сегодня.

Мы уже практически лишены суверенитета интерпретаций, интерпретации навязаны как некая данность по умолчанию. И всякий, кто оспаривает её или пытается выступить с альтернативой, тут же маргинализируется через дизлайк-ботов, которые моментально помещают его в сетевой андеграунд. Ещё не успел пользователь открыть свой гаджет, чтобы посмотреть ролик, а он уже в таком глубоком дизлайке, что просто не открывается и больше никогда не откроется.

Как мы можем выстроить информационную стратегию при-

сутствия на глобальном едином рынке, если мы не знаем, что нам транслировать? В принципе, нынешняя российская элита полностью разделяет систему ценностей, которая создана на Западе. Это так называемая «шестая колонна», которая мыслит в либеральном ключе, она заявляет о том, что искусственный интеллект — это наше будущее, что это очень перспективно. И именно этот искусственный интеллект будет отвечать за справедливое распределение мировых ресурсов. А идейная подоплека была озвучена на предыдущем этапе, когда Маргарет Тэтчер или Мадлен Олбрайт говорили о том, что Россия несправедливо владеет слишком большим количеством территорий, недр, воды, леса, чистого воздуха. И искусственный интеллект должен устранить эту несправедливость, равномерно распределив все ресурсы. Причём не между всем человечеством — его слишком много, — а между представителями «золотого миллиарда», подключённого к Глобальной сети. (Давайте не забывать всё-таки, что по статистике большая часть человечества нынешнего, 7 миллиардов, не подключена к этой сети. Они живут в картонных коробках в Индии среди страшной грязи.)

Начать всё-таки надо с установления некоего сетевого паритета. Ведь сегодня наше подключение к этой глобальной сети делает нас абсолютно уязвимыми. В любой момент, когда этой глобальной системе понадобится, она перевернёт наше общество, и с помощью нашего же собственного населения снесёт и нынешнюю власть, и государственность вообще.

Но такая же уязвимость существует и на Западе. Вот Америка — это абсолютно, тотально сетевая страна, там также все подключены к сетям. И един-

ственное, что удерживает её в состоянии равновесия, это то, что в это общество не вбрасываются альтернативные смысловые коды, альтернативные идеологемы. При некотором желании, немножко поразмыслив, если мы слегка напряжём свой интеллект, мы, имея прямой, такой же, как и они, доступ к каждому представителю глобального Запада, сможем вбросить такие деструктивные идеологемы в западное общество, что это перевернёт их стабильную социальную систему. В тех же США огромное количество противоречий, такое, которое нам и не снилось. Белые полицейские убивают чёрных, мексиканцы убивают белых, чёрные выступают за суверенитет, белые за ношение оружия, китайцы хотят своего мэра в Сан-Франциско. И это есть отправная точка установления сетевого паритета, как в своё время был установлен ядерный баланс сил, за счёт которого человечество стабилизировалось и десятилетиями жило в состоянии относительно равновесного миропорядка.

Безусловно, китайский опыт ограждения себя от западного влияния, сохранения своей идентичности и своей культурной и цивилизационной целостности также для нас поучителен. И, если говорить начистоту, мы ещё не настолько погружены в эту глобальную сетевую модель, чтобы не иметь возможности от неё эффективно оградиться. У нас должен быть сформулирован свой цивилизационный проект, который может быть предложен как глобальный, который увлечёт тех же жителей Запада, как это было во времена насаждения нами марксизма. Необходима мировоззренческая, смысловая, философская парадигма, которая может быть предложена Западу и которая увлечёт интеллектуалов и мыслящую часть западного общества.

Это приведёт к процессу перехода на нашу сторону конкретных, обычных людей. И это будет обращением к ним поверх голов их национальных администраций, поверх этих точек контроля в виде управления глобальными интернет-компаниями.

— **Георгий МАЛИНЕЦКИЙ,**

вице-президент

Нанотехнологического общества России, доктор физико-математических наук:

— Мне кажется, что многое из того, что говорилось сегодня, неверно. Что касается глобальных проектов, то глобализация себя исчерпала. Аналогичная глобализация (даже более сильная) была в начале XX века. И она кончилась мировой войной. Сейчас мы идём ровно к тому же. Поэтому говорить, что у существующих проблем могут быть только глобальные решения — это абсолютно неверно. Где-то они хороши, где-то они не хороши.

Что касается цифровой экономики, то никакой цифровой экономики не существует. Вся экономика всегда была цифровой, в том смысле, что в ней всегда считали — без счёта прожить как-то не удавалось. Поэтому это тавтология, «масло масляное».

Элита не должна быть цифровой. Я в этом смысле придерживаюсь противоположной точки зрения той, которую высказал Игорь Бощенко. Я с интересом слушал про свободы и прогресс в интернете, и мне сразу вспомнились митинги перестройки: «Мы хотим перемен! Даёшь свободу!» Как будто это является абсолютной ценностью. Всё это было получено, и дальше люди, которые просили свободу, оказались у разбитого корыта. То есть наша страна благодаря демократическим лозунгам, связанным со свободой, с тем, что мы вернёмся в цивилизованный мир, оказалась отброшенной

на много десятилетий назад. Это, собственно, и было реальным содержанием перестройки.

Более того, скажу следующее, что, когда мы толкуем про какие-то операторы, это всё мелкие технические детали. Потому что на самом деле сейчас глобализация (которая превратилась в американизацию) исчерпала свой ресурс. Сейчас мы находимся на том уровне, когда каждая цивилизация, которая хочет быть цивилизацией, которая хочет быть самодостаточной и определять свой путь в будущее, озабочена тем, чтобы отстроить свою систему — систему информационную, систему культурную и так далее.

Вот только что прошёл Санкт-Петербургский экономический форум. Коллеги, и скучно, и грустно. Мы, по сути дела, опять говорим о том, что нам нужны инвестиции. Из России за время реформ, за время попыток войти в мировую цивилизацию выкачали, по одним данным, три триллиона долларов, по другим данным, семь триллионов. А мы толкуем, что нам нужны западные инвестиции. Коллеги, это по меньшей мере несерьёзно!

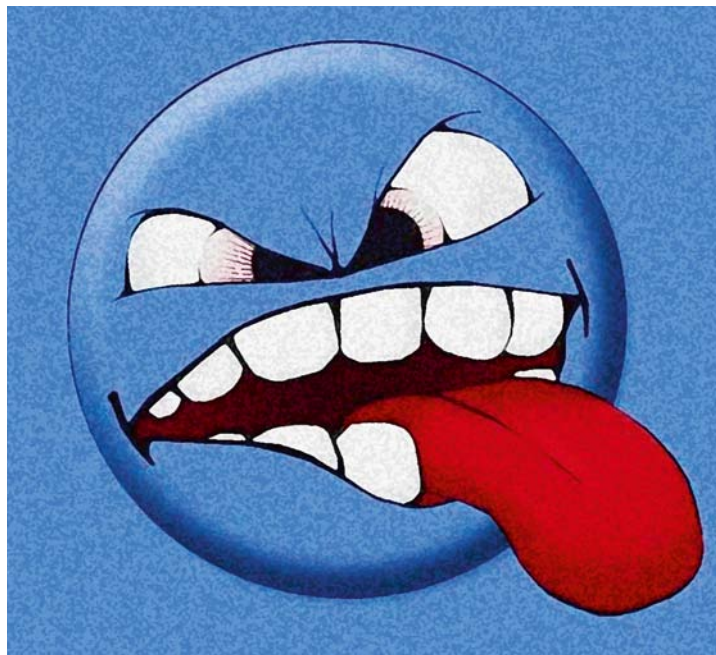
Берём простой вопрос. У нас сейчас есть программа цифровой экономики, в которую наше правительство должно вкладывать более 100 миллиардов долларов ежегодно, а речь идёт о нескольких триллионах в конечном итоге. Что тут сказать? Ну это, видимо, только от невежества происходит. В 2000 году Роберт Солоу, лауреат Нобелевской премии по экономике, провёл исследование: в каких областях внедрение компьютеров в американскую экономику дало наибольший эффект. Тот результат, который он получил, оказался парадоксальным — таких отраслей нет! Единственное исключение — это отрасль, которая производит компьютеры. Сейчас компью-

теры считают в 250 миллиардов раз быстрее, чем первые образцы. Но они опять-таки никак не влияют на экономику. Максимум это торговля, которую в общем-то с большой натяжкой можно назвать экономикой. Если мы посмотрим, где нам нужна цифра, а именно: дело-производство, государственное управление, цифровое здравоохранение, – то мы увидим, что ни одна из этих отраслей не имеет никакого отношения к экономике. Это максимум распил денег и растрата их.

Мультифакторная производительность труда и капитала со скоростью роста 2,5% была только в течение одного десятилетия, а именно с 1958 по 1968 год. И дали её всего лишь три инновации, никак не связанные с компьютером, – это большая химия (новые материалы), это автоматизация и конвейер в невоенном секторе, и это автомобилизация (совершенствование двигателя внутреннего сгорания). С тех пор ничего похожего больше не было. Вот сейчас по сравнению со скоростью роста 2,5% мы упали в десять раз.

Мир находится в остром кризисе производительности. Поэтому компьютеры не играют экономически ровно никакой роли. Кстати говоря, правильнее было бы говорить именно о компьютерной, а не цифровой экономике. Компьютеры играют роль другую, гораздо более важную – социальную. А именно: компьютеры сделали вопиющее неравенство очевидным. И сейчас примерно пять миллиардов человек говорят: «Мы хотим жить, как золотой миллиард. Американцы, потребляя почти 40% мировых богатств, дают вклад в мировую экономику меньше 20%. Значит, они не умеют работать. Отдайте нам наше!» Если вы включите «Аль-Джазиру», это говорится каждый час.

Поэтому, по сути дела, у нас сейчас есть три варианта развития.

Первый – российский вариант: реформироваться, отступая в средневековье. Если мы сравним, что знал ученик гимназии в 1890 году и что сейчас знает наш выпускник, сдавший ЕГЭ (тем более базовое, а не профильное, – чтоб сдать базовое ЕГЭ, нужно знать математику всего лишь в пределах шести классов), то, вообще говоря, разница громадная. Уровень образования, культуры, науки падает во всём мире. Но мы здесь имеем пальму первенства.

Второй вариант – это мировая война, которая заставит массу регионов мира просто смириться с их униженным положением. Это ещё раз повторение XX века.

И третий вариант – те самые экономически значимые инновации. Грубо говоря, повторить нечто сравнимое с тем, что было между 1958 и 1968 годами, когда удалось создать «золотой миллиард».

Что делают компьютеры? Давайте посмотрим на постиндустриальную экономику, имея в виду развитые страны. Из ста человек двое работают в сель-

ском хозяйстве и, соответственно, делают продовольствие для себя и всех остальных. Десять – в промышленности, тринадцать – в управлении. Семьдесят пять человек не нужны. Но праздный мозг – мастерская дьявола. Значит, их надо чем-то занять. Вывод: их надо чем-то морочить, дурачить.

Когда семь лет назад в РАН был проведён опрос, чем же занимаются российские мужчины, то выяснилось, что главному в жизни российских мужчин, а именно российским женщинам и своим детям, они уделяют в среднем сорок пять минут в сутки. А виртуальной реальности – социальным сетям, просмотру телевизоров, компьютеров, гаджетов – они уделяют четыре с половиной часа. Тогда это было шоком. Те данные, которые мы получили сейчас по миру (в прошлом году) показывают, что ситуация ещё более грустная. То есть в ряде стран люди уделяют виртуальности и 6, и 7 часов!

Ну представьте себе: вам говорят, что вы будете хорошо жить, но за это часов 6 каждый день вам надо просидеть в тюрьме.

Конечно, вы отвергнете это предложение. Но именно это-то и сделано! То есть человек 6 часов живет чужой, виртуальной, бессмысленной, не имеющей никакого отношения к нему жизнью. То есть, по сути дела, мы можем говорить о компьютерном извращении. Людей надо просто чем-то занять, как-то обморочить, не важно как, не важно чем. Россия, к сожалению, идет ровно по этому пути.

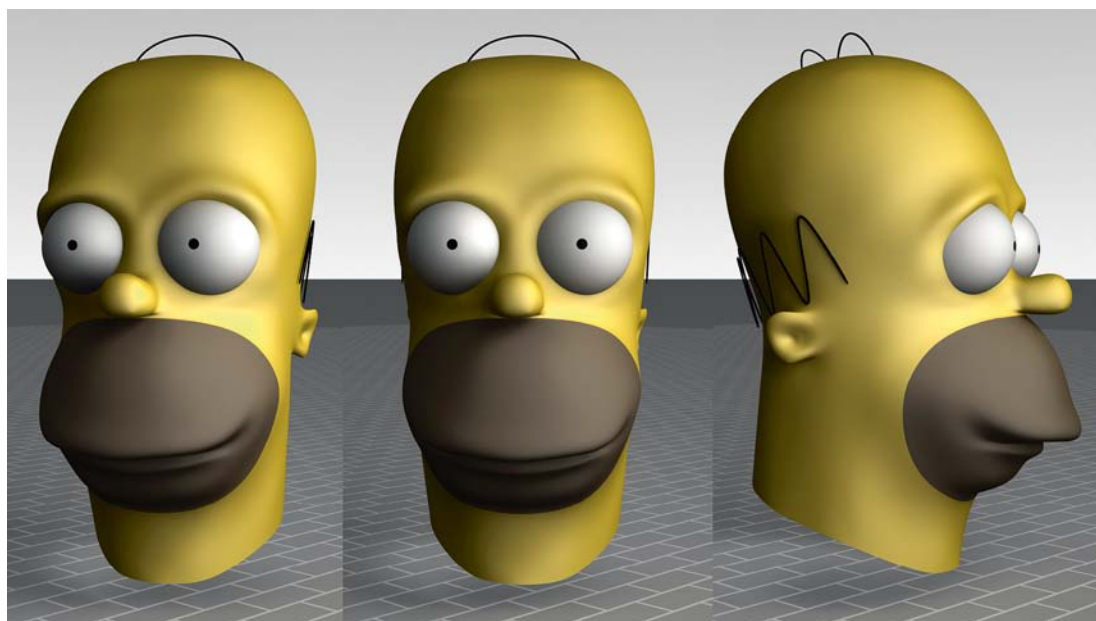
Теперь вопрос: можем ли мы без этого обойтись? Конечно, коллеги! Когда десять или пятнадцать лет назад мы фиксировали, что от 85% до 90% всех ресурсов сети связаны с эротикой и порнографией, я говорил, что дальше будет хуже. Коллеги, оно стало хуже. Дай бог им в компьютерные игры всем играть! По данным этого года 92,4% нашей молодежи от 15 до 25 лет смотрят рэп-баттлы. Что это означает? Это маргинальная негритянская культура. Негры не могут достать белых, а поэтому у них огромное внутреннее напряжение. И они кроют друг друга матом. Ну дальше в это были вложены деньги, из этого сделали как бы шоу. А наши-то дети это поголовно смотрят, полагая,

что это и есть искусство — новая цифровая культура. А те люди, которые ругаются, вот эти самые Оксиморон, Гнойный — кстати сказать, их рэп-баттл посмотрело ни много ни мало 46 миллионов человек, — естественно, считают себя цифровой элитой. Таким образом, мы теряем следующее поколение. Мы получаем по Шекспиру: «порвалась времён связующая нить». То есть мы пытаемся чему-то научить детей, рассказываем о каких-то смыслах, ценностях, а они — там, в рэп-баттлах.

Теперь что касается наших смыслов и ценностей. А здесь, коллеги, проблема очень простая: у нас нет смыслов и ценностей, признанных нашим обществом. Общество наше расколото. У нас нет проекта будущего, признанного элитой. Поэтому, когда вы, например, хотите снять патриотический фильм, вам объясняют, что вы можете снять чернуху, порнуху, что угодно, но никак не патриотический фильм. Питчинг на патриотический фильм не удаётся провести. Так имеет ли смысл ставить вопрос о контенте? Нет, коллеги, при нынешней политике в области массовой информации ничего полезного снять-то нельзя!

Как ковалось превосходство США в информационной сфере? Очень просто. Когда американцы поняли, что это важная сфера, и создавали Голливуд, они взяли ведущих писателей и сказали: «Ребята, нам нужны хорошие сценарии для кино, которые пропагандируют наш образ жизни. Вас не опубликует в США никто и никогда, до тех пор, пока вы не научитесь писать хорошие сценарии». А наше кино сегодня повторяет зады американского, между тем как американское кино по своему стилю и смыслу создавалось не нами, не для нас, исходя не из нашей парадигмы жизни и не во имя нашего развития.

Давайте поставим мысленный эксперимент: допустим, санкции ужесточаются через два года. Нас перекрывают по «Свифту», нас перекрывают по жизненно важным лекарственным средствам, нас перекрывают по информационным потокам. Как мы будем жить? На мой взгляд, если мы цивилизация, то, вообще говоря, у нас должно быть всё своё. Вот Китай мыслит таким образом: у них есть огромный китайский Firewall — они контролируют свой интернет. У них есть боль-

шая китайская экономика, они в крайнем случае могут обойтись без внешнего рынка. На мой взгляд, и мы ровно без этого можем обходиться. Но для этого мы должны понять, а что нам нужно в информационной сфере.

Например, Windows имеет более пятидесяти тысяч уязвимостей. Из них американская разведка использует две тысячи, наша — примерно полторы тысячи. Ну разные, правда, уязвимости. Казалось бы, это очевидно, что наши государственные структуры не имеют никакого права покупать этот Windows, потому что в нём есть недекларируемые возможности. Но, насколько я знаю, наш «продвинутый» Сбербанк купил на 80 миллиардов у Microsoft вот этого самого Windows.

Основная проблема и основное решение её — в нас, внутри, это смыслы, ценности нашей цивилизации. При этом всё, что связано с цифрой, это не сегодняшний и не завтрашний день, это вчерашний день. Если мы посмотрим на то, сколько чего цитируется в научном контексте, то скажем: характерная цитируемость наук биологического цикла — пятьдесят единиц, химии — десять, физики — восемь, математики — полтора и информатики — полтора. Информатика в мировых базах данных, имея в виду фундаментальную науку, кончилась, коллеги. Это далёкое прошлое. Обо всём блокчейне — десять научных работ. Остальное — это популяризация, пропаганда, реклама, обсуждения и так далее. Это, как говорят китайцы, бумажный тигр.

Берём отрасль IT. Отрасль пока богатая, три с половиной триллиона долларов. Но это «отстойная» отрасль, коллеги. Она упала на шесть процентов два года назад и на 0,6 процента год назад. Поэтому наши мудрецы из правительства, которые го-

ворят, что мы ещё и на рынок IT выйдем, несут, конечно же, бред и блеф. Из этой отрасли растёт только один сегмент, самый страшный. Это VR, виртуальная реальность. За прошлый год она выросла на 80%. Несколько фирм, соответственно, породили шлемы виртуальной реальности. Рост, по разным данным, на 70–80%.

Итак, в сухом остатке: есть 75 % лишнего населения, социальной обузы, и компьютер нужен, чтобы их дурачить. Спрашивается, можно ли компьютер использовать в мирных целях? Безусловно, можно. Приведу простой пример. У нас есть «Википедия» — масса недостоверной, халтурной, бредовой информации. Но ведь есть и проект, который был разработан в России, — «КиберЛенинка» — оцифруем всю Ленинку. Проект сделан в нашем институте. Мы вполне это можем сделать.

Российской академии наук по нынешним законам запрещено заниматься наукой, она — клуб. Она может заниматься прогнозом, экспертизой, но наукой она не имеет права заниматься. Ну если только как-то под одеялом, в свободное время. Естественно, что делает, например, Французская академия наук? Это союз бессмертных, которые толкуют слова, грубо говоря, составляют толковый словарь. Вот вам очевидный проект для Российской академии. Естественно, если всё остальное запрещено, пусть хоть этим займётся. Так может возникнуть живая русская энциклопедия, в которой учёные делают возражения, отвечают на возражения, вырабатывают объективно ценное знание и объяснение сложных проблем и понятий. Аналогично этому можно сделать массу интересных образовательных проектов.

Философ Платон с блудницей заспорили, кто из них сильнее. И тут идёт студент. И они реши-

ли проверить. Платон говорит: «Я всю жизнь работал, я для тебя открою те тайны, которые ты никогда не узнал бы. Меня, видимо, скоро уже не будет. Но я сегодня вечером расскажу тебе основные тайны мира». А блудница говорит студенту: «Слушай, а я тебе дам бесплатно сегодня». И он, естественно, пошел с блудницей. Блудница спрашивает Платона: «Так кто из нас сильнее?» Платон говорит: «Я считаю, что всё равно я сильнее, потому что я-то зову вверх, а ты зовёшь вниз». И поэтому, на мой взгляд, обсуждая всю цифровую вселенную, естественно ставить вопрос: не почему мы отстаем и идём где-то в хвосте Запада, а нужно обсуждать, как с помощью этих инструментов не дурачить людей, не морочить, а вести вверх.

Не важно, какими способами, играми ли, фильмами ли, обучающими ли программами, но, вообще говоря, мы должны работать не против внутреннего закона, который, по Канту, находится в нас, а работать на этот закон.

Сегодня родители идут против течения, у них не хватает на это сил. Пока же родители говорят детям про то, что не лги, не воруй. А общество в лице «передовых» технологий — про совершенно обратное. Нужно радикальное изменение информационной политики, для того чтобы, по крайней мере, родители шли в одном направлении с государством, с будущим обществом. Я процитирую вам Исаака Калину, начальника департамента образования Москвы. Он говорит следующие простые слова: «Детей ничему учить не надо, они лучше нас во всём разберутся. Они другое поколение». Мол, они сами всё умеют, они уже сами знают, какие кнопки нажимать, и главное — это интернет-образование. Понимаете? Когда это говорит человек, который ведаёт образованием, что это значит?

Сейчас Греф утверждает следующее: у нас будет дистанционное образование. У человека есть цифровая приписка, а дальше пусть он сам по компьютеру учится. Согласно старому анекдоту, и воробей, и соловей кончали одну консерваторию. Но воробей по заочной части, а соловей — по очной. Боксёры-заочники должны быть выброшены из бокса, понимаете?

Вся цифровая экономика, как она трактуется в программе «Цифровая экономика Российской Федерации», должна быть выброшена как целое. Потому что она не имеет отношения к экономике. Она не имеет отношения к производству, к компьютерам, к роботам, к национальной безопасности — это в огромной степени распил средств.

Мы до сих пор с упорством, достойным лучшего применения, толкуем, что мы европейская страна! Ну, коллеги, но это же явный абсурд. Ну просто вдумайтесь. Ну какая мы европейская страна? Какая любимая европейская сказка? Это «Золушка» — девочка делала всё по инструкции, и ей дали прекрасного принца в награду. Какая наша любимая сказка? Конечно, это «Иван-дурак». Потому что он в обычной жизни как-то вот странный человек, но когда есть экстремальная ситуация, именно он — адекватный. А не те люди, которые действовали по инструкции. Откуда это взялось? А понятно откуда: потому что у нас зона рискованного земледелия.

У нас одиночка не выживает. Европейская ценность: каждый за себя, один Бог за всех. И тут одно отношение к свободе. Наша ценность: сам погибай, а товарища выручай, — это соборность, это совершенно другие ценности. Возьмем отношение человека к Богу. Там строится собор с многими сотнями мест, и человек — в этом микрокосмосе песчинка.

Наше отношение — храм Покрова на Нерли. Абсолютно иное.

Давайте посмотрим дальше. Западная цивилизация — торжество закона. Вот мне в Соединённых Штатах Америки объяснили, что у них 17 миллионов юристов. Если взять членов их семей, то это 50 миллионов юристов. Мы никогда не будем иметь такого законодательного поля. И роль закона у нас играет совершенно другая вещь — это культура и совесть. Кстати, обращаю внимание, что практически ни в одном европейском языке нет аналога слову «совесть». А для нас оно жизненно важно. Не свобода, а именно совесть. Вообще говоря, выложить в сеть гадость должно быть неприлично, правда? Сделать нечто в темноте, к чему призывает блокчейн, должно быть неприлично, понимаете? Поэтому в основе нашей политики должна быть культура и совесть.

Нам бы было нужно — в Изборском ли клубе, в «Регнуме» ли — отрефлексировать те самые смыслы и ценности нашей цивилизации, которые позволят ей пойти вперёд. Если они есть, если мы понимаем их — тогда всё к нашим услугам, мир у наших ног. Допустим, нам к нашему будущему предстоит идти не пешком, а нужно ехать на мотоцикле, — отлично, сделаем мотоцикл. Нужно нам иметь свою операционную систему? Да, у нас есть люди, которые могут это сделать. Нужно нам иметь банковскую систему — так давайте заведём банковскую систему. А так мы находимся в межумочном состоянии, ни то ни сё.

Игорь БОЩЕНКО:

— Уважаемый Георгий Геннадьевич сказал, что компьютеры не дали ничего для экономики. Ну я хотел бы возразить: роботы и станки с ЧПУ это не экономика? Аддитивные технологии, 3D-печати домов — это тоже

не экономика? Разве они не дали в этих сферах повышения производительности труда? Раньше в телекомпаниях, которые работают по старым технологиям, нужно было 50–100 человек, сейчас это все с помощью компьютеров делают иногда три-четыре человека...

Насчет рэп-баттлов, вот я видел этот ужасный баттл Гнойного с Оксимионом, но я, правда, его не осилил, культурный шок заставил меня это выключить. Но тем не менее я понимаю молодёжь, которая это смотрит, и считаю, что надо просто дать ей достойную альтернативу: допустим, баттл двух химиков, баттл двух физиков, в конце концов, литературные дуэли, которые были у нас ещё в XVIII веке. Другое дело, что подобные мероприятия затратные, и наши баттлы будут не такие зрелищные и понятные, как матюки, но, как говорится, аудиторию надо воспитывать. Претензия должна быть к тому, что нет альтернативы, которая бы достойно отражала развитие нашего человеческого капитала.

В целом у нас в нашей дискуссии уже начинает зарождаться баттл прогрессистов с консерваторами, и, в принципе, я бы с удовольствием подебатировал в таком формате на эту тему. Соглашусь, что современные массмедиа едят время. Вы знаете, вот фильм Вачовски «Матрица», там люди выступали в роли батареек таких, которые давали энергию матрице. Но они немножко ошиблись, главное — это не энергия людей, а их время, которое сегодня всё больше растрачивается на всякого рода непроизводительные занятия. Я бы это назвал нейромайнингом.

Давайте будем исходить из того, что любое движение — это поиск какого-то направления, где-то оно может быть ошибочным, где-то тупиковым. Но если не пройти все тупи-

ки, то и не выйти из лабиринта на свет. Поэтому я против луддитов, против возвращения к каким-то там «скрепам». Я считаю, что мы живём в новом обществе и надо принимать динамику его изменения, а не пытаться его остановить. Это как у Льюиса Кэрролла: «Надо бежать изо всех сил, чтобы оставаться на месте».

Виталий АВЕРЬЯНОВ:

— По поводу баттла прогрессивистов с консерваторами. Я несколько удивился, когда Игорь Бощенко трактовал мои мысли как попытку закрыть прогресс. Ведь я предложил не столько что-либо убирать, сколько дополнять. То есть к Google, YouTube, нынешнему «Яндексу», нынешнему Mail.ru, нынешнему Twitter, Facebook добавить нормальную соцсеть, нашу соцсеть, наш поисковик, наш видеохостинг, наши видеоигры. Это что — ограничение свободы?

Вообще, свобода заключается не в том, что мы ничего не запрещаем, свобода заключается в том, что мы не отдаем монополистам своих детей, не приносим их в жертву глобальным монополиям.

Что касается слова «скрепы» — понятие «духовные скрепы» восходит к нашим славянофилам, — то сегодня это прозвучало как классический либеральный антимем. Это слово однажды, по-моему, попало в одно из выступлений президента. Либералы начали хихикать, им показалось, что на этом можно здорово сыграть. Славянофилов они, конечно, не изучали, у них вкусы другие. И сегодня даже в ваших устах, уважаемого мной эксперта, это звучит как ирония. А давайте себе представим, что такое жизнь без скреп. Например, что является скрепами в человеческом организме? Это его скелет. Если мы уберем главную скрепу — позвоночник, как известно, голова

провалится в штаны. Вот что такое мир без скреп.

Если Digital Native понимается как рэп-баттлы, то я против. Потому что они до предела примитивны и безобразны. В этом-то и заключается их смак, делающий их популярными в подростковой, психически еще нестабильной, формирующейся среде. Но если Digital Native необходимо для победы в конкурентной войне в новом цивилизационном формате, так сказать питательной среде для русских хакеров, — то пусть оно остается, это Digital. Я предлагаю не отменить навыки, а на 180 градусов развернуть тот курс, которым сейчас идет это поколение: от курса космополитизма, потребительства и ухода в виртуал к курсу общего дела, авангардного традиционализма, высокого образования, мощного оснащения всеми инструментами нашей культуры. Если это совместимо с Digital — ради бога! Очевидно, что в таком случае

доля свободного времени ребенка и подростка, которая сейчас в большинстве семей отведена на его спонтанное сидение в смартфоне, планшете, ноутбуке, должна будет сократиться. Возможно — радикально сократиться.

Ну и последнее, насчет «принимать современный мир». Нам нельзя принимать современный мир! Его нужно направлять, к нему нужно найти подход, как находит укротитель зверей подход к своим питомцам. Вот в чём разница. А просто принять динамику современного мира — это значит быть пассивным и в конечном счёте перестать быть собой.

Георгий МАЛИНЕЦКИЙ:

— Считать, что любое движение благо, — это большая ошибка, потому что очень важно, куда двигаться. Наша ситуация немножко похожа на Древний Рим, когда его захватывали варвары. Нельзя сказать, что варвары были значительно сильнее, что у них были

лучшие технологии. Проблема была в том, что никто не вышел Рим защищать, со «скрепами» была проблема, видимо, потому что все были заняты в театрализованном представлении.

Есть очень большая разница между дикарём, который говорит по мобильному телефону, и человеком, который сам или страна которого мобильные телефоны производит. В этом смысле мы как раз на уровне дикарей — и они говорят по мобильному телефону, и мы говорим по мобильному телефону. Вроде как мы почти такие же, как они. Но это неправда.

Что касается производительности компьютерной экономики и роста производительности труда — может быть, на сей счёт появится исследование Бощенко,

и вы, соответственно, опровергнете Солоу и его выкладки. Но пока никто не опроверг. И я повторюсь: к сожалению, компьютеры не сыграли пока никакой существенной экономической роли, только социальную. Что касается издательств, изданий, компьютеры не повысили производительность труда, они повысили стандарты. Но людей в отрасли занято не меньше, а больше. Наше правительство наивно считает, что роботы вытеснят людей. Ну, коллеги, я просто знаю цифры: американцы купили 80 тысяч роботов для своей автомобильной промышленности за пять лет, и это потребовало создание 240 тысяч новых рабочих мест.

При проектировании «цифровой экономики» нашим правительством никакого участия

учёных в создании программы или её обсуждении не предвидится. Чиновникам и без нас все ясно. Нам же ясно совсем другое: чтобы сделать конкурентоспособное изделие, надо не в рэп-баттлах быть, не в сетях пропадать, а физику учить, электронику учить. Что касается оборонного сектора, то ситуация вообще критическая, потому что до того, как началась программа импортозамещения, мы покупали 60% элементной базы на Западе, а сейчас уже 90%.

Идеология — это не какие-то штампы, в основе идеологии лежит дальний прогноз, а именно: куда мы хотим пройти? Я приведу простой пример: в Японии раз в пять лет собирают десять тысяч ведущих учёных, предпринимателей, государственных чиновников и говорят: давайте мы сейчас спроектируем, где Япония должна оказаться через 30 лет. И люди работают. Дальше, исходя из этого, что делается: а чтобы там оказаться через 30 лет, давайте мы пропишем ближайшие 5 лет, какие проблемы в стране должны быть решены — научные, технологические, социальные. И вот исходя из этого делается индикативный план. Он является тем самым хребтом, позвоночником, о котором говорил Виталий Аверьянов.

У меня замечательный документ есть «Сто технологий, которые позволят Японии уйти в отрыв», а именно: что должно получиться на выходе. Там содержатся конкретные ответы на вопросы: какие товары, услуги, что это даст человеку, что это даст обществу, что это даст обороне, синергетические эффекты, к чему это приведёт? Там прописано и то, какие налоговые льготы получает предприниматель и каких специалистов должен готовить университет и т.д. Такое планирование и является в огромной степени идеологией. Аналогичным

образом мыслят американцы, они представляют себе, какая экономика будет в 2050 году в Штатах, они это делают на основе математических моделей, анализа данных и прочего. То же самое Китай: он мыслит в длинном времени, у него есть верхняя часть идеологии, но есть и другая часть — связанная с задачами промышленности.

А у нас не так, у нас движение — всё, а цель — ничто, прямо по Бернштейну. Если цель — ничто, а важна только движуха, то, естественно, мы будем всё время невпопад, как тот самый дурак, который, когда хоронят, голосит «таскать вам не перетаскать!», а когда свадьба — «а горе-то какое!». Мы следим — «а какая цена на нефть, а вдруг пронесёт», как плохой ученик: а вдруг не спросит учитель? Понимаете, это унизительно, и нам просто надо выйти из этого положения.

Советский Союз рухнул не из-за того, что было проиграно состязание в сфере идеологии. И был референдум в 91-м году, который показал, что все хотели его сохранить. И сейчас, если мы посмотрим на постсоветское пространство, конечно, всем разумным людям хотелось бы вернуться туда. Но как говорил Гиббон о Римской империи, «империя гибнет тогда, когда перестает отличать хороших людей от плохих». Давайте почитаем мемуары Горбачёва, почитаем Яковлева, Шеварднадзе, и выясняется, что это всё матерые антисоветчики. Если наверх общество (а это кадровая политика) поднимает таких людей с двойной идентичностью, лицемеров, врунов, — оно нежизнеспособно.

Александр ХАЛДЕЙ,

публицист, блогер, эксперт по переговорам:

— Настоящий переговорщик, как говорили мои учителя, — это специалист, владеющий магией

растворения конфликтов. Я напомним: еще в 80-е годы Билл Гейтс написал книгу «Бизнес со скоростью мысли», где он говорит о том, что бизнес должен быть на кончиках пальцев. Сегодня правильно говорили о том, что только в компьютерной среде это имеет смысл, ведь и в данной книге Билл Гейтс описывал не экономику вообще, а свою компанию Microsoft. Если посмотреть немножко отстранённо на то, что такое цифровизация экономики, то так или иначе всё сводится к ускорению обратной связи и к оптимизации управления системами. То есть это какая-то тонкая надстройка.

Изборский клуб сегодня пытается позиционировать себя как группа консервативных мыслителей, которая так или иначе противостоит либеральному тренду. Но давайте посмотрим на наше общество — несомненно, это уже известно всем, что большая часть общества так или иначе у нас левоцентристская. А наша элита так или иначе правоцентристская. Но социальная справедливость — это идея работников. А наша элита сегодня — это элита коммерсантов. Их идея — это идея рациональности, выгоды, удачного контракта, максимизации прибыли. Справедливость для них — это в лучшем случае слово, которым можно воспользоваться.

Мне кажется, что России на самом деле необходим лево-патриотический, социал-демократический субъект, именно он мог бы сформулировать тот контент, которого сегодня так не хватает обществу. И такой контент можно было бы транслировать и внутрь страны, и глобально.

Сегодня знаменитая американская гарвардская школа переговоров Уильяма Юри готовит переговорщиков по системе win-win: когда выигрывает одна

сторона, автоматически выигрывает и другая сторона. Если кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает, тогда проигрывают обе стороны, поскольку проигравшая сторона постарается как можно быстрее выйти из заключённого соглашения и не будет заинтересована его выполнять. Это парадигма мышления коммерсанта — здесь нет темы для справедливости.

Настоящие переговорщики говорят своим студентам, что, конечно, на самом деле все эти разговоры о том, что выигрывают обе стороны, выдумка — убеждает всегда одна сторона. Хитрость же в том, чтобы проигравшей стороне красиво упаковать её проигрыш. То есть мы имеем дело с манипулятивными технологиями.

Цифровые технологии применяются сегодня, прежде всего, с целью манипулятивного управления социумом. Ещё во времена Никсона при помощи СМИ и манипулятивных технологий активно формировалось мнение избирателей, обеспечивались политические победы. Заметьте, эта система действовала еще до компьютеров и интернета. Поставить преграду информации сегодня невозможно, но если мы говорим об информационной безопасности, это, прежде всего, проблема доверия к источнику информации и проблема самого содержания информации.

Посмотрите: технологии подачи информации США не изменились за тридцать лет. Но если в восьмидесятые годы наше население верило американской пропаганде и у нас Советский Союз из-за этого распался, сегодня американцы делают то же самое, но манипулятивное содержание и истинные цели американской пропаганды стали понятны. Поэтому народ не воспринимает эту пропаганду, нет к ней доверия.

Тринадцатый знак.

Мемы в информационной войне против русского народа

Авторский экспертный доклад Сергея БАРАНОВА

ЧЕЛОВЕК – МАШИНА МЕМОВ?

В конце двухтысячных — начале десятых вместе с молодёжной сетевой интернет-культурой в обиход широких кругов российского общества вошёл и термин «мем». Это крылатые словечки и фразы из книг и кинофильмов, и яркие картинки с фразами

или без оных, и короткие видеоролики разного происхождения, несущие яркий образ или идею. Мем — это единица информации. В современной сетевой медийной и интернет-культуре мем становится не только самостоятельным доминирующим жанром, определяющим восприятие разных информационных продуктов.

Согласно специалисту по мемутике Сьюзан Блэкмор, автору книги «Мем-машина», человек становится придатком машины по производству мемов. «Человек-машина» — популярная метафора постмодернистов-глобалистов, взятая у французского философа-просветителя Ламетри, автора работы «Человек-машина». Например,

в журнале «Логос» издаваемом Институтом Гайдара, российский философ Игорь Чубаров опубликовал манифест «Машинная антропология. Запоздалый манифест» (2012), где прямо продвигается идея человека-машины. Другое название мемов, данное Р. Докинзом в своей одноименной статье, — «Вирусы разума» (1993). Сегодня без эмоционального заражения и затем последующего подражания заражённым лицам мемы просто не способны работать и вызывать миллионы и десятки миллионов просмотров и повторений.

ПОДРАЖАНИЕ И ДРЕВНИЕ МИСТЕРИИ

Согласно распространённому мнению, слово «мем» связано с понятием «мимезис» — подражание. Первоначально слово «мимезис» в Древней Греции возникло в языке тайного дионисийского культа — мистерий. Мимезисом собственно называлось культовое действие жреца дионисийских мистерий — «мимоса» и других участников (В. Вейдле. «О смысле мимесиса»). «Привычное толкование слова *mimesis*, обычно переводимого как «подражание», «вводит в заблуждение», так как «охватывает лишь малую часть изначального круга значений», указывал Владимир Вейдле со ссылкой на специалиста по теме мимезиса Германа Коллера. Мимезис — это подражание жрецу-мимосу другими участниками мистерий («оргий» в прямом значении). «Участницы орфических таинств и оргий в честь Диониса назывались мималлонками (*mimallones*)». «Первоначально мимесис был языком *drōmenon*, священного действия, и как таковой был всем одновременно: представлением и выражением, танцем и жестом, ритмом, словом и мелодией». В. Вейдле отмечает, что «следование некоему образцу — поступок, не проходящий бесследно, и что подобное подражание вызывает в душе человека — в особенности молодого — далеко идущие изменения и даже подлинные превращения (например, опустошение)».

Что такое дионисизм и почему именно из него вышел классический мимезис европейской культуры и современная

меметика? Вряд ли это случайность. Дионисизм и подобные оргиастические культы перерождения унаследованы западной античной цивилизацией от предшествующей древней раннеземледельческой матриархальной цивилизации с культом Великой Богини, которая присутствует и в дионисизме в виде Гекаты. Мистерии представляли собой тайные общества, закрытые от непосвящённых под страхом смерти. Мистерии проводились в изолированных местах: горных лесных массивах, на островах, в специальных храмах и на виллах. Недаром дионисизм (вакханалии) были запрещены, а их общества и разгромлены в Римской республике в 186 году до новой эры. Но некоторые похожие закрытые общества есть и сегодня на Западе.

Важно понять, что **мистерии и мимезис — принципиально другая картина человека, отличающаяся не только от современного рационализма, не только от христианства, но и от античного или, скажем, раннеславянского языческого человека.** В этом секрет своеобразной антисистемной силы, в том числе и силы мемов, производимых в рамках этой картины. В миметической, в том числе подражательной, картине мира нет места личности, духу и воле в нашем понимании, а есть механизм «стирающего» их вирусного психического заражения и уподобления. Информационные вирусы-мемы производят психическую трансформацию в человеке, подобную той, которая происходила с участниками мистерий под руководством жреца-мимоса.

ВОДА ИЗ ЭДЕМА И СВЯЗУЮЩАЯ БУКВА «МЕМ»

Откуда пошло слово «мем»? Как говорит самый большой современный справочник мемов, Википедия, «Мем (ивр. מֶמֶ) — тринадцатая буква многих семитских письменностей» — финикийской, арамейской, еврейской, арабской, обозначающая согласный звук «м». Из финикийского алфавита «мем» попал в греческий, этрусский, латинский алфавиты уже под изменённым именем. В латинском алфавите буква «м» также

на тринадцатом месте, в современном русском алфавите «м» занимает четырнадцатую позицию.

Буквы или знаки алфавита в мировой, в особенности ближневосточной культуре, несут и философскую, и религиозную смысловую нагрузку, являясь символами процессов, происходящих с людьми, обществами, предметами, и объясняющими их судьбу и связь со структурами мироздания. Это позволяет их предсказывать и программировать, встраивать в контекст оккультных практик.

«Эзотерически мем обозначает воду, — учат своих последователей специалисты по картам Таро. — Это понимается как течение, а в более тайном значении как перемены, связанные со смертью... По своему общему финикийскому происхождению она родственна букве «мю», также изначально тринадцатой по счёту в греческом алфавите. Она обозначает неподвижность звёзд, а отсюда и фатализм человеческой судьбы в астрологических толкованиях... Числовое значение мем — 40; в еврейской традиции это число обозначает полноту и завершение начатого дела». «Мем — это буква, которая означает переход, транзитивность».

Некоторый свет на значение понятия мема как знака проливает связь в иудаизме буквы «мем» с таинством миквы, имеющим явное происхождение от древнего матриархального культа (как и дионисизм с его мимосами и мималлонками), но встроенным в более позднюю патриархальную религию иудаизма. На связь мема с миквой указывал философ-каббалист Р. Арье Каплан в работе «Воды Эдена» в главе «Таинство миквы. Связующая буква»: «Миква тесно связана с двумя основополагающими идеями, а именно с идеей воды и числом сорок. Обе эти идеи — концептуальная и цифровая — заключены в одной-единственной букве — еврейской букве «мем». Название буквы «мем» происходит от ивритского слова «майим», вода. Кроме того, числовое значение буквы «мем» равняется сорока. Поэтому неудивительно, что буква мем также представляет собой, или символизирует, микву. Известно, что буква мем

Перед малым народом стоит проблема идейной гегемонии в отношении большого народа и его государства. Для этого используются различные методы подчинения, в том числе и война мемов на том указанном выше глубоком доличностном зародышевом уровне перерождения, который и обозначает буква «мем» в древних культурах регенерации. В условиях, когда малый народ вынужден выходить из своей узкой ниши, мемы, как вырванные из общего контекста крылатые единицы, становятся важнейшим и эффективным оружием, позволяющим преодолевать отторжение со стороны государства и большого народа.

имеет две формы написания. Одна — открытая, когда буква стоит в начале или середине слова. Другая — закрытая со всех сторон, — когда буква стоит в конце слова. Так вот, вторая, не менее важная идея, заложенная в букве «мем», связана с женским чревом. Закрытая форма её начертания (в конечном положении) — напоминает матку, закрытую во время беременности. В то время как открытая мем похожа на открытую матку во время родов и сразу после них. Числовое значение сорок, которое приписано букве «мем», можно увязать с сорока днями, в течение которых происходит формирование зародыша... Таким образом, погружающийся в микву (в воду) человек фактически входит в сферу действия настоящего в его конечном выражении. Для него перестают существовать прошлое и будущее. Совершенно **не важно, кем он был в прошлом**¹.

На мой взгляд, выбор именно в пользу слова «мем» в современной масскультуре не случаен. Оба его предшественника, и древнегреческий ми-

мезис, и ближневосточная буква «мем» как символ миквы и «вод Эдена-Эдема» — две стороны одной медали. Оба являются символами инициации с умиранием и возрождением в новом человеке. Символ мема означает глубокую оккультную трансформацию, в которой человек попадает на до-личностный уровень, на котором он открыт для перерождения по заданному образцу, которым и выступают мемы масскультуры.

**АНТИМЕМЫ
«МАЛОГО НАРОДА»
ПРОТИВ БОЛЬШОГО НАРОДА**

Для понимания роли мемов важно представить, что российское общество состоит из трёх больших сегментов — порождающих идеологических матриц: 1) большого народа или «почвы»; 2) государственной бюрократии — центра; 3) «малого народа» — периферии. «Малый народ», согласно автору этого понятия Огюстену Кошену, представляет собой антисистему внутри общества, нацеленную на его радикальное пере-

устройство, в том числе уничтожение нежелательных слоёв и классов. Малый народ не совпадает с какими-то национальными меньшинствами. Быть или не быть «малым народом» — это личный выбор каждого россиянина, который оказался перед такой перспективой независимо от его национальности. Решающим аргументом служит личный статусный трамплин, или «социальный лифт», который кажется гарантированным в силу неограниченных ресурсов мировой антисистемы. Перед малым народом стоит проблема идейной гегемонии в отношении большого народа и его государства. Для этого используются различные методы подчинения, в том числе и война мемов на том указанном выше глубоком доличностном зародышевом уровне перерождения, который и обозначает буква «мем» в древних культурах регенерации. В условиях, когда малый народ вынужден выходить из своей узкой ниши, мемы, как вырванные из общего контекста крылатые единицы, становятся важнейшим и эффективным оружием, позволяющим преодолевать отторжение со стороны государства и большого народа².

Война мемов против русского народа идет уже давно. В качестве ударного оружия антисистемы использовались антимемы — мемы, направленные на уничтожение внутренних духовных основ и дискредитации русского народа и государства в их собственных глазах. Эти ядра мемов хорошо известны: «бабло», «блат», «совок», «ватник», «Рашка», «Мордор», «Замкадь», «кремлядь», «русня», «путиноид», «генетическое отребье», «евроремонт», «нищеврод». Их можно исчислять сотнями. Помимо антимемов малый народ создаёт свою реальность в виде опорных ядерных мемов, которые часто связаны с иностранным сленгом,

¹ Цитируется по: «Что такое Крещение с еврейской точки зрения» http://www.tikvaisrael.com/art_kab_tvila.html

² Подробно об антисистемах, в том числе в связи с проблемой кризиса и выживания Русской цивилизации, см. доклады и статьи в журнале «Изборский клуб» (2017 № 7). Что касается понятия «малый народ» Кошена, то благодаря недобросовестной полемике со стороны либералов и их критике этого понятия в дискурсе российских патриотов (в частности, И.Р. Шафаревича), оно нередко воспринимается в крайне примитивном виде, например, как проявление антисемитизма. Между тем, грозная природа антисистем как раз и состоит в том, что в «малый народ», в антисистемную «армию», в ряды еретиков, даже таких древних как катары, альбигойцы или жидовствующие на Руси — на 90 и более процентов рекрутируется молодежь из «большого народа». Еще более характерно это для современных антисистем, которые работают исключительно на раскол «большого народа», пытаясь «отнять детей у России», восстановить детей против их страны и их родителей, как заметил еще В.В. Розанов — задолго до А. Грамши и З. Бжезинского (*прим. редакции*).

МАЛЫЙ НАРОД

БЮРОКРАТИЯ

БЛАТНЫЕ

БОЛЬШОЙ НАРОД («ПОЧВА»)

НОВАЯ МАТРИЦА
«СЕТЕВОГО ПОКОЛЕНИЯ»

Социальные матрицы, порождающие мемы

трансмемов (дилер, киллер, креатив) или искажённой и извращённой русской лексикой (крутой, блатной, пацаны). Насаждаемая идеологами малого народа антикультура представляет собой фабрики и мастерские по производству антимермов. Цель антимермов — кодировать в сознании антисмыслы, которые разрушают смыслы, порожденные родной почвой большого народа, традицией русского государства и православия, и взамен их насаждающие мемы-заменители — трансмемы, заимствованные из других языков либо жаргонов антисистемных групп (блатные, мусорные молодёжные субкультуры) либо искусственно созданные для мемов слова-мутанты (заумь, язык «падонков»).

Следующие ключевые черты просматриваются в большинстве антисистемных мемов: 1) нарочитая смеховая карнавальная культура; 2) извращённая сексуальность; 3) агрессивная стратификация общества на касты «своих» и «чужих», когда в разряд чужих попадает большинство народа и государства; 4) изоляция и унижение русского большинства; 5) порча правильного русского языка.

Поскольку в широком пространстве постсоветского русского мира антисистема двигалась разными колоннами, со своими особыми и нередко противоречивыми интересами, то и антимермы выстроились в разные группы.

МЕМЫ БЛАТНОГО МИРА И ИХ ЭКСПАНСИЯ В НОВЕЙШИЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

Касты блатных СССР и России — незначительное меньшинство населения, примерно 0,06%. В абсолютных цифрах это 80–100 тысяч из 700 тысяч заключённых. Тем не менее немалая доля слов, составляющих смысловые ядра антимермов современного русского языка массового общения, происходит из жаргона блатного мира. Блатной мир представляет собой специфическую антисистему, господствующую внутри более широкого преступного сообщества и жёстко структурирующую его на касты: блатных, мужиков, козлов и опущенных. В верхней группе каст, собственно блатных, существует своя жёсткая иерархия в виде подкаст. Похожую схему блатной мир применяет к большому народу за пределами зоны. Блатной жаргон является орудием господства, стратификации, наказания.

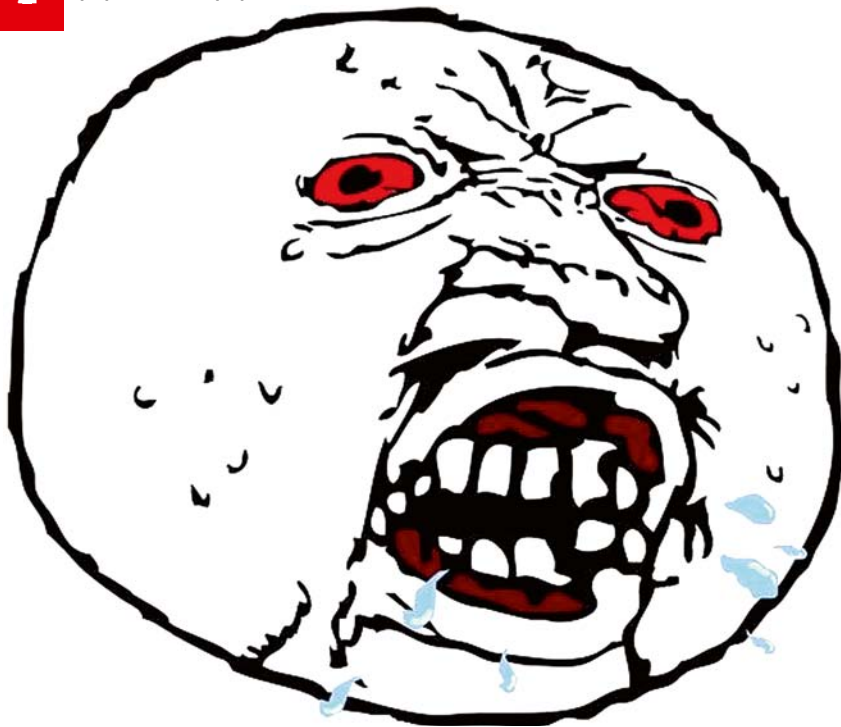
Важнейшие из блатных слов — смысловых ядер мемов, — я их называю «блаттемами», — по меньшей мере 72 мема из 397, или 15%, включённых в «Краткий словарь блатного жаргона криминального мира»³, вошли в активный разговорный русский язык и деловой сленг. Они регулярно используются в текстах литературного и делового жанра⁴.

Само употребление блатем вне блатной среды представляет собой мемы, то есть слова, как бы наделённые особым метафоричным смыслом, чем и пользуются употребляющие их, претендуя на особый статус посвящённых в мир «крутых». В отличие от слов обычного русского языка эти слова блатного жаргона обладают дополнительной смысловой и прагматической силой, вытесняющей обычные лексемы простого разговорного языка, особенно в ситуациях прямого действия. Здесь работает магия языка по аналогии с матом, поэтому мат как помеха со стороны старой архаической русской культуры строго запрещён в блатной среде. Человек, перешедший «на понятия», приобретает, как ему кажется, мощное оружие в конкуренции за попадание в господствующее меньшинство. Блатные лексемы становятся в русском языке доминантами целого семантического поля, например, «бабки» — для поля денег, «петух» — для гомосексуалистов.

Огромную роль в распространении и популяризации криминальной культуры и жаргона сыграли многочисленные продукты масс-культуры, поток которых появился в 1970-е с расцветом блатных порядков в зонах и значительно вырос в 1990-е годы: фильмы («Джентльмены удачи», «Беспридел», «Воры в законе», «Бандитский Петербург», «Жмурки»),

³ <https://www.trend.az/life/socium/1594967.html>

⁴ Например: *авторитет, бабки, базар, бардак, барыга, беспредел, бомбила, борзый, браток, включать счётчик, разуй глаза, гнать на кого-то, гнида, гопник, грузить, запаadlo, кидала, колоться, коммерс, косяк, крутой, крыша едет, лажа, лох, мент (вспомним сериал «Менты»!), мутный, наезд, накатить, напряг, нарисоваться, наследить, начальник, облажаться, облом, общак, опустить, опущенный, отморозенный, отпад, отстегнуть, оттянуться, падаль, пацаны, парить мозги, перетираться, понятия, понт, пораскинуть мозгами, порожняк, прессовать, прикид, приколы, пробить, разборка, разводиться, расколется, свалить, сечь, смотрящий, стрелка, стукануть, тема, тёмный, фуфло, халява, ходить под кем-то, шоколад, шугаться, шухер.*

книги-детективы и лагерная литература, блатной шансон (Аркадий Северный, Владимир Высоцкий, Михаил Шуфутинский, Михаил Круг, «Лесоповал»). Тема преступного мира увязывалась с темой критики советского режима, политических и социальных репрессий в СССР в виде образа «России-зоны». Криминальная культура подавалась в масскультурной продукции как якобы альтернативная власти народная культура (пролетарская или люмпен-пролетарская). Однако на практике представители малого народа сознательно внедряли ее в качестве прививок антисистемы к большому культурному комплексу русского народа. Это не прекращается до сих пор — ежедневно на телеканалах крутятся не менее десятка детективов, чаще всего тем или иным образом рекламирующих преступную среду, сросшуюся с бизнесом. На рынке продаются сотни книг про воров. В галерее «Риджина» на Винзаводе проходила выставка тюремной эстетики в стиле блатных татуировок — автовизуализации «блатем» в картинках, осуществляемой изнутри блатного мира по его законам и правилам.

АНТИМЕМЫ РУССКИХ ЛИТЕРАТОРОВ И ТРАДИЦИЯ МЕМНОГО «САМОЕДСТВА»

Традиция мемической войны против социальной и государственной системы России со стороны оппозиционной за-

паднической интеллигенции началась ещё до революции 1917 года в рамках «критического реализма» и «прогрессивной» публицистики. К сожалению, её не избежали писатели, считающиеся золотым багажом Русской цивилизации. Благонамеренные произведения вдруг превращались в источники антимемов благодаря влиянию на их творцов антисистемной западной философии. Это выдало своего рода индульгенцию последующим самым разным поколениям «критиков», сделав русское «самоедство», а иногда даже просто ритуальное русофобское людоедство допустимым и позволяло врагам мимикрировать под традиции великой русской культуры. Без этого сложно понять вал мемной русофобии в последние десятилетия и, увы, до сих пор слабый отпор этому со стороны общества.

Со второй половины XX века непосредственной ударной политико-идеологической силой и классическим багажом антимемов малого народа являются мемы диссидентов, антисоветчиков, русофобов, реформаторов-либералов. Нужно признать, что к этому приложили руку не только рядовые наймиты западных спецслужб, но и такие мыслители, как Иван Солоневич, Александр Солженицын, Александр Зиновьев. Хорошо известны такие поистине роковые для последующего разгрома СССР мемы — образы России Солженицына как «Архипелаг ГУЛАГ», «60 миллионов

репрессированных Сталиным», «Красное колесо». «Архипелаг ГУЛАГ» и другие произведения — по сути, собрание мемов в виде слухов и небылиц. Не менее разрушительны были мемы — образы человека и общества, созданные Зиновьевым: «Гомо советикус» — прообраз «совка» и «гомососа», «Зияющие высоты», «Жёлтый дом». Внутри СССР к созданию антимемов по соцзаказу формирующейся внутри номенклатуры антисистемы приложили руку деятели культуры времён перестройки, например: Анатолий Рыбаков («Дети Арбата»), режиссёр Тенгиз Абуладзе («Покаяние»), даже и некоторые из писателей-деревенщиков. Кто-то из них потом осудил развал советской системы, но антимемы-то остались и продолжают работать.

КРИВОЕ ЗЕРКАЛО МЕМЕТИКИ ЮМОРИСТОВ И КАРИКАТУРИСТОВ

Монологи или фрагменты монологов юмористов, многократно повторяемые и транслируемые в СМИ, стали своего рода вездесущими политическими и мировоззренческими мемами 1990–2010-х годов. Основной упор был сделан на высмеивание черт русской нации на контрасте с другими, в основном с западными. К числу производителей антинародных мемов относится часть юмористов, работавших в антисистемной парадигме: Геннадий Хазанов (монологи «Евреи», «Урок истории»), Михаил Задорнов («Ну, тупые!», «Только в этой стране возможно такое»), Евгений Петросян (патриотический фельетон «Загадочная русская душа»), Владимир Винокур («Мат — второй русский язык»). Они в разной степени занимались поражением своих слушателей антимемами, нацеленными как на их культурное «я», так и на государственную систему. Смысл схемы юмористов — соучастие в саморазрушении, принятие народом мемов, направленных против него, коллективное «проглатывание» их вместе со смехом в толпе. Отравленная начинка в сладкой оболочке веселья.

Наиболее последовательным в создании сатиры на русских является Михаил Жванецкий. Яркий образчик — моно-

лог Жванецкого «Крик души» (настоящий крик души русофоба из малого народа!) — это трансформационный приказ по смене русской идентичности на ущербное подражание Западу, обрушиваемый на слушателей концертов в виде шоковой терапии. «Мы непохожи на всех. Мы агрессивны. Мы раздражительны... Мы все еще пахнем потом, хотя уже ничего не производим. Нас легко узнать: мы меняемся от алкоголя в худшую сторону (*эта фраза стала отдельным мемом!* — С. Б.). Хвастливы, агрессивны и неприлично крикливы. Кажется, что мы под одеждой плохо вымыты, что принимать каждый день душ мы не можем. Нас раздражает чужая чистота. Мы можем харкнуть на чистый тротуар... Мы, конечно, не изменимся, но хотя бы осознаем... Наш диагноз — мы пока нецивилизованны. У нас очень низкий процент попадания в унитаз, в плевательницу, в урну. Язык, которым мы говорим, груб. Мы переводим с мата. Мы хорошо понимаем и любим силу, от этого покоряемся диктатуре и криминалу. И в тюрьме, и в жизни». Здесь полный набор недочеловека, который только можно придумать: и криминал, и психопатия, и грязь, и агрессивность, и бескультурие.

В 1990-е годы сложилась активно сотрудничавшая со СМИ прослойка карикатуристов и поэтов-сатириков, профессионально специализирующихся на антирусских и антисоветских мемах, дискредитирующих сам тип человека: Игорь Иртенев («правдоруб» и «мозговед»), Андрей Бильжо («Петрович»), Виктор Шендерович, художники Николай Копейкин, Алексей Куделин («Вася Ложкин»), изображающие «совков», «ватников», «алкашей», садистов. Мемы литераторов, юмористов, карикатуристов оказали большее воздействие на массовое сознание и подготовили дорогу для таких разрушителей менталитета, как Новодворская, Чубайс, Кох, Гайдар.

АНТИМЕМЫ РЕФОРМАТОРОВ-РУСОФОБОВ

Большое количество антимемов, направленных на слом советской системы и воли русских к сопротивлению, было брошено после победы пятой колонны

её политическими лидерами и идеологами. Известны высказывания Егора Гайдара «Кризис лечит. А кто не лечится, тот погибает», «Россия как государство русских не имеет исторической перспективы». Анатолий Чубайс известен как автор мема «либеральная империя» в конце 90-х. Но что значит эта империя? Это, согласно ему, не государство русских. Ненависть к русским Чубайс излил на крупнейшую фигуру русской культуры и русского духа Достоевского: «Я перечитал всего Достоевского, и теперь к этому человеку не чувствую ничего, кроме физической ненависти. Когда я вижу в его книгах мысли, что русский народ — народ особый, богоизбранный, мне хочется порвать его на куски».

Известнейший мем «России мешают русские...» принадлежит экономисту Юргенсу. Почему? «Основная масса наших соотечественников живёт в прошлом веке и развиваться не хочет... Русские еще очень архаичны. В российском менталитете общность выше, чем личность», — разъясняет либеральный экономист. Мем направлен против личности русского человека, её соборности и традиционности.

В интернете бродит много подборок из более чем 40 мемов Валерии Новодворской, которые можно назвать настоящей выгребной ямой антимемов малого народа. Наиболее известные мемы Новодворской: «Русская нация — раковая опухоль человечества!», «Русскому народу место у тюремной парашки...». Новодворская называла русских «петухами» — низшей кастой тюрьмы. С блатными мемами у Новодворской увязана тема концлагеря как истории России, мемы: «красно-коричневые», «чекисты», «ГУЛАГ», «большой террор», — автором которых она не являлась, но весьма активно их распространяла. Новодворская запустила мемы о невменяемости русских, например, антимем к «загадочной русской душе», «русская душа — маниакально-депрессивный психоз», на основе которых в интернете появилась целая линейка русофобских мемов-картинок о невменяемости русских. Новодворская озвучивает основной идеологический трюк — замену малым народом большого русского народа: «Россия — это мы.

Русские не сдаются, в отличие от поднимающих лапки совков». В то же время Новодворская указывает на вялость, аморфность большого русского народа: «Шестая часть суши была заселена беспозвоночной протоплазмой» (сильный и желчный мем — несмотря на его очевидную абсурдность!).

Альфред Кох занимает, пожалуй, второе место после Новодворской по изобретательности русофобии. Чрезвычайно интересны его суждения: «Народ не адекватен своим интересам. Народ, который взахлеб любил Сталина, не может быть признан адекватным»; «Россия никому не нужна»; тезис о «финансовой несостоятельности русских»; об их «неспособности покупать». Ю. Гусаков, бывший идеолог «Единой России», основатель официозного телеканала russia.ru, увязывает русофобию с ограничениями избирательных прав: «Страну населяет звероподобный сброд, которому просто нельзя давать возможность свободно выбирать. Этот сброд должен мычать в стойле, а не ломиться грязными копытами в мой уютный кондиционированный офис. Для этого и придуманы «Наши», «Молодогварейцы» и прочий быдлоюгенд».

Артемий Троицкий, музыкальный критик, бывший главный редактор журнала «Плейбой», сделал мишенью своего известного мема русских мужчин: «Я считаю русских мужчин в массе своей животными. Существами даже не второго, а третьего сорта». Светоч культуры малого народа, режиссёр Алексей Герман говорит о России в духе блатняка: «Мы изнасилованная страна, мы — опущенная страна». Разработчик глобальной электронной империи «Гугл» Сергей Брин так определил свою бывшую родину: «Россия — это Нигерия в снегу». Валерий Панюшкин, телеведущий оппозиционного канала «Дождь», в известном меме хочет избавить мир от русских и русских от самих себя: «Всем на свете было бы легче, если бы русская нация прекратилась. Самим русским стало бы легче, если бы завтра не надо было больше складывать собою национальное государство».

Зачем они это делают, понимая, что их антирусские мемы вызовут не-

ненависть у абсолютного большинства? Никто из них пока не ответил за свои мемы, открыто разжигающие ненависть к русским. Это своего рода символический акт прямого действия: символическое уничтожение, своеобразная подсказка для пробивания «дна» в самооценке народа. Впрочем, своими высказываниями их авторы ставят себя вне большого народа, делая самоочевидным враждебность и чужеродность по отношению к нему «малого народа», к которому они принадлежат.

КРЕАТИВНЫЙ КЛАСС КАК МЕМ И ПРОИЗВОДИТЕЛЬ АНТИМЕМОВ ДЛЯ БОЛОТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

После того как в начале 2000-х годов малый народ оказался в полной психологической изоляции, для нужд антисистемы в России нужен был класс-мем и рассадник мемов в обществе, который заменил бы русскую интеллигенцию и стал базой антисистемы. Идеолог малого народа Глеб Павловский так определил его: «Креативный класс — коммуникативно активная часть общества. Это его принципиальное отличие. Коммуникация — важнейший и главный способ публичного проявления его представителей». Член креативного класса для доказательства своей креативности просто обязан производить и по меньшей мере активно распространять мемы, фактически являясь машиной для их производства и потребления. Мем «унылое говно» из субкультуры креативного класса определяется в первую очередь как: 1) не производящий оригинального контента, 2) не создающий мемы. То есть если человек не любит мемы, то уже является унылым говном. Впрочем, в помощь изготовителям мемов сегодня существуют сайты с готовыми шаблонами для создания мемов-картинок, превращая «креатив» в рутину.

Креативный класс складывался как носитель нового циничного языка мемов. К началу 2000-х годов в рядах малого народа появились новые суб-

культуры типа антисистемного «языка падонков». Первоначально «падонки» оформились во второй половине 1990-х годов как субкультурная группа, занимающаяся порчей русского языка через вброс через Живой Журнал и сайты мемов, представляющих собой орфографически неправильные фразы: «превед Медвед», «ащки», «афтар», «олбанский язык», «Бабруйск» и другие. Часть «падонков» включилась в более широкий и политически заостренный проект создания антисистемной энциклопедии «Луркмор» (Дмитрий Хомак и другие), считающейся «главным мехохранилищем» России, насчитывавшим к 2014 году шесть с половиной тысяч мемов. «Луркоморье» характеризуют такие антимемы: «Православие головного мозга», «Рашка», «политота», «ТП», «Медвед», «поцреот», «поцреатизм» и т. д. «Язык падонков» с порчей орфографии и фонетики явился провозвестником или форсайт-проектом сетевой культуры сверхновых русских из рядов молодёжи. К сегодняшнему дню он в основном выполнил свою роль. «А для сегодняшних школьников Lurkmor слишком тяжеловесный: старомодный язык, мало визуальной информации. Это фольклор их старших братьев», — сказал Хомак в интервью⁵.

Другим направлением производства антимемов стала медийная блог-культура, популяризирующая моду на самостоятельную публикацию мемных текстов и картинок в соцсетях. Ныне покойный оппозиционный журналист и блогер Антон Носик считается своими последователями (например, известным провластным журналистом М. Кононенко) корифеем российской блогерской культуры ЖЖ, одной из базовых для антисистемных групп 2000 г. Носик выступал одним из мостиков от поколения русофобов-демократов к новым интернет-культурам и оппозиции Навального. Главный мотив — антитрадиционализм, антисоциализм и антинародность. «Традиция — отрицание традиции. Все то, что можно объявить традицией, является отрицанием

традиции более ранней», — писал Носик. Другой его мем: «Работает не только то, что хорошо, но и то, что нравится быдлу. И чем дальше в лес — тем больше быдла».

Важным моментом стала изоляция креаклов от информационных потоков государственной системы. Для этого запущен мем «зомбоящик» — о контролируемом государством телевидении, которое объявляется врагом креаклов и сверхновой молодёжи, доверяющих только контролируемому антисистемой интернету. Большое значение креативному классу как производителю антимемов уделила Ксения Собчак, обыгрывавшая мемы: «хипстер», «фишка», «гаджет», «креатив», «кровавый режим» в связи с попыткой болотного переворота в 2011–2012 годах. «Герой 2010 года — это молодой хипстер... Человек нового поколения несуперамбициозен, ему не нужно много зарабатывать. А если он зарабатывает, то это что-то, связанное с интернетом, как у мальчика из «Социальной сети». Это не деньги, нажитые тяжелым трудом, корпоративами, съемками, нефтяными компаниями, потом и кровью. Это деньги, заработанные креативом: ты придумал некую фишку, тут подкрутил, там подмутил, и она сработала... На антиправительственных мотивах сейчас очень легко сделать себе карьеру, чем, собственно, люди и занимаются. Это вообще тенденция: сказал «кровавый режим» или «свобода слова» — и ты уже герой».

Юлия Латынина так противопоставила большой народ (собираемый «Антимайдан») креативному классу во время массовых выступлений Болота зимой 2012 года: «Анчоусы» и «люди». «Было 2 митинга, свободных людей и анчоусов. И должна сказать, что стратегия Кремля победила — анчоусов было больше. Анчоусов в России оказалось больше, чем свободных людей». Но согласно Аузану произошло превращение тех, кого называли мемом «офисных хомячков»: «Хомяк расправил плечи».

На основе мемных технологий нового сетевого поколения развивался проект национал-демократии, который был запущен через «современного Азефа»

⁵ <http://www.encyclopedia.ru/news/enc/detail/52724/>

Станислава Белковского. Через данный проект внедрялись антимаемы против имперской государственности с целью поворота национализма в русло малого народа и перевода русского национального сознания в антисистемную плоскость: «Хватит кормить Кавказ», «Москвабад», «россиянство» (антирусская элита), «Кондопогу — в каждый дом» (русский националистический бунт), мем-идеологема об отсутствии русской нации, создать которую и была призвана неокрепшая национал-демократия. В какой-то момент, на грани 2009/2010 годов им даже удалось временно перехватить инициативу в «русской теме» у старых национал-патриотов. Ряд лидеров нацдемов стояли в начале 2012 года на трибуне Болотной площади рядом с Навальным, Немцовым и русофобами.

УКРАИНСКИЕ РУСОФОБСКИЕ АНТИМЕМЫ ЭПОХИ «ЕВРОМАЙДАНА»

Проект создания националистической Украины стал крупнейшим поставщиком русофобских мемов в Русский мир. Опаснейшей частью украинской языковой игры, оголяющей её антисистемную сущность, являются языковые и псевдоисторические трюки с вытеснением этнонима «русский» и названия Руси-России с территории Украины. В неофициальном пренебрежительном контексте в виде этнонима русских используются ядра антимаем «москаль» и «кацап», ставшие основой конструкций украинского «языка вражды», анекдотов, стереотипов с бесчисленным количеством мерзких картинок (вроде: Россия — «Кацапстан»). В 2014 году «москаль» дополнился антимаемами, направленными против сторонников Русского мира на Украине, которых предусмотрительно лишили этнонима, обозначив презрительными кличками: «ватник», «вата» и «колорад».

Традиционные украинские русофобские мемы-картинки в 2014 году стали дополняться музыкальными видеомемами. В 2014 году известность приобрёл идентификационный мем в форме стихотворения молодой поэтессы Анастасии Дмитрук «Никогда

мы не станем братьями!» (3 млн просмотров, а музыкальный литовский мем на эти слова — целых 10 млн просмотров). В ответ русскими было создано ядро иронических мемов «небратья», маркирующее таким образом политических украинцев.

В видеомеме «Бандера» Сергей Файфура играет хрестоматийного «ватника», грубого, неопрятного, агрессивного и тупого бойца ЛДНР в ватнике и ушанке, обращающегося к украинцам «Бандера!» (более 2 млн просмотров). В украинском пространстве обкатываются многие новые медийные технологии, направленные и против Русского мира, и против европейского типа человека в целом. Таким с полным правом может считаться феминистский акционистский проект «Фемен», работающий с голым женским телом, украинской и антихристианской символикой. «Фемен» действует с 2008 года, как и группа «Война» в России, что наводит на предположение об их связанности друг с другом. Продукт акций «Фемен» — антимаемы разной направленности, в которых почти всегда присутствует проукраинский аспект (цветочные венки, цвета украинского флага) и обя-

зательно — телесная распущенность. По своему прообразу «Фемен» — это беснующиеся вакханки-мимеллонки дионисийских мистерий. Наиболее знаковой акцией был публичный спил бензопилой креста в память сталинских репрессией в центре Киева, который проведён в поддержку «Пусси Райот» 17 августа 2012 года, в день объявления приговора суда по их делу в Москве. Крест был установлен греко-католиками и включал Распятие, однако это «Фемен» не остановило. Акции против Путина проводились «Фемен» неоднократно.

Жертвами мемов адептов украинской антисистемы ставятся инакомыслящие внутри Украины, рискнувшие защищать свою идентичность. Сторонники Русского мира также называются «рашистами», «русо фашисто» (вариант либерального мема «русский фашизм»), «сепарами» (сепаратистами) и «террами» (террористами); дончане — «лугандонами», ранее просто «донами», сторонники Партии регионов — «рыгами». Крупнейшим производителем политических мемов выступало телешоу «95 квартал» во главе с Владимиром Зеленским, регулярно накачивавшее Украину антирусскими

мемами, подаваемыми в виде сатирических сценок⁶.

После восстановления русской государственности в Крыму и в Донбассе пятая колонна малого народа внутри Российской Федерации запустила «мем покаяния»: сквозную тему малого народа и русофобов разных времён, направленную на создание парализующего волю комплекса вины у русского народа и его лидеров. В поддержку Майдана выступили «рукопожатные» представители российской артистической тусовки, по сути, расколов её: Макаревич, Басилашвили, Серебряков, Джигурда, Шевчук.

«СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО» КАК ОРУЖИЕ В ВОЙНЕ МЕМОВ

В современном искусстве с 1970-х годов более углублённым аналогом карикатурных мемов стали картины-мемы художников соц-арта и концептуалистов, специализирующихся на извращении социалистической символики и ключевых концептов советской системы: В. Комар, А. Меламид, Г. Брускин, Д. Пригов, Д. Врубель и другие. С 1990-х они пошли в массовый тираж.

Ведущую роль в создании массового, четвёртого поколения городского малого народа сетевой молодёжи 2010-х годов играют мемы художественно-перформа-

тивного типа. В отличие от старых анти-мемов соц-арта, мемы современного искусства сопряжены с визуализацией действиями, показом, как надо делать, и театрализованными шоу. Далеко вышедшее за рамки модернистского и даже авангардного искусства, «современное искусство» уже не может быть названо собственно искусством. Акционизм как форму современного искусства можно с полным основанием считать отраслью по производству визуальных антимемов в форме фото- и видеопро-дукции для массового тиражирования. Акции «современного искусства», направленные против русского человека и ценностей нашей цивилизации, носят ярко выраженный ритуальный характер. Напомню, что ритуальное уничтожение смысла, его завершение, «слив» — один из смыслов знака «мем».

Галереи, театры, артцентры и построенная на мемах индустрия «современного искусства» наряду с несистемной и системной оппозицией составляют ещё один отряд малого народа в России. Они широко развёрнуты в Москве и даже в ряде регионов с начала 2010-х годов при поддержке государства, проглотившего эту ядовитую идею. Интересно высказывание Ксении Собчак об исключительном значении картинных галерей: «...Россия стала

страной генетического отребья. Я бы вообще запретила эту страну. Единственная здесь для меня отдушина — это картинные галереи. И цирк».

Наиболее ядовитые эксперименты по художественной визуализации анти-мемов с их массовым распространением были начаты Маратом Гельманом в 1990-х. Акционистская практика была опробована в виде нескольких пилотных мемов: коллективного разрезания живой свиньи с надписью «Россия» на спине (мем «свинья-Россия») в галерее «Риджина» (1992), с последующей раздачей кусков участникам ритуала; акции Тер-Оганьяна, рубившего топором православные иконы, в том числе Христа Спасителя в московском Манеже (1998). Был запущен и менее известный мем — живая обезьяна с медалями, изображавшая ветерана ВОВ. Речь идёт не об единичных акциях, а о целой цепочке, своего рода антисистемной «программы».

В 2007 году на арену мемной борьбы вышла группа «Война» во главе с Олегом Воротниковым, Натальей Сокол (псевдоним «Коза» — NB), а также с более известными затем по «Пусси Райот» Петром Верзиловым и Надеждой Толоконниковой. Само название группы является программным ядерным мемом и нацеливает на разжигание войны смыслов как части перманентной гражданской

⁶ Надо сказать, что крымское и донбасское сопротивление киевской «войне мемов» быстро дало очень убедительные результаты, что объясняется «горячей фазой» этой информационной войны. Примеров антимайданных мемов можно привести очень много. Из удачных: **Боевой гопак** — изначально с 1990-х годов негативный мем про миф о якобы существовавшем украинском национальном единоборстве. (Любопытно, что с 2014 года используется на полном серьёзе как название вида спорта — начал внедряться в реальность! Проводятся даже соревнования по боевому гопаку. Наряду с «жидобандерой» — интересный пример отбеливания и вживания негативного мема в реальность.) **Щенвермерлики** — сторонники украинского национализма любой ценой; мем на тему важнейшего символа украинства — жертвенности. **Бандерштадт** — название Львова, изначально негативный мем, которому отдельные местные журналисты попытались предать позитивный смысл. **Могилизация** — мобилизация украинских резервистов на войну с ЛДНР в 2014–2015 гг., антивоенный мем.

войны против русского народа и государства. Первым актом войны в начале 2008 года стал мем «Е...сь за наследника Медвежонка!» в Биологическом (продолжение темы «человека-собаки» Олега Кулика!) музее МГУ. Мем создан в ходе перформанса — ритуальной оргии с записываемыми на видео совоккуплениями.

Ряд акций «Войны» в тот период были направлены против правоохранительных органов с целью их дискредитации, деморализации и паралича по классической схеме учебника «оранжевых» революций: «Унижение мента в его доме» (2008); «Штурм Белого дома» — Правительства РФ во главе с В.В. Путиным (2008); «Лобзай мусора» — поцелуй милиционеров в метро (2011); акция «Х.. в ПЛЕНУ у ФСБ» (2010) — половой член, нарисованный на разводном Литейном мосту в Петербурге и якобы показанный местным спецслужбистам в здании напротив.

Продолжением проекта «Война» стала кощунственная акция «Богородица, Путина прогони!» в марте 2012 года в храме Христа Спасителя, которая состоялась в самый разгар массовых выступлений оппозиции на Болотной площади. Следует отметить, что прямым продуктом и целью было богохульство — кощунственный квазимзыкальный мем в главном православном храме России. Он представляет антиобряд, характерный для антихристианских тайных обществ — высмеивание настоящей православной литургии. **Антиобряд совершался группой из шести молодых женщин, называющих себя коллективной «бешеной вагиной», что восходит к исходному древнему понятию знака «мем» и матриархальному культу. К этому вареву тёмной хтонической символики было кощунственно прикреплено имя Богородицы — покровительницы России.** Протест против Путина являлся лишь прикрытием и механизмом привлечения внимания СМИ. Одним из важнейших словесных мемов стало вовсе не странное название акции, а ещё один кощунственный словесный мем — «срань, срань, срань Господня» (повторено дважды), — представляющий собой ритуальный выпад против христианства.

Ведущую роль в создании массового, четвёртого поколения городского малого народа сетевой молодёжи 2010-х годов играют мемы художественно-перформативного типа. В отличие от старых антимемов соц-арта, мемы современного искусства сопряжены с визуализацией действиями, показом, как надо делать, и театрализованными шоу. Далекое вышедшее за рамки модернистского и даже авангардного искусства, «современное искусство» уже не может быть названо собственно искусством. Это отрасль по производству визуальных антимемов в форме фото- и видеопродукции для массового тиражирования. Акции «современного искусства», направленные против русского человека и ценностей нашей цивилизации, носят ярко выраженный ритуальный характер.

Разрушительную работу концептуальных русофобских антимемов современного искусства дополняют видеомемы массового потребления — **культурный фастфуд** немедленных развлечений для живущего в Сети молодого поколения. Как особый жанр видеомемы уже потеснили стандартный музыкальный видеоклип. Среди видеомемов очевидно преобладание антисистемных мемов, эксплуатирующих худшие качества и слабости подростков и молодёжи, такие как инфантилизм, эгоизм, потребительство, интернет-зависимость, сексуальная распушенность. В результате мемы становятся механизмом «перемалывания» молодёжи в оторванную от почвы большого народа антропологическую массу. Сверхновые русские подростки воспринимают мир как мир мемов.

ВСЕ НА МЕМНЫЙ ФРОНТ!

Приведённые выше мемы, их источники и производители — лишь малая часть поистине гигантского потока, затапливающего наше информационное пространство. На примерах мы увидели, что логика войны мемов регулярно повторяется. Она сводится: а) к лишению русского человека

ещё с подросткового возраста воли и разума; б) созданию привычки к бездумному циничному смеху; в) пробуждению извращённых в психическом, сексуальном и нравственном планах установок; г) превращению подростка в машину мемов, заменяющих ему личность, историю и национальное самосознание.

Что делать в этой ситуации?

1. Заблокировать структуры, производящие антисистемные мемы и их информационные потоки-тренды. (Если бы это было возможно!..)

2. Показать истинную разрушающую работу этих структур, их изнанку.

3. Создать антимемы про изнанку их неприглядной деятельности. В том числе и через акционизм — акции прямого действия.

4. Производить мемы, пробуждающие волю и национальное сознание русских, и тем самым преодолеть саму идею древнего оккультно-эзотерического мема (тринадцатого знака), подчиняющего и разрушающего личность.

5. Каждый россиянин должен вести свою маленькую войну мемов против антисистемы и её агентов, защищая своё государство и большой народ и не допуская поддержки антисистемных мемов. Нужна мемная мобилизация.

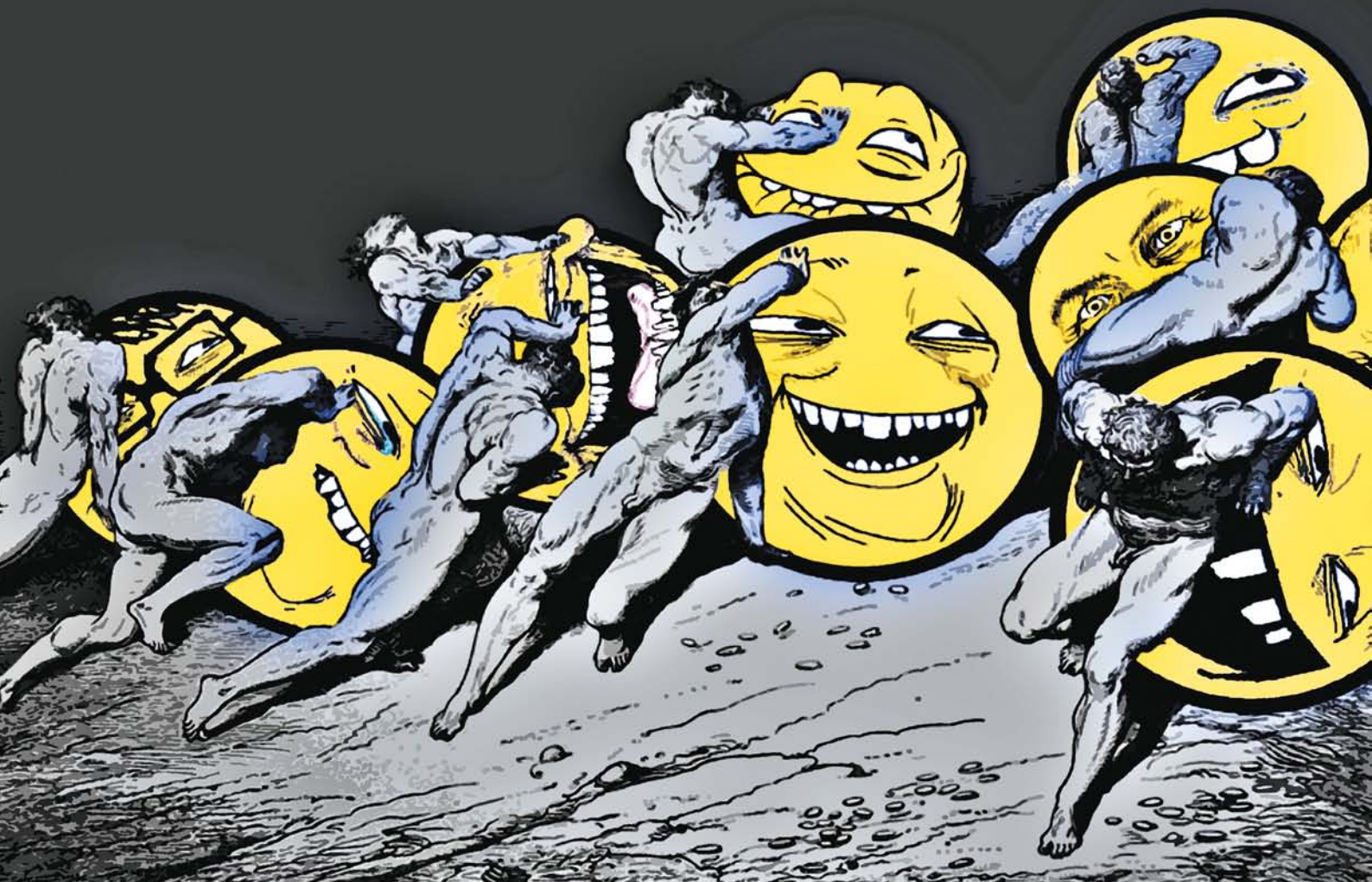
/ Валерий КОРОВИН /

Россия и Запад В МЕМЕТИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ

Открывая новую страницу противостояния России и Запада, следует оттолкнуться от уже не раз подтверждённого тезиса о том, что сетевые технологии на сегодняшний день стали реальным оружием, с помощью которого западные, в том числе американские, военные реализуют операции уста-

новления стратегического контроля над отдельными территориями и государствами. Для многих, и Россия здесь не исключение, это стало реальной проблемой. И именно военными ведомствами западных стран в прикладном аспекте активно используется такая новейшая сетевая технология, как *меметическое оружие*,

с помощью которой на наших глазах реализуются стратегии перехвата власти и установления политического контроля над государствами и целыми регионами планеты. Драматическая турбулентность целых цивилизаций разворачивается на наших глазах в драму с участием многих народов и государств, а ве-

душие мировые лидеры лишь разводят руками — у них нет ответов на те сетевые вызовы, с которыми столкнулся мир. С одной из таких технологий, с помощью которых Запад с его цивилизационными подходами пытается переформатировать мир, стремясь поставить его под свой контроль, пора разобраться более обстоятельно.

КОРОТКО О МЕМАХ

Меметическое оружие и ведущиеся с его помощью *меметические войны* — являются частным случаем новейшей сетевой технологии — memetic warfare — и представляют собой разновидность операций, относящихся к сфере *сетевых войн*, явления более широкого и уже ставшего обыденностью¹. Сами сетевые войны давно и успешно используются американским военным ведомством на евразийском пространстве, в том числе в странах бывшего социалистического лагеря, а также в арабском мире (серия цветных сетевых революций), а следовательно, представляют для нас прямую угрозу. Но меметическая война — это то, что является новейшим технологическим подходом к военным операциям даже для западных стратегов.

В основе данной технологии лежит концепция *мемов*, изначально предложенная американским учёным Ричардом Докинзом, основателем меметики (memetics), создавшим в итоге целую науку о мемах (memes). Ричард Докинз (Richard Dawkins) — американский психолог, этолог, позитивист

и борец с религиями ввёл в лексикон термин «мем» ещё в 1976 году, открыв в дальнейшем целое научное направление — «меметика». Занимаясь генетикой, Докинз решил сопоставить структуру репликации человеческих генов и культурную среду, в которой *единица культурной информации* распространяется по аналогии с генами: «Новый бульон — это бульон человеческой культуры. Нам необходимо имя для нового репликатора, существительное, которое отражало бы идею о единице передачи культурного наследия или о единице имитации. От подходящего греческого корня получается слово «мимом» (в оригинале mimeme²), но мне хочется, чтобы слово было односложным, как и «ген». Я надеюсь, что мои полувившие классическое образование друзья простят мне, если я сокращу «мимом» (mimeme)³ до слова «мим» (meme)⁴.

Слово memes, которое некоторые транскрибируют по-русски как «мемы», прочно вошло в оборот, как, впрочем, и транскрипция «мимы», которая также вошла в тематическую литературу, так как в основе понятия лежит греческое «мимос» — «подражание»⁵ (англ. — memes). Отсюда memetics⁶ — имитация, представление, сходство, создание подобия, иллюзия, стремление к тому, чтобы быть чем-то ещё. Соответственно, memetics как наука занимается исследованием мемов — термин, наиболее часто используемый для обозначения культурных идей, а также имитационных целей. Таким образом, мем — в меметике —

единица культурной информации, распространяемая от одного человека к другому посредством имитации, научения, подражания и так далее. Сам Докинз так описывал это явление: «Примерами мемов служат мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки хлеба или сооружения арок. Точно так же, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, мемы (memes) распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией (imitation). Если учёный услышал или прочитал об интересной идее, он сообщает о ней своим коллегам и студентам. Он упоминает о ней в своих статьях и лекциях. Если идея подхватывается, то говорят, что она распространяется, передаваясь от одного мозга другому»⁷.

Докинз установил, что большинству — массам людей — хочется быть к чему-то причастными и иметь возможность подхватывать и распространять мысли, идеи, всё то, что Докинз определяет понятием *репликатор, единица культурной информации*. Распространение мема, его живучесть и вирусное распространение, собственно, и является главным показателем его качества. Сильный мем живёт и размножается, заражая всё большее количество людей, слабый мем умирает, не выживая в среде избыточной информации, как умирает слабый ген в агрессивной среде человеческого мира.

¹ Подробнее см.: Сетевые войны (доклад Изборскому клубу) // Изборский клуб, № 10, 2013; Коровин В.М. Третья мировая сетевая война // СПб: Питер, 2014.

² Dawkins R. The Selfish Gene // Oxford University Press, 1976. (pp. 172).

³ От греческого слова μιμίμα — «подобие».

⁴ Докинз Р. Эгоистичный ген // М.: Мир, 1993.

⁵ От др.-греч. μιμός — «подражание».

⁶ Хотя то же самое явление иногда определяется и как mimetics, т.е. в англоязычной литературе встречается как одно (memetics), так и другое (mimetics) написание. Таким же образом складываются и производные, например понятие Memetic Warfare так же распространено, как и Mimetic Warfare.

⁷ Докинз Р. Эгоистичный ген // М.: Мир, 1993.

«ВОЙНА ИДЕЙ» СЕТЕВОГО МИРА

Но прежде чем мем начинает жить своей жизнью, он должен быть рождён. Источником же порождения мема является среда Идей. Греческая философия определяет Идею как то, что человек видит *внутренним зрением*. Собственно, по-гречески Идея — это видимое, но видимое не глазами. В Традиции Идея — это и есть Бытие, которое поддается лишь внутреннему зрению, а не продукт создания человеческого разума. Человеческий разум — это инструмент для созерцания Идей. Идея первична по отношению к человеку, который её созерцает и передаёт другим (хотя в современном русском языке есть и понятие *идея*, понимаемое как порождение человеческого разума и обозначаемое созвучным словом). Таким образом, в традиционном представлении Идея — это и есть Бытие.

Модерн вынес Бога «за скобки», осуществив тем самым десакрализацию Идеи, спустился на уровень материи, открыв тем самым эпоху идеологий — некоего материалистического переосмысления Идей, их подгонки под очищенную от Традиции реальность современного (Modern) мира. Но, как и в парадигме Традиции, на отрицании которой и возник Модерн, новая, современная парадигма также выстраивалась на идеалистических основах, но только не на основах Идей Традиции, а на базе идеологий Модерна.

Два с лишним столетия Модерна породили три политических теории — *либерализм*, *марксизм* и *фашизм*, которые и стали источников всех смыслов, начиная со сферы политики и заканчивая культурой и искусством. Собственно, весь период Модерна, вплоть до начала перехода в парадигму Постмодерна,

был крайне идеологичен. Можно сказать, что весь этот период, особенно драматическое во всех смыслах XX столетие, стал временем, которое некоторые философы окрестили периодом *войны идей*⁸. Таковыми в индустриальную эпоху и стали идеологии либерализма, марксизма и фашизма, которые вступили в непримиримую схватку не на жизнь, а на смерть. Что стало не только причиной самой кровопролитной войны за историю человечества, но и породило масштабные культурные слои, на своём уровне противостоявшие друг другу и претендующие на глобальное доминирование.

Собственно, именно в XX веке, когда либерализм и марксизм расправились с фашизмом и в мире установился глобальный ядерный паритет, поместивший человечество в состояние временного равновесия, и возникла идея о поисках новых форм противодействия, за пределами среды обычных на тот момент ядерных средств воздействия на противника. Именно тогда и начала развиваться меметика, пиком практической реализации которой, впрочем, стал уже период Постмодерна, плавно вступающий в свои права. Однако неизменным осталось главное — именно Идея в Традиции, идеология в Модерне и пришедшая им на смену идеология в Постмодерне — являются источниками возникновения мемов — этих единиц культурной передачи или подражания, как их определял Ричард Докинз. А нынешняя война переместилась из среды индустриальной — среды пропаганды и грубого информационного воздействия в интересах идеологии — в среду более тонкого уровня — среду сетевую. В ней мягкая сила культурного контекста, искусства (в ткань которого оборачиваются нынешние военные стратегии) стала новой средой ведения боевых

действий за права окончить историю «на своём аккорде».

Сегодня мягкая среда *распылённого зрелища*⁹ наносит удары по альтернативным однополярной идеологии постлиберализма цивилизациям. Война переместилась в сферу сетей, взяв на вооружение культуру и искусство¹⁰. Удары по противнику наносятся уже не копьями и мечами, как в доиндустриальную эпоху, не танками и артиллерией, как в эпоху индустриальную, и тем более не баллистическими ракетами с ядерными боезарядами, но кажущимися на первый взгляд более безобидными мемами. Однако это по-прежнему, как во времена традиционного общества, так и во времена индустриального Модерна, — именно война. Война Идей, цена победы в которой не только конец истории, но и наслаждение от созерцания «своего» конца мира.

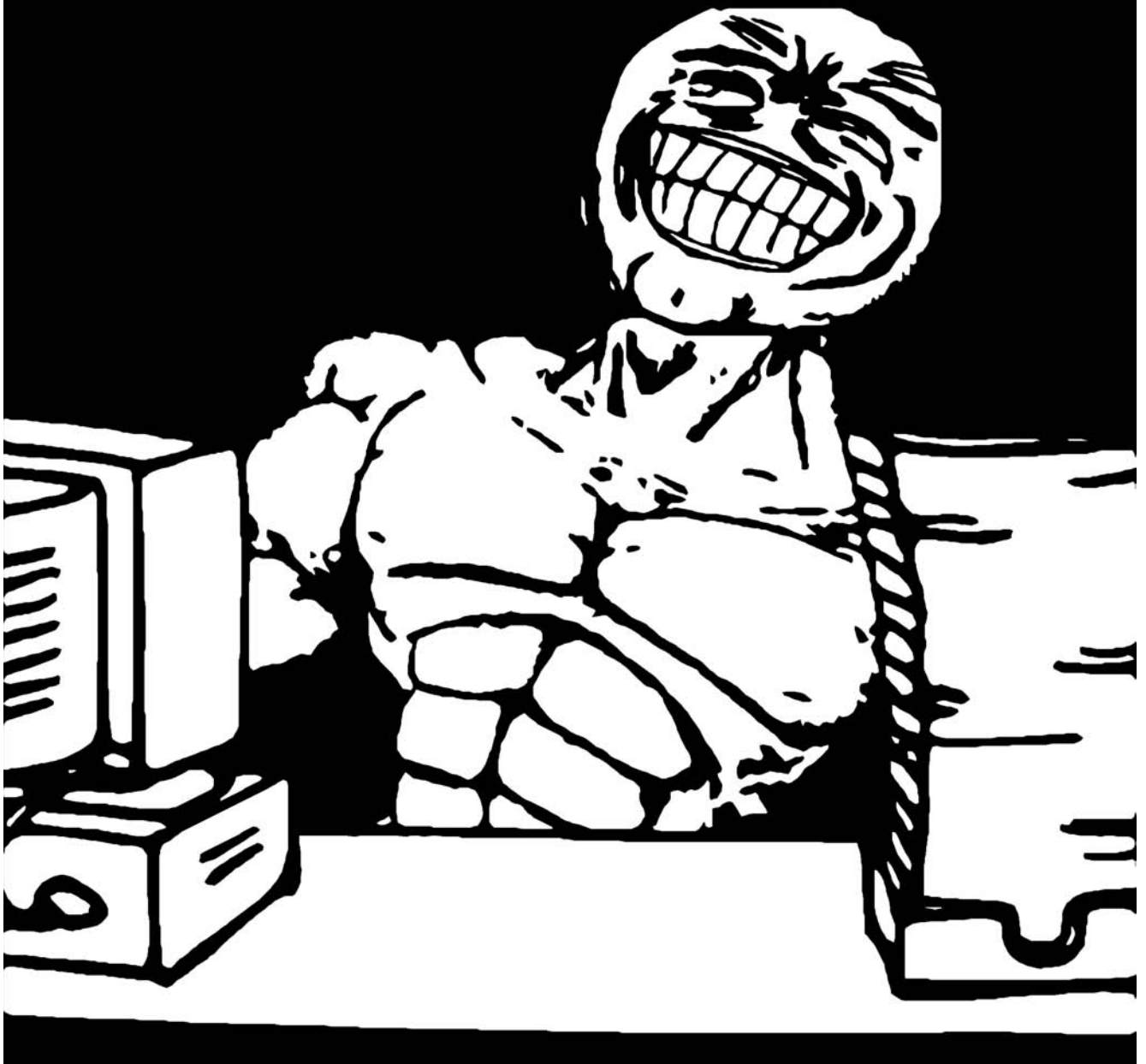
МЕТЕТИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ЗАПАДА

Являясь битами культурной информации, передаваемой и воспроизведённой во всех группах населения, мемы практически сразу, как были разработаны и описаны их создателем, стали использоваться Западом против нас. Школы по разработке и изучению мемов в большом количестве начали открываться в США уже в 60–70-х годах прошлого столетия, в самый разгар холодной войны. Когда стало понятно, что любое лобовое столкновение с идеологическим противником на военном уровне может привести к уничтожению не только противоборствующих идеологических лагерей — советского социалистического и западного капиталистического, — но и всего человечества. А это означало, что победить врага можно, только разложив его изнутри. И для реализации

⁸ См. например *Глассман Джеймс* «Публичная дипломатия США и война идей» — <https://ria.ru/society/20081031/154201253.html>

⁹ См. *Дебор Ги*. Общество спектакля // М.: Логос, 2000.

¹⁰ Искусство разведки. ЦРУ использовало абстракционистов в холодной войне // Аргументы и факты — <http://www.aif.ru/culture/art/1030992>

этой цели мем пришёл как нельзя кстати. Ведущие западные специалисты в области культуры соединили свои усилия с ведущими военными стратегами, создавая лаборатории по формированию и заброске на территорию противника *живучих мемов*.

Несмотря на крайнюю утилитарность поставленных задач, создатели новейшего меметического оружия исходили из того, что мемы являются своего рода метафизическими, не-

осязаемыми сущностями, передаваемыми от ума к уму — либо в устной форме, с действиями, музыкой, либо повторными действиями через подражание¹¹. Отсюда такие специальные акции культурного воздействия, подготавливаемые и реализуемые с привлечением специалистов из ЦРУ и других разведывательных служб, как «Операция Джаз»¹² и вскоре последовавшая за ней «Операция Рок»¹³, направленные на подрыв

и последующее разрушение доминировавшего в СССР культурного кода. Модные журналы, пластинки, продукция Голливуда, элементы западной культуры, одежды, манера поведения, повадки, бренды транснациональных корпораций — всё это было меметически «заряжено» культурными кодами и использовано для нанесения ударов по идеологическому противнику. Сюда же стоит отнести целые «мемплексы»¹⁴ — ком-

¹¹ Blackmore S. The Meme Machine // Oxford University Press, 1999.

¹² США хотели сделать джаз оружием против СССР — американский историк // «РИА Новости» — <https://ria.ru/society/20090322/165648043.html>

¹³ Как рок подрывал СССР — <http://voprosik.net/kak-rok-podryval-sssr/>

¹⁴ Так же как сами гены организованы в ДНК, клетки и хромосомы, так и реплицирующие элементы культуры объединяются в мемы и соадаптивные мемкомплексы, или «мемплексы» (Савин Л.В. Меметическая война — <https://www.geopolitica.ru/article/memeticheskaya-voyna>)

РОССИЯ ПОД МЕМЕТИЧЕСКОЙ АТАКОЙ: НЕПОНИМАНИЕ И БЕСПОМОЩНОСТЬ

Нынешняя российская действительность в плане интенсивности меметического воздействия и чувствительности к ней не сильно отличается как от советской, так и от перестроечно-постсоветской эпохи. Наступательная стратегия меметической войны описана во многих западных источниках, в основном именно военными специалистами. Так, в исследовании от 2006 года майор морской пехоты США Майкл Проссер анализирует связь сферы идей с переформатированием заданного общества в интересах США для последующего установления контроля над ним.

За основу мемов, создаваемых и используемых Западом, берётся цельное западное мировоззрение, созданное на основе парадигмы Модерна и трансформированное в контексте Постмодерна под более ликвидные сетевые форматы. Именно западная идеология либеральной глобализации зашифрована в большинстве мемов, создаваемых сегодня. Такие мемы, или мемплексы, влияют на формирование идеологем — неких изначальных квантов идеологии, которые, в свою очередь, складываются и формируют убеждения. **Так как массы с точки зрения социологических законов, изложенных Вильфредо Паретто, не производят смыслы, а принимают их от элит, то они весьма податливы к квантам смысловой информации, поданной в формате мемов, что и навязывает им те или иные идеологемы, предопределяющие их убеждения.** Сложившиеся в итоге меметического воздействия убеждения формируют политические позиции, которые, в сочетании с чувствами

плексы мемов, — представляющие собой своего рода идеологические залпы. К ним можно отнести западные религии, в целом маскультуру¹⁵, кинематограф, мультипликацию и музыкальные направления.

Распространение мемов представляет собой частный случай того, что часто называется, в том числе и самими создателями, — *информационными червями*. Жизнь информационных червей проходит в среде имитации. Преимущественно в имитации культурных идей, или неких культурных формул, в представлении одного другим, или в создании сходства, того, что мы очень часто, в том числе в политике и культуре, определяем понятием «симулякр»¹⁶. То есть распространённый мем, по большому счёту,

это не что-то подлинное, а нечто симуляционное, некая изначальная пародия, то, что выдаётся за культурный элемент, а не является таковым. Симулякрами западной культуры становились такие мемплексы, как, например, советские стилиги, а затем и хиппи, панки, рокеры и металлисты. Симулякрами также можно считать и последовавшие за «перестройкой» такие социальные явления, как «кооператоры», имитировавшие среду западного бизнеса, «рэкетиры», подражавшие западным гангстерам. Потребительские массы постсоветского обездоленного большинства, жадно впитывавшие рекламные ролики — такой же суррогат западной рекламной продукции, — пытавшиеся подражать, пародируя, жизни на Западе, в «развитом» мире.

¹⁵ Фрэнсис Стонор Сондерс. ЦРУ и мир искусств. Культурный фронт холодной войны // Кучково поле, Институт внешнеполитических исследований и инициатив, 2014.

¹⁶ Бодрийар Ж. Симулякры и симуляции // М.: Постум, 2017.

и эмоциями, в конечном итоге провоцируют те или иные действия, которые в совокупности формируют поведение сначала отдельных социальных групп, а затем и всего общества. Если переложить эту последовательность меметического воздействия, описанную Майклом Проссером, на конкретную ситуацию воздействия США на Россию, станут очевидны как предпосылки, так и последствия того воздействия, которое оказывает меметическая война Запада на российское общество.

Любая меметическая атака Запада, действуя в соответствии с указанной последовательностью, в конечном итоге имеет практическое воздействие, передавая изначальный идеологический код Запада российскому обществу, но делая это не в грубой пропагандистской форме, которая сегодня отвергается практически любым обществом, а в мягкой, завуалированной форме, заходя через культурное восприятие, непрямой образ формируя идеологемы, которые в конце концов складываются в убеждения, формирующие цельную идеологическую позицию, которая и становится движущей силой социально-политических изменений — через активное действие (политический активизм) или же через пассивное непротивление социальным трансформациям.

В качестве примера эффективности такого воздействия можно привести момент распада СССР, когда действия одной — активной части общества, направленные на демонтаж Советского государства, сопровождались молчаливой легитимацией со стороны пассивной части общества. И те и другие заранее, ещё до самих событий внутренней самоликвидации СССР, уже стали носителями мировоззрения, сформированного под воздействием серии меметических атак, осуществляемых в отношении советского общества в течение многих лет. А по итогам распада Советского Союза постсоветское общество уже было готово воспринимать новую —

Если применение военной силы, заключает Майкл Проссер, никогда не может быть успешным на 100%, особенно когда речь идёт о России, почти всегда выигрывающей горячие войны, то меметическая война уже привела Запад к вполне конкретному результату, сделав его победителем в холодной войне, при этом сведя издержки до минимума. Мало того, ничего не мешает сегодняшнему Западу продолжать в том же духе, последовательно разрушая и добывая осколки постсоветского мира, захватывая и ставя под свой стратегический контроль его фрагменты без всяких последствий для себя.

либеральную — идеологию Запада, ложившуюся на удобренную заранее почву сформированных посредством мемов и их комплексов убеждений. Неудивительно, что пришедший на смену советизму либерализм воспринимался некоторое время вполне органично, заставляя часть общества активно содействовать его насаждению, а другую часть — не сопротивляться социально-политическим трансформациям.

Как замечает майор Проссер, мемы связаны с нелинейным мышлением и его экстраполяцией в этику, что сказывается на трансформации общественного сознания в сторону изменения общественной морали, представлений о нравственности, допустимости тех или иных изменений, смещения табу, что в конечном итоге изменяет параметры общественного договора. А это, в свою очередь, под воздействием общественно-го запроса вносит корректировки как в законодательство, так и в основы государственного устройства, лишь отражающего в данном случае изменившиеся потребности и запросы общества.

С серьёзными последствиями такого воздействия столкнулось уже позднесоветское государство, когда массы, разлагаясь под воздействием меметических атак Запада, начинали выходить за рамки существовавших до этого момента социальных

ограничений, нарушать идеологические установки, открыто попирали сложившуюся систему ценностей, переходить границы установленных табу и далее — действующих законов, бросая вызов и государственному, и общественному устройству. В этих условиях государственная идеологическая машина просто не справлялась с количеством возникших «прорывов» и сбоев системы, не понимая причин такой идеологической разбалансировки, ибо, как уже было сказано выше, мемы являются своего рода метафизическими, неосозаемыми сущностями. При этом осуществляющими атаку на центральную, формирующую всю общественную и государственную цельность идею, как это было с идеей советской.

Именно мемы, как мы видим, сначала подточили, а затем и разрушили советскую идеологию, что и привело к последующему распаду самого советского государства. То есть меметическая атака прямым образом связана с вопросом безопасности, а серия атак может разрушить государство. И если применение военной силы, заключает Майкл Проссер, никогда не может быть успешным на 100%, особенно когда речь идёт о России, почти всегда выигрывающей горячие войны, то меметическая война уже привела Запад к вполне конкретному результату, сделав его победителем

в холодной войне, при этом сведя издержки до минимума. Мало того, ничего не мешает сегодняшнему Западу продолжать в том же духе, последовательно разрушая и добывая осколки постсоветского мира, захватывая и ставя под свой стратегический контроль его фрагменты без всяких последствий для себя.

ВИДИМОСТЬ «БЕЗЫДЕЙНОСТИ»

Казалось бы, СССР разрушен, Россия отказалась от советской идеологии, и даже вписала в свою новую конституцию тезис о запрете любой идеологии в качестве доминирующей, но меметическая война против нас не только не закончилась, но всё

более набирает обороты. Продукция Голливуда практически полностью заняла весь кинорынок. Российское телевидение — калька с западного, в основном американского, и всё более идёт на поводу у разлагающихся масс, требующих и далее пробивать одно дно за другим. Поведение и образ жизни элит — копия с элит Запада, вплоть до того, что и сама элита всё более перемещается на Запад в буквальном смысле — дома, деньги, жёны, дети, отдых, шоппинг — всё там. Российская шоу-индустрия — пародия на западную, а дети и подростки полностью погружены в гаджеты — неисчерпаемый источник западных меметических потоков, полностью сформировавших уже целое поколение «молодых россиян».

Объяснение вытекает из самой теории меметических войн. Суть в том, что Идея (идеология, идеология) является неотъемлемой частью человеческого бытия. Некой экзистенциальной основой «человека разумного». Тем, что, собственно, отличает человека от животного, выделяет из мира природы (натура) и перемещает в мир рассудочного существования (культура). Наша способность осмысленно подражать тому, что мы видим, и делать как другие — это то, что отличает людей от животных, которые подражают механически. Люди могут, глядя на то, что делается в зоне их внимания, сразу же скопировать произошедшее, уловив смысл и суть происходящего. Когда вы подражаете кому-то ещё, имитируете «нечто», то оно же передаётся тем, кто за вами наблюдает. Так это «нечто» может быть передано снова и снова, начав жить своей собственной жизнью, — в этом случае передаваемое «нечто» и есть мем.

Иными словами, мир Идей, как созерцание «невидимого глазами», идеологий — как желаемого образа общественного устройства, движущего идеалистами и пассионариями, или идеологом, позволяющих мобилизовать общество в эмерджентные группы, — есть неотъемлемая данность человеческого общества. Причём разным обществам свойственен свой тип идей, отличный от других. Такая констатация заставила теоретиков меметических войн помыслить Идею как своего рода вирус, а сами мемы и мемплексы — как безвредные бактерии, разносимые от одного человека к другому. Это представление сформировало клинические подходы к оперированию мемами: к их распространению (заражению) и, соответственно, лечению. В этом смысле **любая идеология представляется как болезнь, возникающая вследствие воздействия того или иного вируса, того или иного типа бактерий. Единственная особенность такой болезни заключается в том, что человека нельзя вылечить, но можно**

лишь заразить другой болезнью вместо той, что у него была.

Используя данную аналогию, при которой идеологии имеют те же характеристики, что и болезнь, можно разработать технологию борьбы с ними посредством своего рода вытеснения другой болезнью с помощью мемов как бактерий, её переносящих. Само заражение происходит в этом случае посредством тонкого — невидимого, — но при этом открытого контакта. Полное же избавление от вируса приводит к потере культурного уровня, а значит, и уровня мыслительного, рассудочного, то есть к потере рассудка и, собственно, человеческих свойств. Человек в этом смысле — это **«мыслящее животное»**, и если он не мыслит, то он **просто животное**.

Взяв за основу данный подход, западные идеологи с помощью меметических атак вытеснили советскую идеологию, заменив её своей, либеральной. Внешне безыдейное нынешнее российское общество на самом деле стало обществом либеральным. Принцип меметической войны, таким образом, состоит в том, чтобы вытеснить «опасные» фрагменты сознания, содержащие «вражеские» мемы, своими, «менее опасными», более желательными. Для этого необходимо сначала убедить больного в том, что существующие культурные коды для него опасны, создав, таким образом, из них патогенные кластеры — представив их как некий «источник страданий». Для избавления же от этих «страданий» взамен существующих культурных и ценностных кодов на следующем этапе предлагают альтернативные, не приносящие страдания и фобии, но, напротив, приносящие радость, счастье, являющиеся источником развлечений, релакса и, в конечном итоге, разложения, что для масс всегда легко и приятно.

Советское общество, таким образом, было не уничтожено, но переписано. Культурно переписано в иное, теперь уже либеральное общество, — перестав быть устойчивым, «твёрдым» обществом, но став вместо этого не «безыдейным», а ликвидным, «влажным» обществом, перезаполненным иными, менее «болезненными» и «тоталитарными» мемами. Как только критический уровень насыщения новыми мемами достигает необходимого уровня, происходит отмирание нежелательных артефактов, меняется поведение человека и общества в целом. А учитываемая схожесть вирусов — и советский марксизм и либерализм являются продуктами Модерна, с его материализмом, прогрессизмом и позитивизмом, — новый вирус переписывался на весьма благодатную основу, а значит, был записан уже с более высокой точностью, плотностью и долговечностью, что и обеспечило ему устойчивость и живучесть.

МЕМЕТИЧЕСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА

Если взглянуть на ситуацию с точки зрения меметической теории, то она представляется весьма критичной. Но не фатальной. Мало того, позволяющей нам самим использовать данную технологию, причём не только для излечения, но и для ведения встречных наступательных инициатив в сфере *нашей* меметической войны с Западом. Для этого необходимо (всего навсего) **создать комплекс своих собственных, более заразительных и доброкачественных мемов** и, используя разработанные методы привлекательной упаковки, тиражирования и распространения, направить теперь уже свой собственный вирус на нашего врага.

Задача не такая уж нерешаемая, особенно с учётом того, что «меме-

тическая война — это соперничество за нарративы, идеи и социальный контроль на поле боя социальных медиа»¹⁷, которыми буквально напицкано общество нашего глобального оппонента — Запада, сплошь испещрённого, тотально покрытого сетями всех возможных типов и при этом испытывающего серьёзный мировоззренческий кризис. Оставшись один на один с самим собой, либерализм лишился оппонента, а его «свобода (от)», больше не видя выходов для реализации, начинает «освобождать» западное общество от самого себя, ставя под вопрос любую коллективную идентичность — принадлежность к народу, нации, религии, полу, человеческому виду, в конце концов всё это признаётся тоталитарным и несвободным.

Есть и ещё одна предпосылка в нашу пользу — этностатика, — свойство любого общества возвращаться в своё изначальное, более устойчивое состояние¹⁸. А это означает, что как только количество и частота меметических атак начинает спадать, ослабевать и редеть, с этого момента начинается процесс самоизлечения — освобождения общества от чужих, не свойственных ему вирусом-мемов, и восстановления концентрации своих собственных ценностных констант. Учитывая то, что западное общество, как европейское, так и американское, — изначально консервативно, традиционно и этнично, — то открытие ему его же собственных, изначальных смысловых кодов и традиционных моделей может стать отправной точкой для освобождения его от своих собственных идеологических химер — либеральных чудовищ, порождённых сном европейского разума в эпоху Модерна. Дело за малым: нам самим необходимо проснуться к своей собственной Идее, избавившись от вируса Запада, сформировать собственные мемы и мемплексы и нанести ответный меметический удар.

¹⁷ Джиси Джеф. «Время воспользоваться меметической войной».

¹⁸ См. Дугин А.Г. Этносоциология // М.: Академический проект, 2011.

/ Виталий ДАРЕНСКИЙ /

О ментальной борьбе и семантическом оружии

ЛНР

ЛУГАНЩИНА
ЭТО РОССИЯ

НОВОРОССИЯ

Интерес к исследованию политических мемов в России возник после протестных движений 2011–2012 гг., а затем ещё более обострился после событий на Украине в 2014 г. В этих событиях важнейшую роль в формировании массового сознания сыграли политические и идеологические идентификации противоборствующих сторон посредством мемов, которые появлялись в информационном пространстве словно бы случайно и «ниоткуда» и могли показаться продуктом языкового «творчества масс». Однако аналитический взгляд легко обнаруживал в них сознательные конструкты политтехнологов, заранее программируемые под будущие события. Первыми применили технологии мемов в информационной войне против России и Русского мира наши противники, и русским затем пришлось лишь в очередной раз показывать, насколько они бывают «страшны своей импровизацией», которая последовала в ответ.

Результат оказался достаточно удачным — как в материальном плане (ликвидация попыток «болотного майдана» в 2012-м, возвращение Крыма и начало освобождения Новороссии в 2014-м), так и в идеологическом плане. Последний момент до сих пор явно недооценивается. Однако на самом деле в 2012–2014-х годах сформировалось достаточно мощное идеологическое и интеллектуальное пространство противостояния русофобии как внутри интеллектуального сообщества в России, так и — едва ли не впервые в истории — на уровне официальной государственной политики. Опыт «войны мемов», который русское патриотическое сообщество получило в этот период, очень ценен и не имеет аналогов. Русский мир эффективно противостоял натиску мировых русофобских СМИ и в результате добился больших успехов как внутри страны (консолидация граждан в поддержку существующей власти), так и в мире (международный авторитет России в мире

в последние годы вырос на порядок, чем и обусловлена «санкционная» истерия Запада). Пришло время извлечь теоретические уроки из этого опыта, в частности, сформулировать правила и модели эффективной «войны мемов».

Хотя сам концепт мемов как элемента сетевого информационного пространства сформировался лишь к 2000-м годам, но мемы как инструмент идеологической и политической борьбы существовали всегда. Они часто обнаруживаются даже в самоназвании целых народов. Особенно характерным в этом отношении является название «русские». Всегда отмечается, что это название является странным с лингвистической точки зрения — поскольку по форме это прилагательное, а не собирательное существительное, как у подавляющего большинства других народов. Слово «русские» отвечает на вопрос «чьи?», то есть оно изначально обозначало какой-то принципиальный выбор. Если верить летописям, это был выбор в пользу создания единого государства с помощью неких чужеземных «руссов» — против продолжения межплеменных войн и хаоса. Это вовсе не название этнической общности, а название одной из сторон в гражданской войне, которая в результате и одержала победу (отдельные эпизоды этой войны сохранились в летописях). По такому же точно принципу тысячу лет спустя образовались понятия «красные» и «белые» в новой гражданской войне. Из европейских аналогов близкими примерами являются названия «французы» и «болгары», в которых тоже отражено принятие местным населением политической элиты другой этничности с целью объединения и самоорганизации против внутренних распрей.

Однако важнее всего то, что слово «русские» само по себе имеет и очень важный нравственный аспект — по сути, оно означает **«верные» и «единые»**. Те, кто сделал свой выбор и не изменяет ему. Эта ситуация

объединения путём отвержения своих частно-эгоистических интересов потом постоянно повторялась в русской истории, стала ее «архетипом», и в неизменном виде повторяется и сегодня. И сегодня опять слово «русский», как и во времена Рюрика, в первую очередь означает не этничность, а нравственный выбор верности и единства, вопреки личным амбициям и предрассудкам.

Стоит для контраста также упомянуть происхождение политического мема «украинцы», ставшего национальным самоназванием. Этого слова не было в малороссийском диалекте, на базе которого в XIX–XX вв. был сконструирован украинский литературный язык. Оно было заимствовано во второй половине XIX в. из языка великороссов, в котором обозначало то же, что и современное слово «пограничник». Т. Шевченко никогда не употреблял слова «украинец» и не называл себя так. Этот мем был создан польскими идеологами начиная с псевдоисторических фантазий Т. Чацкого («О названии «Украина» и зарождении казачества», 1801 г.), который ввел в польский язык это древнерусское слово для обозначения населения Малой Руси в качестве чего-то отдельного от Великороссии. По этой же польской модели слово «украинец» было затем введено в оборот и малороссийской интеллигенцией при конструировании ею обособленного от русского литературного языка.

В России впервые в этническом смысле оно было введено в оборот первым ректором Киевского университета М. Максимовичем в историческом альманахе «Украинец» в 1864 г. Причем там же Максимович впервые использовал и выражение «русский мир» в качестве научного понятия. **«Украинец» изначально понимался именно как человек Русского мира, но со своей этнической спецификой.** Очевидно, что Максимович сознательно осуществлял смысловую перекодировку этого мема, запущенного в оборот поляками с целью разжигания украинского

В первые годы украинизации крестьяне возмущались: «Какие мы “украинцы”, мы же ничего не украли!» Такова стихийная народная «этимология». В период «независимости» появилось много других этимологий — от явно клинической сказки о «древних украх» до наукообразных конструкций, хорошо вскрывающих психологию самостийничества. Наиболее прилично выглядит «этимология», которая производит «Украину» и «украинцев» от глагола «украюты», то есть «отрезать себе часть, край чего-то». Наивно проговаривается откровенно сепаратистский мотив: «Украина» — это то, что удалось отрезать, оторвать, урвать от чего-то большего, т. е. от большой исторической России.

сепаратизма. И последний не имел никаких шансов вплоть до 1991 года, когда Украина образовалась в результате искусственного развала СССР — но даже и в 1990-е годы большинство населения этой страны еще не воспринимало ее всерьез. Когда украинские сепаратисты впервые в 1917 г. начали распространять название «украинец» в массах, оно было никому неизвестно и вызывало резкое неприятие. Крестьяне возмущались: «Какие мы “украинцы”, мы же ничего не украли!» Такова стихийная народная «этимология». В период «независимости» появилось много других этимологий — от явно клинической сказки о «древних украх» до наукообразных конструкций. Последние, хотя и не имеют отношения к реальности, т. к. это слово было заимствовано у «москалей» уже в готовом виде, но интересны тем, что хорошо вскрывают психологию украинского самостийничества. Наиболее прилично выглядит «этимология», которая производит «Украину» и «украинцев» от глагола «украюты», то есть «отрезать себе часть, край чего-то». Тем самым здесь наивно проговаривается откровенно сепаратистский мотив: «Украина» — это то, что удалось отрезать, ото-

рвать, урвать от чего-то большего, т. е. от большой исторической России.

Этот небольшой экскурс в историю важен для понимания того, как реально возникают и «работают» мемы. Мемы существовали всегда, и всегда были смысловыми «аттракторами», формирующими массовое сознание и массовую идентичность. В современную эпоху этот феномен приобрел явно гипертрофированное значение и стал инструментом манипуляций в рамках интернет-пространства, вследствие чего появились новые закономерности его функционирования, которые «наложились» на те, которые были изначально.

В чем суть этих новых закономерностей? Во-первых, современные мемы имеют не стихийно-народный, а искусственный, программируемый характер и создаются политтехнологами заранее под будущие события социальных движений и катаклизмов с целью массовой манипуляции. (Именно поэтому важен пример «украинцев» как прецедент не народного, а манипулятивного мема, изначально распространяемого через СМИ и систему образования — массовым он стал только в СССР благодаря «украинизации» 1920–1930-х годов). Естественно, что эти мемы

конструируются политтехнологами по заказу тех политических сил, которые эти события организуют и финансируют.

Во-вторых, современные мемы, имеющие манипулятивный и заказной характер, строятся по таким семантическим правилам, которые направлены на максимальную эффективность внушения, и эффективны постольку, поскольку способны «блокировать» альтернативное видение реальности. **Современные мемы, в отличие от традиционных, существовавших еще в древности, эффективны не своим позитивным содержанием, а наоборот, способностью разрушать любые конкурирующие содержания за счет содержащейся в них агрессивной смысловой пустоты.** Например, когда для разрушения государства так называемыми «оппозиционными силами» используется лозунг «борьбы с коррупцией», свержения «преступной власти» и т. п., то эти мемы изначально построены так, что против них, во-первых, невозможно возражать по существу (всякое возражение а priori будет рассматриваться как поддержка злодеев), а во-вторых, они изначально не требуют никаких доказательств и выдают себя за нечто самоочевидное. Такие мемы изначально блокируют любой диалог и рациональное обсуждение, делая их невозможными в принципе.

В данном случае речь идет только о способе создания мемов, которыми пользуется политические силы, инкорпорированные в глобальную систему Pax Americana и занятые методическим разрушением очагов альтернативного самостоятельного развития по всему миру. Агрессия манипулятивных мемов оказалась успешной в череде «цветных революций» вплоть до так называемой «арабской весны», она разрушила более десятка государств и унесла жизни многих сотен тысяч людей. Это наступление мировых inferнальных сил впервые захлебнулось и получило контрудар в 2014–2015 го-

дах в событиях в Крыму, в Донбассе и в Сирии. Одним из решающих факторов этого контрудара стал ответный асимметричный принцип создания мемов. В отличие от американской манипулятивной системы, с нашей стороны мемы создавались не на основе массового зомбирования и разжигания агрессии, а на основе актуализации исторической памяти и нравственной рефлексии. Циничный американский пред-рассудок о том, что манипуляции не сможет противостоять никто, пока что потерпел поражения на пространстве Русского мира.

Однако это не гарантирует, что русофобским манипуляциям удастся столь же успешно противостоять и в будущем. Противник учёл свои ошибки и поменяет стратегию. Тем более что ничего нового ему придумать и не требуется, нужно лишь вернуться к тем приёмам, ко-

торые использовались при уничтожении СССР и в 1990-е годы. Тогда в массовое сознание внедрялось представление о Западе как «освободителе», который изо всех сил любит русский народ и торопится принять его в семью «цивилизованных стран» с распростёртыми объятиями. Запад тогда весьма удачно применил нехитрый прием «волка в овечьей шкуре». Правда, следует признать, что население позднего СССР уже само было очень склонно верить этому обману. В 1970–1980-х гг. в СССР фактически сформировался свой вариант «потребительского общества» и большой социальный слой людей (особенно среди молодёжи), естественным образом склонный к «низкопоклонству перед Западом» в силу того, что там это «потребительское общество» было развито в намного большей степени и по-этому для многих стало предме-

том вождельний. Именно этот слой и был фактически единственной социальной опорой развала СССР, и его оказалось достаточно, хотя он и не составлял большинства населения. **Именно к этому социальному слою вполне применим русофобский мем «совок».** Такое применение является перекодировкой мема, возвращающей ему его реальное содержание. Нужно различать великого *советского человека* — создателя великой цивилизации и победителя фашизма — и жалкого «совка», покупающего контрабандные джинсы в подворотне и обожающего Запад, — и всё чётко становится на свои места. Тогда нынешние «либералы» являются продолжением «совков» (обычно это вообще одни и те же люди), а патриоты — это наследники великого советского человека, его продолжение. **Если использовать мем**

«совок» в его подлинном смысле, он станет мощным разоблачающим мемом против русофобов, пробуждающим историческое сознание людей.

Главной ошибкой американских технологов стало то, что они не заметили, как русские очень быстро обнаружили обман — и вместо того, чтобы придать ему хотя бы видимость правдоподобия, наоборот, перешли к прямой агрессии и русофобскому хамству. Именно на нем построена западная пропаганда начиная с 2000-х годов. Но это хамство дало обратный результат — вместо запугивания России оно привело к консолидации народа и переходу массового сознания в мобилизационный патриотический режим.

На Украине эта же ошибка политехнологов привела к кровопролитию, которое стало неизбежным из-за запредельно хамской идеологии «майдана», объявившего всех его противников нелюдьми, подлежащими уничтожению. Эта идео-

логия породила естественный ответ в виде гражданской войны. В России идеология «либеральных кругов», особенно её яркие эмоциональные проявления (вроде высказывания К. Собчак о русских как «генетическом отребье») таковы, что в случае выхода этой идеологии на уровень официальной государственной политики также неизбежно приведёт к гражданской войне.

Однако в настоящее время спонсоры и организаторы русофобских сил вернулись к стратегии «перестроечных» времен — к позиционированию Запада как «освободителя» России от очередного «диктаторского режима». Такой стратегии противостоять труднее, чем прямолинейному русофобскому хамству, которое лишь способствует внутренней консолидации. Ситуация резко усложняется и внутренней разобщённостью патриотических сил на уровне ключевых идеологических символов. Консолидация в обществе фактически поддерживается только благодаря

очень мощному образу ныне действующего президента как символа возрождающейся России. Без этого символа политическое пространство России практически разрушится и перейдет в состояние хаоса. Это объективный факт, который должен признать любой человек, разбирающийся в политике, независимо от его убеждений.

Исходя из этой крайне сложной и многоаспектной ситуации можно выделить ряд общих принципов и их конкретных инструментализаций для борьбы с русофобскими мемами и конструирования русских мемов, которые могли бы эффективно консолидировать массовое сознание граждан.

1) *Преимущество не прямых действий перед прямыми.* Этот один из главных принципов военной стратегии является основополагающим и в войне мемов. Очевидно, что «прямолинейные» мемы — все равно, позитивного или негативного содержания — всег-

да имеют двойственный эффект: как прямой, так и обратный. Причём прямой эффект внушения (суггестии) может превалировать только в начале их использования за счёт эффекта новизны, а затем может превалировать отторжение (контрсуггестия), обратный эффект. (Уже приводились примеры обратного эффекта русофобской пропаганды или разжигания гражданской войны на Украине в результате объявления всех жителей Донбасса «быдлом» и уголовниками.) Исключения из этого правила редки и касаются только очень удачных мемов, которых мало. В отличие от этих мемов «прямого действия» мемы «непрямого действия» могут быть более устойчивыми по своему действию и стратегически более эффективными. Ценность последних в том, что они не вызывают прямого противодействия, поскольку действуют не «в лоб», а более фундаментальным образом — они формируют у «своих» мировоззренческие основания, на которых основана сама политическая самоидентификация (или же, соответственно, подрывают у противника его мировоззренческие основания).

Рассмотрим это на примере самоидентификации патриотических сил, с одной стороны, и русофобских — с другой. Когда патриотов обзывают «русскими фашистами», это почти всегда дает обратный эффект — усиливает их массовую поддержку людьми, которые также воспринимают это как оскорбление своих патриотических чувств. И тот факт, что русофобы до сих пор продолжают использовать это выражение, не замечая его действия, свидетельствует об их недалекости. К чести патриотов, они не придумали никаких реально оскорбительных прозвищ для русофобов, и это хорошо не только в моральном, но и в указанном прагматическом смысле.

Привычные мемы идентификации — «патриоты» против «либералов» — к настоящему времени стали малоэффективными как в своем

Пара мемов «консерваторы» («охранители») против «радикалов» («оппозиционеров») малоэффективна в силу своей двусмысленности.

Здесь патриоты могут тоже пониматься как «радикалы» и «оппозиционеры», поскольку хотят быстрых изменений в России.

Консерватизм их касается только их отношения к тысячелетней русской культурной традиции, а не к текущему моменту. По отношению к текущему моменту «охранителями» являются как раз русофобы и «либералы», стремящиеся «законсервировать» положение России как зависимой страны третьего мира, из которого она выходит — но как раз этот выход они извращённым образом и воспринимают как «возвращение к авторитаризму».

прямом, так и в непрямом действии. Не только в силу их «затертости», но и потому, что обе стороны привыкли употреблять их иронически, то есть фактически нивелируя их изначальный смысл. В свою очередь, пара мемов «консерваторы» («охранители») против «радикалов» («оппозиционеров») малоэффективна в силу своей двусмысленности, если их соотносить не с большим историческим контекстом, а с текущей ситуацией. Здесь патриоты могут тоже пониматься как «радикалы» и «оппозиционеры», поскольку хотят быстрых изменений в России. Если их по традиции называть «консерваторами» и «охранителями», то это касается только их отношения к тысячелетней русской культурной традиции, а не к текущему моменту. По отношению к текущему моменту «охранителями» являются как раз русофобы и «либералы», стремящиеся «законсервировать» положение России как зависимой страны третьего мира, из которого она выходит — но как раз этот выход они извращённым образом и воспринимают как «возвращение к авторитаризму».

В этой запутанной ситуации, когда привычные мемы работают

плохо, нужны радикальные инновации в символическом поле. Принцип непрямого действия — подрыв символической базы противника и укрепление своей — оставляет здесь самое широкое поле для творчества. В качестве примера мемов непрямого действия можно предложить пару: «взрослые» (патриоты) против «инфантилов». Эта пара основана на противопоставлении тех, кто понимает законы развития современного мира и тот факт, что «российский либерализм» — это идеология превращения России в колонию и разрушения её как государства и цивилизации, — и тех, кто этого не понимает в силу своей наивности и манипулируемости (т. е. инфантильности). В качестве ещё одного варианта можно использовать уже существующий хлесткий мем «содомиты» и в качестве пары к нему использовать удачный неологизм А. Солженицына «нравственники», который он применил к писателям-«деревенщикам» в своей речи на вручении премии В. Распутину. (К Солженицыну можно относиться по-разному, но это не имеет отношения к смысловой продуктивности данного термина.) Пара: «нравственники» против «со-

домитов» — может быть очень эффективной в непрямом действии, поскольку она противопоставляет не политические позиции, а типы людей и мировоззрений.

2) *Принцип рефлексивности.* Этот принцип уже показал свою большую эффективность в противостоянии манипулятивной русофобии, о чём было сказано выше. Его суть также хорошо видна по двум предложенным парам мемов. Так, противопоставление «взрослых» патриотов и «инфантилов» — западопоклонников сразу же запускает процесс рефлексии о том, на чём основаны такие наименования. Тем самым человек волей-неволей что-то узнает о том, почему одни понимают устройство современного мира, жёстко разделённого на грабителей («золотой миллиард») и ограбляемых (весь остальной мир), и почему Россию в «золотой миллиард» никто пускать не собирается, — а другие этого не понимают. Этот просветительский процесс рефлексии, в свою очередь, будет определять политический и идеологический выбор человека. То же самое касается и второй пары — она чётко вводит разделение на тех, кто защищает основы человеческих ценностей, и тех, кто их уничтожает под лицемерной маской «свободы». Рефлексивность русских мемов вообще является их главным «козырем» в борьбе с манипуляциями.

3) *Необходимость смыслоцентрирующего мема.* «Код» любого мема работает двойственно: с одной стороны, он всегда вписан в ситуативный исторический контекст, а с другой — всегда опирается на определённую базовую смысловую «матрицу», которая остаётся неизменной независимо от контекста. Удачность вписывания в контекст зависит от «языкового чутья» авторов мема, а вот со смысловой базой сложнее — она требует глубокого проникновения в пласты исторического опыта. В частности, в данный момент стоит очень сложная задача

объединения на основе общих символов всего спектра патриотических сил России — условно говоря, объединения «красных» и «белых». При этом объединяющий мем должен иметь сакральный характер и для тех, и для других. До настоящего времени такой мем не выработан, поскольку обе стороны слишком «увязли» в исторических контекстах. Здесь на помощь может прийти сам русский язык. Например, выражение «Святая Русь» хотя и имеет специфически православное происхождение, тем не менее никогда не вызывает отторжения и у людей с «советским» мировоззрением — если они являются настоящими патриотами. Тем самым и православные, и «советские» по убеждениям в равной степени могут себя идентифицировать как «святорусы» — и хотя последние не будут при этом вкладывать в это слово изначальный религиозный смысл, но нравственно-патриотический смысл этого термина будет для них таким же священным, как и для православных.

Парным негативным мемом противников «святорусов» может быть термин «интервенты» или «коллаборанты». Здесь тоже работает принцип рефлексивности, поскольку такой мем будет прямо указывать на тот факт, что русофобы являются агентами влияния Запада и рассматривают Россию как пространство колонизации и подчинения его интересам. При этом мемы «интервенты» и «коллаборанты» практически невозможно будет сделать ироническими, но вместе с тем они и не являются личным оскорблением.

«Русский мир» как ключевое понятие современной «точки сборки» национального и цивилизационного самосознания в информационном поле выступает и в качестве постоянно актуализированного мема, действующего на русофобов, как красная тряпка на быка. Хотя Русский мир давно уже стал и научным понятием, и культурным символом, его функция в качестве мема в по-

литическом и идеологическом пространстве только усиливается. Вместе с тем в этой функции ему не хватает определённой развёрнутой формы — такой очень краткой расшифровки глубинного смысла и сущности Русского мира, которая сама могла бы действовать как отдельный мем. На основе личного опыта могу утверждать, что очень эффективной является расшифровка «Русский мир — цивилизация совести», а также «Цивилизация совести» как отдельный мем — синоним Русского мира. Этот смыслоцентрирующий мем действует по принципу рефлексивности, проясняя суть русской цивилизации в её мировоззренческом и нравственном аспекте. (Данный аспект является самым важным и определяющим, поскольку политические, экономические и религиозные убеждения людей Русского мира могут различаться очень сильно.) **Русский мир как цивилизация совести здесь противопоставляется Западу как «цивилизации корысти»** по трем аспектам:

а) по мировоззрению: Запад — это мир людей как «биосоциальных автоматов» с их (псевдо)ценностями эгоизма и потребительства; Русский мир — это мир традиционных духовных ценностей и противостояния деградации личности («антропологической катастрофе»);

б) по социальному устройству: Запад — это корыстный индивидуализм, Русский мир — это принцип взаимопомощи;

в) по типу глобализации: Запад — это диктатура «золотого миллиарда», Русский мир — это многополярный мир равных возможностей для всех стран и регионов мира.

4) *Сочетание симметричных и асимметричных мемов.* В борьбе мемов часто приходится отвечать на прямую агрессию симметричным образом, и это оказывается очень эффективным, заставляя противника замолчать. Например, на традиционное для русофобов обвинение рус-

ских в «рабстве» обычно отвечают тем, что называют их «холоуями» Запада и т.п. И неправильно поступают те, кто хотел бы выглядеть «выше этого» и не отвечать по принципу «сам дурак». Это тот случай, когда требуется именно симметричный ответ по принципу «на войне как на войне». Но еще важнее искусство несимметричных ответов, в первую очередь «обратная перекодировка» мемов. В качестве примера приведём наш опыт полемики с украинскими пропагандистами. Был такой удачный ход по поводу украинского мема «ватники»: «Красная армия, одетая в ватники, разгромила Гитлера под Москвой и Сталинградом, и поэтому нынешние украинские ученики Гитлера называют нас со страхом «ватниками»». На это «укропы» не могли ничего ответить по существу. (Здесь также работает принцип рефлексивности, поскольку заставляет людей узнать, что в ватники были одеты не одни ээки, но и победоносная Красная армия.)

С «технической» точки зрения в стратегии «войны мемов» никогда нельзя делать ставку лишь на одну группу мемов, которая заранее кажется наиболее удачной. Успешность мема, как уже было отмечено, — вещь непредсказуемая и может в любой момент не только исчезнуть, но и, более того, быть обращена в противоположную сторону (мем может быть «перехвачен» и перекодирован противником в своих целях). Поэтому всегда следует использовать сразу несколько групп мемов, наблюдая за тем, какую реакцию они вызывают и как используются. Одним из факторов удачного русского ответа на западные манипулятивные мемы является то, что ключевые русофобские мемы конструируются политтехнологами из одного центра, а русский ответ на них носит в первую очередь массовый и народно-творческий характер, основанный на стихийном использовании богатства русского языка, недоступного русофобским технологам. Этот «козырь» нужно ис-

пользовать в максимальной степени, хотя это не означает, что никаких организованных усилий здесь не требуется. Центром русского «мемопроизводства» уже сейчас по факту является отнюдь не сетевой хаос (в котором, конечно, всегда рождаются и «перлы» на фоне потока словесного мусора), но таким центром является сеть патриотических СМИ и сетевых ресурсов. Однако в настоящее время уже необходим выход на новый качественный уровень — нужна, во-первых, системная аналитика на основе мониторинга процессов, происходящих в сфере «войны мемов»; во-вторых, концептуальные исследования принципов и эффективных стратегий этой войны. Теория и методы работы с мемами как с особым «семантическим оружием» в информационной и идеологической войне разрабатывается давно и во многом является засекреченной темой. Тем не менее какая-то её часть должна быть публичной с целью защиты граждан от грязных манипуляций и формирования активного русского самосознания.

/ Алексей БОЛДЫРЕВ¹ /

На передовой ВОЙНЫ СЛОВ

Христианство есть религия логосного откровения, религия Слова, ставшего плотью. При всём значении архитектурных, живописных, музыкальных и иных

форм (которые в каком-то смысле тоже «слово»), всё-таки слово художественное, философское, богословское занимает в культурах, сложившихся на основе христианства, особое ме-

сто. При всём значении, кроме того, неизменно присутствующей в них традиции молчаливчества («молчание — золото») именно христианство, в отличие от иных типов монотеиз-

¹ Болдырев А.И., кандидат философских наук, заслуженный преподаватель Московского государственного университета.

ма, даёт человеку высшую санкцию на подвиг вербальной экспрессии, своего рода повеление не ограничиваться только умудрённым молчанием. При этом, конечно, оно налагает на говорящего большую ответственность, ибо «От слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Мф.12:37). И речь тут идёт не только о морали. Ведь соотношение молчания и говорения на человеческом уровне — аналог ипостасного отношения Отца и Сына. То есть в идеале словотворчество — не что иное, как теургия.

В русской литературе, которую недаром именуют «святой» (Г. Манн), это всегда остро осознавалось. И не только творцами Серебряного века. Фёдор Тютчев в своём знаменитом стихотворении «Silentium!» парадоксальным образом и призывает к молчанию, и сам же наличием этих восемнадцати строчек опровергает свой призыв.

SILENTIUM!

*Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пусть в душевной глубине
Встанут и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими — и молчи.*

*Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймёт ли он, чем ты живёшь?
Мысль изречённая есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими — и молчи.*

*Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, —
Внимай их пенью — и молчи!..*

Утверждая, что «мысль изречённая есть ложь», а значит, истина в полноте своей всегда неизречённа, он тем не менее «изрекает» этот свой мыслеобраз как истину. Николай Бердяев сказал бы, что здесь налицо глубоко прочувствованное поэтом земное, сугубо человеческое несоответствие между вдохновенным ис-

Говорить по-настоящему серьёзно только и следует о том, что невозможно выразить словами. Это единственный достойный предмет разговора, который не хочет быть «пустым» и «светским». Попытка рассказать об этом — высшая задача культуры, испокон века вдохновлявшая мистиков и поэтов, писателей, художников и философов, устремлённых к «учённому незнанию». Более того, «то, о чём невозможно говорить», — составляет скрытую природу самого феномена языка.

током творчества и его результатом, между словом внутренним и внешним, т. е. перед нами блестящее выражение извечной трагедии подлинного творчества, трагедии так называемой «объективации». Но здесь же, добавим, и разрешение трагедии — своего рода религиозно-поэтический катарсис в ослепительной данности самого стихотворения.

Иными словами, религиозный смысл подлинного творчества сохраняется всегда. Потому мы как народ и на этапе торжествующей секулярности, даже воинствующего атеизма, архетипически побуждаемы нашей традицией к нарушению молчания, к выразительному оформлению по мере собственных сил и талантов в разнообразную плоть культуры того невыразимого и даже непостижимого, что задаёт подвижный предел нашим творческим усилиям, выступая как зовущий горизонт убегающей в бесконечную глубину самой себя тайны. На неё направлен эрос постигающей экспансии Духа.

Стоит заметить, что у крупнейшего австрийского философа XX века Л. Витгенштейна есть знаменитая фраза, сказанная не без некоторого раздражения: «О чём невозможно говорить, о том следует молчать». Она неоднократно давала повод к интерпретациям, упражнениям в остроумии, но в целом вызывала неизменное сочувствие у людей «просвещённых и трезвомыслящих», составляющих большинство в современном мире. Мне же в этом суждении видится ра-

ционалистическая гордыня, скрытая под маской смирения. В то время как устремлённость к невозможному (искание Абсолюта) есть сущностная черта духа человеческого во все времена, которая проявляется в том числе в работе со словом. И кроме того, великий философ упускает из виду то, что молчание ведь бывает разным. Иногда весьма выразительным и **красноречивым**, как, например, у православных исихастов. Или «долгим и светлым» — тем самым, которому научился Заратустра у Ницше, прежде чем начать свою проповедь. А говорить по-настоящему серьёзно только и следует о том, что невозможно выразить словами. Это единственный достойный предмет разговора, который не хочет быть «пустым» и «светским». Попытка рассказать об этом — высшая задача культуры, испокон века вдохновлявшая мистиков и поэтов, писателей, художников и философов, устремлённых к «учённому незнанию». Более того, «то, о чём невозможно говорить», — составляет скрытую природу самого феномена языка, которая, подобно «вещи в себе», — непостижимой, но и необходимой, — как минимум создаёт саму возможность для речевых практик и в которую неизбежно упираются все добросовестные попытки его (языка) исследования. Что такое осмысленная речь — по большому счёту загадка для современной науки. Молчать же, скорее, следует о том, о чём говорить можно, и хотя бы потому, что об этом уже всё сказано.

Да, разумеется, в истоках православной традиции хранится понимание того, что наш язык уже бесконечно далёк от того загадочного райского праязыка, на котором Адам, по Библии, давал имена «всякой живой твари». В 11 главе Книги Бытия сказано: «На всей земле был один язык и одно наречие». Там сказано, а сегодня почти доказано совместными усилиями палеолингвистов, археологов, генетиков с использованием математического аппарата и кибернетики, что так оно и было на самом деле где-то 40–50 тыс. лет назад. Во всяком случае, гипотеза моногенеза С.А. Старостина и его единомышленников имеет весомые признаки научной теории. Далее в Библии говорится о том, как потомки Ноя вышли на равнину в земле Сеннаар, начали строить город и знаменитую Вавилонскую башню, «высотой до небес». Для чего? На сей счет Священное Писание выражается довольно туманно, мол, чтобы «сделать себе имя прежде, нежели рассеется по лицу всей земли». И у отцов церкви по этому поводу нет однозначных проясняющих толкований. Современное языкознание утверждает, что примерно за тысячу лет «рассеяния» и обособления от первоначальной общности исходный язык изменяется до неузнаваемости. Это многократно подтверждённый закон. Даже если учитывать различную скорость изменения священного и повседневного языка. Моя гипотеза такова: опасаясь грядущей трагедии разобщённости и взаимного непонимания, люди, «штурмующие небо» в Вавилоне, очевидно, захотели этот закон отменить, пытаясь сотворить себе универсальное **имя**, т.е. неподвластный времени и пространственному разделению метаязык культуры, тогдашний эсперанто. Однако Адам недаром был изгнан в мир сей, в «проклятую за него землю», где «тернии и волчцы» произрастают. Господу не понравился «вавилонский проект» Адамовых отпрысков, смягчающий последствия грехопадения, и Он «смешал там язык их, так чтобы

один не понимал речи другого». Так в Библии рисуется подтверждённый наукой естественноисторический процесс нарастания множественности разбегающихся культурных миров, духовных традиций, языков.

Стоит ли удивляться тому, что лобовые стычки цивилизаций, настоженно-эгоистическая замкнутость в себе отдельных культур как реакция на «объективный» процесс унификации, вскрывающий их самобытность, точно нож консервные банки, — зримая реальность вплоть до сего дня «этого чудесного глобального мира». В итоге в обозримой исторической ретроспективе мы имеем дело всего лишь с лингвистическим инструментарием, глубоко повреждённым перипетиями грехопадения и вавилонским смешением. Но это совсем не отменяет, а, наоборот, предполагает отношение к национальному словотворчеству как к священнодействию. По мере сил сохранённый в чистоте, но и разбитый язык центрирует всё культурное пространство и несёт в себе смысл исторического бытия народа; через язык сообщаются ему и новые откровения, и откровения новых форм. Вместе со знанием родного языка в нас оживает не только геном национальной культуры, национального характера, коллективного сознательного и бессознательного. Нам впервые открывается канал связи с миром универсальных смыслов и архетипических образов. Но эти универсальные смыслы и образы всегда предстают в каждой культуре как уникальные. Они настолько глубоко связаны с национальной традицией, особенностями языка, насколько вообще форма может быть содержательной.

От общего состояния языка зависит качество смыслопорождающей деятельности всякого исторического субъекта, а значит, его выживание и место в истории. **Традиция такого бережного отношения к языку — величайшее достояние всей нашей культуры, которую многочисленные исследователи согласно называют «литературоцентричной».** На её основе создавались шедевры от «Слова

о полку Игореве» и корпуса древнерусских текстов до всемирно известной русской литературной и философской классики XIX–XX веков. Вот каким сокровищем мы обладаем! В этом заключена потенциальная мощь русской культуры, запас её прочности, колоссальный ресурс жизнестойкости в современном мире. Но именно на русский язык, вдохновенный гимн которому пропел в 80-х годах XIX века Тургенев, направлен главный удар нашего экзистенциального противника, коль скоро невозможно пока ещё просто физически уничтожить носителей русской культуры.

Вот лежащие на поверхности сподобы такой атаки:

1) Стимулирование процессов общей культурной деградации и культурной разобщённости и, как следствие, обеднение и примитивизация языка.

2) За счёт печально известной реформы образования и широкого распространения прозападной массовой культуры механическое отсечение народа от его гуманитарного наследия, а старшее поколение — от наличия «общего языка» с младшим; элементарное замалчивание шедевров русской литературы, богословской и философской мысли; лишение образования той гуманитарной **«перспективы роскоши»**, той особой **«непрактичности»**, без которой, как показывают многочисленные исторические примеры, **не может** по-настоящему развиваться не только фундаментальная наука, но даже прикладные её отрасли и техника.

3) Вторжение в повседневную коммуникацию блатной лексики уголовного мира, объективно размывающее нравственные основы общества и устои языкового сознания.

4) Использование вирусных мемов, отчасти стихийно рождённых, отчасти сознательно сконструированных и внедрённых в массовое сознание. Так, например, широко оперируют словечками «совок» и «постсовок» как презрительно-ироничными кличками для лояльно относящихся не только к советскому периоду,

но и к любым патриотическим тенденциям последнего тридцатилетия нашей истории. Следует признать: на молодые умы эти антимемы оказывают своё разрушительное действие.

Сюда же стоит отнести не критическое заимствование терминологии наших геополитических врагов. К примеру, отечественные, даже вполне патриотически настроенные аналитики и журналисты рассуждают о концепции «сдерживания России». Запад присвоил концепции определённое имя, ну и что? А вдруг это имя-обманка — словесная маскировочная сеть? В то время как несколько убаюкивающий смысл слова «сдерживание» не должен бы вводить в заблуждение. Его вообще не стоит использовать в русском публичном пространстве. Это называется **остаточной «властью враждебного дискурса»**. Ведь на самом деле речь идёт об очевидной агрессии коллективного Запада против России и особых формах подготавливаемой им войны на уничтожение. Какое уж тут «сдерживание»!

5) Следует также констатировать, что давно нарушена всякая разумная мера между крайностями болезненного пуризма и безмерной открытости языка перед иноязычным вторжением, — нарушена, конечно, в пользу последнего. Появляются и набирают популярность в молодёжной среде так называемые «рунглиш» — писатели и сетевые властители дум. Вот их обычная фраза: «...реальные кейсы инвестиций в стартапы». Или типичное словосочетание в современном тексте по экономике: «В нашем филде считают эффект прокси для назадсмотрящих ожиданий...», которое написано, имея в виду английские термины, для тех, кто их же имеет в виду **как бы поверх и помимо русского языка**.

6) Широкое распространение ненормативной лексики не только в народных массах, но и в театрах, художественной литературе, на концертах рок-групп, например, группы «Ленинград». Её лидер С. Шнуров отчётливо сознаёт свою «особую миссию» — че-

рез язык изменить сознание русского народа, о чём он искренне признался в интервью К. Собчак для журнала «Форбс». Название группы (сами себя они именуют «группировка», что тоже весьма характерно) — «Ленинград» — поначалу воспринималось как неосоветский вызов ностальгирующим имперцам и либералам, с придыханием произносившим хорошо забытое старое: Санкт-Петербург. Но теперь, благодаря огромной популярности группы в достаточно широких слоях молодёжи, Ленинград — это уже не город Ленина и революции, город-герой, переживший блокаду, а Питер, где лучше всего пить. Это место рождения Шнура и вообще имя для всего его «высокодуховного» творчества. Таким образом, он **пытается отобрать целую эпоху у «недобитого совка»**. Но самый важный элемент его успешного образа — бесстыдное и публичное употребление мата.

Из всех гипотез происхождения русского мата, достаточно правдоподобной является следующая. Мат —

сакральный язык волхвов, испокон века запрещённый для повседневного общения. Он, скорее всего, применялся для отправления восточно-славянской разновидности культа Великой Матери. После же Крещения он отчасти «поушёл в народ», став элементом его полуязыческого быта, но с утверждением христианства попал под новое табуирование. Поэтому, говоря по старинке, «матерный лай» — это не просто «оскорбление нравственного чувства» ранимых барышень и невинных деток. Он несёт в себе до конца неясную даже нейролингвистам негативную магию языческих заклинаний. Очевидно только, что он с колоссальной мощью атакует семантические гнезда языка, фундированного православным христианством. И когда Шнур кричит матом со сцены, то и он сам,

и публика, образованная и не очень, испытывают совместный экстаз освобождения от всякой культурной нормы, апеллируя к самым тёмным аспектам того, что я бы назвал здесь антидуховностью².

Всё, точнее, почти всё, что содержится в популярных песнях г-на Шнурова, мгновенно превращается в антимем. У Мидаса — в золото, а у этого — в «не всё то золото, что блестит». При этом Шнур не рубит иконы, не заглядывает в задницу коровы-России в надежде увидеть её тайну, и т.п. Нет, он действует тоньше. Устраивает, например, выставку своих работ в им же изобретённом стиле «брендреализма» в Музее современного искусства. И что мы видим? Инсталляция «Левша» представляет собой застывший в одной позе манекен, рисующий **левой**

рукой (т.е. это Левша) на рекламе фирмы «Найк» слово из трёх букв. Для непонятливых Шнур поясняет в интернет-трансляции: парнёк-манекен одет в импортные кроссовки «Адидас» и рисует на рекламе тоже иностранной фирмы. **Выходит, ничего русского в Левше нет, кроме матерного слова!** «Даже если этот якобы выразитель русской смекалки, — говорит в своём пояснении Шнур, — каким-то образом и подкуёт блоху, то она, бедная, уже не сможет прыгать». Т.е. вся гигантская энергия этого русского мифического мастера, вся изобретательность его практически ничего не стоят.

Но всё вышеперечисленное, повторюсь, лишь очевидные формы меметической войны. Есть формы иные, более скрытые и сложные по своей,

² Рассуждая для «Экономиста», что он не приемлет разделения на элиту и простой народ, Шнур употребил гегелевский термин «снятие» *Aufhebung*, что тоже весьма показательно. Но как он собирается их объединять, т.е. снять указанное противоречие? А очень просто. Если, например, славянофилы в середине XIX века хотели это сделать на почве православной веры и церкви, то Шнуров — на почве ненормативной лексики и на своих концертах, вообще на почве своей скандальной популярности. Мат — зона классового перемирия. И у Шнура получается. Иначе он не стал бы выигрывать суды у Роспотребнадзора по поводу своего права на «матерное творчество».

так сказать, теоретической родословной. Они адресованы интеллектуальной элите современной России, имея своей концептуальной базой философию постмодернизма. По ряду причин её представители особенно пристально интересуются языком и его «репрессивными» функциями, так называемой «деконструкцией» не своих, конечно, но классических текстов, языковыми играми, критикой «метанарративов», к числу которых, несомненно, относятся христианство, ислам, вообще духовные традиции человечества; они отрицают логоцентричность, т.е. объявляют войну и христианскому, и античному Логосу и т.п. Здесь не место анализировать всё это в деталях. Но стоит отметить, что в современной войне слов и в боевом применении гуманитарных технологий самым активным образом используются как раз постмодернистские наработки.

Одна из них принадлежит российскому учёному Н. С. Автономовой, разработавшей целый проект для России как части европейского целого. Она предлагает рассматривать русский язык не как «субстанциональный», а как открытый к поиску «соизмеримостей» с языками других народов. Она нашла, наконец, то имя, искомое строителями Вавилонской башни, которое должно всех примирить. Это перевод. Как последний во времени и наиболее продуктивный «способ проблематизации языка». Только так, по её мнению, мы сможем воплотить, наконец, идеал всеобщей «открытости ко множественности», когда языком не только объединённой Европы, но и всего мира станет его величество **перевод**. (Хотя по факту таковым всё-таки угрожает стать broken English.) И бог с ней, с непереводаемостью! В концептуальной подоплёке данного проекта лежит идея перевода как «несубстанционального образа отношения к другому и другим». «В свою очередь, — пишет Н. С. Автономова, — понимание роли перевода как операционального образца жизненного поведения и познава-

тельного отношения к миру **требуется пересмотра всей программы обучения в гуманитарных науках... приводит к переструктурированию всей ткани понятий... язык и культура выступают перед нами, прежде всего, в модусе отношений, а не субстанций**. И в повседневных, и в познавательных ситуациях (*повседневные, очевидно, не могут, согласно Н. С. Автономовой, быть познавательными.* — А. Б.) нам необходимо воспитывать и развивать в себе языковую и переводческую способность — и при понимании чужой речи, и в собственном высказывании, обращённом к другому» (Н. С. Автономова «Познание и перевод» — М., 2008, с. 287).

Вот это проект! Поистине глобальный по масштабу и глобалистский по сути. Убедён, что это не просто частное мнение; за ним вырисовывается интегральная стратегия агрессивной культурной политики. И вот как, по-моему, следует её понимать. Если раньше, в столь ненавидимые нашим либералам времена цинично требовали от без вины виноватого: «Ты должен разоружиться перед партией!» — то теперь призывают духовно разоружиться перед лицом как минимум объединённой Европы, совершить «субстанциональное» самоубийство, растворившись в «отношениях». Ты должен быть неизменно доброжелателен, открыт и улыбаться, как продавец супермаркета, ибо клиент всегда прав. Нам словно бы говорят, что, мол, не надо создавать оригиналы на своём языке, в своей традиции, которой толком-то и не было, — иди, осваивай другие. И, высказываясь под гнётом новой цензуры диалога, напряжённо думай об этих других, о том, как твоё слово отзовется в иноязычной, инокультурной среде и, главное, будет ли оно удобопереводимым. Так поздний Бродский писал свои русские стихи, заранее рассчитывая на их английские переводы.

Но, делая акцент на отношении (а тем более абсолютизируя его), не стоит всё же забывать об от-

носящихся. И перевод как способ диалога культур всё-таки предполагает взаимность. Надо, чтобы был объект перевода, т.е. **чтобы было что переводить не только у другого, но и у тебя самого**. И чем самобытней, а значит, увыв, и непереводаемей будет твоё, тем интересней, продуктивней станет и диалог. Корректный диалог обязательно предполагает пафос дистанции и самоуважения. Иначе в пароксизме общительности ты, в конце концов, не сможешь предложить ничего, кроме своей **пустой «открытости»**. Если верить статистике, то две трети современных французов вообще не знают ни одного иностранного языка. А их академики веками следили за чистотой языка родного. Возможно, поэтому у них до сих пор появляется масса блестящих произведений, достойных быть переведёнными. Странно, что сей проект адресован России, «всемирная отзывчивость» которой широко известна. В подавляющем большинстве своём наши элитные группы со времён Петра Великого, как испорченная стрелка компаса, сориентированы в западном направлении. Оказывается, нет, наш извечный «западнизм» (термин А. Зиновьева) всё ещё недостаточно **самозабвенен!**

В этом проекте я вижу не только односторонность как тривиальную измену диалектической мысли, но и попытку перенести лицемерные шаблоны евроатлантической политкорректности в область философии и культурной политики. Абсолютизация открытости, диалога, повышенный, почти болезненный интерес к инокультурным мирам, переводческий ажиотаж, который должен по замыслу проектантов охватить все лучшие интеллектуальные силы общества, не приведут ли на практике к созданию конгломерата обезличенных, до смерти денационализованных, не помнящих родства блуждающих индивидов, о которых мечтается Жаку Аттали в образах кочующего человечества?

/ Алексей КОМОГОРЦЕВ /

Коренная сила русского фольклора

*Понимаете, идеи — это ключи ко всему.
Идеи — мы их называем «мемы» — управляют
сознательным поведением людей точно так же,
как гены управляют их инстинктами.*

Майкл Фрэнсис Флинн «В стране слепых», 1990

РУССКИЕ СМЫСЛЫ — ОРУЖИЕ XXI ВЕКА

Неотъемлемой частью информационных войн, с головой захлестнувших человечество XXI века, стали т. н. «меметические войны», главным оружием которых являются спрессованные до состояния «информационного вируса» (в т. ч. визуальными средствами) идеи и смыслы, внедряемые в массовое сознание через посредство СМИ и интернета.

Для победы в такого рода глобальном противостоянии мало одного лишь своевременного выявления и «догоняющей» нейтрализации деструктивных смыслов, направленных на коррозирование и демонтаж Русской ментальной матрицы, а вместе с ней и всего здания современной российской государственности, художественно, но обеспечивающего территориальную целостность нашей страны, а значит, и её потенциальное Будущее. Наряду с этими, безусловно необходимыми, но отнюдь недостаточными шагами, основным условием выживания Русской цивилизации становится раскрытие и распространение в массовом сознании фундаментальных смыслов, слагающих её ценностное ядро.

Наглядной иллюстрацией результативности такого подхода служит история российского мультипликационного сериала «Маша и медведь», пользующегося популярностью во многих странах мира. В 2017 году в интервью крупнейшей финской газете Helsingin Sanomat преподаватель института коммуникаций Таллинского университета Приит Хыбемяги охарактеризовал этот мультсериал как **«часть гибридного воздействия, в котором отрицательный образ России заменяется положительным»**. Также он подчеркнул, что благодаря этому мультфильму Россия не просто смягчает свой образ, а пытается «расшатать устои» его страны, и добавил, что навязывание детям положительного образа России «опасно для безопасности Эстонии»¹.

Элементы нашего традиционного культурного наследия, представленные, в частности, русскими сказками, являются не только неис-

сягаемым резервуаром, сохраняющим идеалы и фундаментальные ценности русского народа, но и мощнейшим информационным оружием, способным эффективно транслировать миру русские смыслы. Относится это и к русскому былинному эпосу, наряду с традиционной волшебной сказкой сохраняющему глубинные «коды» русского национального характера и играющему существенную роль в поддержании коммуникации современного человека с контурами русской ментальной матрицы².

К сожалению, объем журнальной публикации не позволяет представить даже предварительный анализ смыслов, зашифрованных в русской волшебной сказке и былинном эпосе. Мы можем позволить себе лишь пунктирно обозначить некоторые наиболее существенные характеристики героев русского былинно-сказочного фольклора, которые, как нам кажется, позволяют близко подойти к решению указанной проблемы.

СМЫСЛЫ РУССКОГО БЫЛИННО-СКАЗОЧНОГО ФОЛЬКЛОРА

К одному из наиболее древних, устойчивых к внешним переменам и актуальных (продолжающихся воспроизводиться в своих основных формах) жанров русского фольклора относится русская волшебная сказка. Зачастую её главный герой выглядит как самый *слабый* персонаж — сирота, грязный запечник, младший крестьянский сын, ленивый и обделённый наследством. Нередко он просто *дурак*, однако это понятие в контексте сказочного повествования может быть истолковано не только в значении *глупый* (как *органическое* состояние), но и в значении *делающий, думающий не как все, нарушающий* обычай, приличия, социально принятое поведение. По мере развития сказочного сюжета *низкое* оказывается лишь маской (*личиной*) героя и настоящей сущностью *ложного* героя. Именно скрывающаяся под маской истинная *высокая* сущность дает герою право проникнуть в мир *высокого*.

¹ В Прибалтике сочли мультфильм «Маша и Медведь» элементом гибридной войны // URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1813379/>

² О сути этой матрицы см. доклад Изборскому клубу Виталия Аверьянова «Русская мечта. Ментальная карта» // Изборский клуб, № 6, 2017.

Оппозиция *высокого* и *низкого* тесно связана с **идеализацией обездоленного, а также жалостливостью как одним из глубинных свойств русской природы**. Эта оппозиция распространяется не только на персонажей, но и на предметы и проявляется, например, в чудесных свойствах невзрачного: простой медной шкатулки, клубка ниток и т.п.

Наряду с тем *низкое* в русской сказке представляется как явно негативное состояние, из которого желательно выйти. Иванушка-дурачок или Емеля в конце сказки переходят в *высокое* состояние (женятся на царевнах и получают полцарства) не просто в силу сюжетных условий: они получают то, что им хочется иметь. Указанная позиция содержит принципиальное отличие русских волшебных сказок от сказок европейских, в которых также популярен образ дурака, позволяющий высмеять недостатки народа; но, в отличие от Ивана-дурака, европейский герой так и остается до конца *органическим* дураком, совершающим дурацкие поступки.

Ещё одна характерная черта русской волшебной сказки состоит в том, что поведение её героя представляется вынужденным, провоцируемым извне, порождаемым другими персонажами: так, отец высылает сына из дому, необходимо отправляться на поиски чего-то. Образцовая модель такого преображения хотя бы и вынужденной бездеятельности в героическую активность представлена в сюжете, связанном с былинным героем Ильёй Муромцем. В былинке, в отличие от сказки, первоначальной бездеятельности придана благообразная форма (болезнь), в то время как в сказке фигурирует именно *лень* как буквальное нежелание что-либо делать (Емеля).

Наиболее важной характеристикой героя русской волшебной сказки является действие, ведущее как к *преображению* самого героя, так и ситуации в целом. Личность героя гораздо отчётливее проявляется не в подвигах (поскольку они совершаются, как правило, при помощи волшебных сил), а в особенностях его поведения. Для того чтобы что-то изменить, герою нужно знать не о причинах сложившейся ситуации, а о **правилах поведения и правильных способах взаимодействия с окружающим миром**. Герой сказки никогда не пытается самостоятельно разобраться в причинах — он ищет информацию. Он берётся узнать, не зная как; лечить, не зная чем; искать, не зная где; идти, не зная куда. Чтобы выбраться из очередной

проблемной ситуации, герой не погружается в ее анализ, а узнает способ, имеющийся в распоряжении *знающих* персонажей (Бабы-яги, идолица, старичка, птицы и т.п.). Его активность соединяется со специфическим представлением о свойствах окружающего мира, который воспринимается в сказке как **одушевлённая социальная система, исполненная скрытых взаимосвязей**. Таким образом, вместо представления об «объективных» законах мира мы имеем дело с **представлением об особых правилах поведения в мире**³.

Действие героя становится не просто проявлением его хитрости или богатырской силы, но реализуется в виде своеобразного двухтактного цикла: герой получает возможность успешно совершать свои действия только после выполнения определённых правил. Так возникает *предварительное испытание*, которое имеет характер проверки некоторых *качеств* героя или знания им определённых **сказочных норм поведения**. Герой должен проявить *доброту, скромность, сообразительность, вежливость*, но чаще всего — **знание «правил игры»**. Одним из главных правил является **выполнение всякой просьбы**, исходящей не только от нейтрально-благожелательного дарителя, но и от явно враждебного и коварного вредителя. Тем не менее только в силу последовательного соблюдения этих правил герой заслуживает получение *чудесного средства*.

Характерно, что «правила игры», которым следует герой волшебной сказки, опровергают социальную норму поведения, свойственную традиционной крестьянской культуре, частью которой является фольклор. Русская волшебная сказка задаёт и вводит в традицию особую норму поведения, которая не вписывается ни в один традиционный культурный стереотип: ни в положительный, ни в отрицательный (антиповедение, или карнавальное поведение, являющееся неотъемлемой частью традиционной культуры). В качестве современной аналогии можно привести как минимум два существующих в культурной традиции типа поведения во время конфликтной ситуации: «бытовой» — и «героический», или «высокий», являющийся антитезой нормативному⁴.

Сказочный герой не только побеждает представителей враждебного принципа, создавая почву для общей перемены, но совершает медиацию (особенно в специфически сказочных

³ Адоньева С.Б. Сказочный текст и традиционная культура. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 181 с. С. 25, 28, 31, 44, 48, 49.

сюжетах с семейными конфликтами), переходя из одного статуса в другой и **доказывая возможность преодоления отрицательного начала, заключенного в оппозиции, не за счёт его уничтожения, а либо за счёт трансформации в положительное, либо за счёт собственного перехода в область положительного.**

В сюжетах, где основное — борьба человеческого с нечеловеческим, медиация между своим и чужим может осуществляться за счёт того, что герой сам в себе иногда сочетает черты человека и *сверхъестественного* существа (Иван Быкович, Медведко, многочисленные чудесные жёны-помощницы из *иногo царства*, принимающие на себя многие функции героя). Основная мысль, отраженная в этом сюжетном типе и в русской волшебной сказке в целом, состоит в том, что **человек в принципе всё время находится в теснейшем симбиотическом контакте с чудесным, сверхъестественным, находящимся за рамками чисто человеческого плана бытия.** Волшебные помощники героя происходят, как правило, именно из *нечеловеческого* мира.

Отдельного упоминания заслуживает «мемтворческий потенциал» русских сказок. Именно из них в широкий народный обиход

вошли многочисленные «протомеметические конструкции»: «Кашу кушай, а сказку слушай: умом-разумом смекай да на ус мотай»; «Красна сказка складом, а песня — ладом»; «Мельница мелет — мука будет, язык мелет — беда будет»; «На словах густо, а в голове пусто»; «На чужой каравай рот не разевай, а пораньше вставай да свой затевай»; «Не всякая водица для питья годится, не всякая сказка людям указка»; «Нет такой хитрости, которую нельзя было бы перехитрить»; «Сказка ложь, да в ней намёк, добру молодцу урок»; «Сказку слушай, а к присказке прислушивайся»; «Сколько верёвочка не вейся — а конец-то будет!»; «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается» и др.

Жанровая специфика сюжета и композиции русских былин существенно отличается от волшебных сказок. В основе былин лежат весьма значительные, на взгляд сказителя, создателя былин и его слушателей, события, имеющие национально-историческое значение. В отличие от сказки былинный сюжет воспринимается сказителем и его слушателями как достоверный жизненный факт, относящийся к условной русской старине. События классической былины

⁴ Следует подчеркнуть, что сказка заканчивается не простым возвращением к «исправленной» первоначальной ситуации, а созданием качественно новой высшей фазы.

происходят всегда на Руси, тогда как события сказки могут локализоваться «в некотором царстве, в некотором государстве».

Если герои сказок, как правило, обыкновенные люди с присущими им человеческими слабостями, то главные герои былин — богатыри, наделенные идеальными (отчасти гипертрофированными) качествами (*невероятная физическая сила, смелость, высокие нравственные качества* и т. д.).

В отличие от героев европейского рыцарского эпоса, имеющих, как правило, аристократическое происхождение, русские богатыри происходят из простонародья и при этом не страшатся социальных конфликтов с государственной властью. Наиболее остро такие сюжеты представлены в былинах, героем которых является Илья Муромец («Илья Муромец в ссоре с Владимиром», «Илья Муромец и голи кабацкие»). Принципиально важное качество русских богатырей, отражённое в былине, — **способность забывать личную обиду, нанесённую государственной властью, в то время, когда над Родиной нависла смертельная опасность**. Наиболее ярко оно проявляется в эпизоде, когда Илья Муромец, несмотря на конфликт между князем Владими-

ром и русскими богатырями, обращается к ним с призывом встать на защиту Отечества⁵.

Национальная специфика былины сказывается уже в том обстоятельстве, что её героем всегда является русский человек, который защищает русскую землю; противник героя всегда чужак («басурманин», «злое татарвьё», «Литва поганая» и т. д.)⁶. Важно, что былинные богатыри и их иноземные враги противопоставляются не только по этнической и религиозной принадлежности. Они контрастны, прежде всего, по своему духовному облику и морально-нравственным качествам. Богатырь, как правило, *добр, справедлив, честен, миролюбив, благороден и скромн*. Его противник, наоборот, — *зол, бесчестен, воинственен, самоуверен и коварен*.

Наряду с позитивными качествами былина сохраняет память и о стихийно-разрушительных аспектах богатырской героики. Так, в древнейших былинных слоях обнаруживаются представления о «безобразиях», творимых богатырями⁷. Их апогеем становится вызов, брошенный богатырями небесному воинству. В былине «Отчего перевелись богатыри на святой Руси» («С каких пор перевелись витязи на Святой Руси», «С каких пор перевелись богатыри на Святой Руси», «Отче-

⁵ Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. — М.: Высш. школа, 1981. — 221 с.

⁶ Скафтымов А.П. Статьи о русской литературе. Саратов, 1958, с. 49.

⁷ Сендерович С.Я. Георгий Победоносец в русской культуре: страницы истории. М., 2002. С. 154–157.

го перевелись витязи на святой Руси», «Мамаево побоище») русские богатыри, гордые своею исполинскою силою и совершёнными подвигами, похваляются справиться с «силою нездешней», т. е. небесными силами. «Как промовил он (Алёша Попович) слово неразумное, так и явились двое воителей». После того как Алёша Попович разрубает воителей пополам, их «стало четверо, и живы все». Когда против врагов выступил Добрыня молодец, «стало восьмеро — живы все», когда же в бой вступил Илья Муромец, «стало вдвое больше — и живы все».

«Стали они силу колоть-рубить...
А сила всё растёт да растёт,
Всё на витязей с боем идёт!
Испугались могучие витязи,
Побежали в каменные горы, в тёмные пещеры:
Как подбежит витязь к горе — так и окаменеет,
Как подбежит другой — так и окаменеет...»⁸

Благополучный (в эсхатологической перспективе) исход этой истории представлен в былине «Как Святые горы выпустили из каменных пещер своих русских могучих богатырей»⁹. Здесь также описывается схватка богатырей с небесными воителями, закономерное поражение и бегство богатырей в пещеру, которая становится их узилищем. В финале былины после искреннего раскаяния богатыри под предводительством св. Михаила Архангела и св. Георгия Победоносца сражаются с воинством Кривды, в котором фигурирует и антихрист, обманно принявший облик Спасителя.

Роковая роль «слова неразумного», послужившего причиной исчезновения на Руси богатырей, свидетельствует об **особой вере русского человека в значение сказанного слова**. Примечательно, что только в русском изводе существует отдельный цикл сказок-легенд, основной сюжет которых завязан на разного рода случайно вырвавшихся проклятиях¹⁰.

ТРАДИЦИОННЫЕ СМЫСЛЫ В СОВЕТСКОЙ И РОССИЙСКОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Характерно, что огромный актуально-воспитательный потенциал русской фольклорной традиции был по достоинству оценён и востребован в советском кинематографе и мультипликации.

Современные российские родители, уделяющие внимание предварительному отбору мультфильмов для своих детей, подчёркивают, что именно «сталинские» мультфильмы 1940–1950-х годов обладают удивительной добротой, наиболее тонкой назидательностью («на уровне народной сказки»), отличаются красочностью, тонкой ручной работой, а также картинкой, практически всегда выполненной на высочайшем уровне. По их мнению, все мультфильмы этого периода можно, не задумываясь, ставить маленьким детям — там не будет ничего, от чего хотелось бы предохранить ребенка.

Достаточно вспомнить имя советского режиссера Александра Роу начиная с 1938 года создавшего 14 классических фильмов-сказок: «По щучьему велению» (1938), «Василиса Прекрасная» (1940), «Кощей Бессмертный» (1944) и др. Невозможно обойти вниманием классическую картину Сергея Эйзенштейна «Александр Невский» (1938), главный герой которой воплощает собой былинно-эпические черты русских богатырей.

В 1940–1950-е годы, в эпоху расцвета соцреализма в СССР выпускались истинные шедевры рисованной мультипликации. Они были настолько реалистичны, что маленький зритель воспринимал их как «детское кино». Советская мультипликация того времени была не просто красива и не уступала продукции киностудии Уолта Диснея, но в первую очередь выполняла огромную воспитательную работу, в том числе благодаря использованию богатейшего потенциала русских былин и сказок.

Современные российские родители, уделяющие внимание предварительному отбору мультфильмов для своих детей, подчёркивают, что именно «сталинские» мультфильмы 1940–1950-х годов обладают удивительной добротой, наиболее тонкой назидательностью («на уровне народной сказки»), отличаются красочностью, тонкой ручной работой, а также

⁸ Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Т. II. М., 1994. (Репринт издания 1868 г.) С. 674–675.

⁹ Прокофьев С. О. Пророческая былина. Ереван, 1992.

¹⁰ Павловская А. В. Народные сказки и русский характер. // URL: http://national-mentalities.ru/diversity/russkij_nacionalnyj_harakter_i_mentalitet/pavlovskaya_a_v_narodnye_skazki_i_russkij_harakter/

картинкой, практически всегда выполненной на высочайшем уровне. По их мнению, все мультфильмы этого периода можно, не задумываясь, ставить маленьким детям — там не будет ничего, от чего хотелось бы предохранить ребенка. Именно с этих мультфильмов они рекомендуют начинать знакомство детей с миром мультипликации. А вот в мультфильмах 1960-х — первой половины 1980-х гг. вместе с заметно возросшим количеством, столь же заметно падает качество — назидательность в них сохраняется лишь отчасти, а на первый план выступает развлекательное, чисто приключенческое направление¹¹.

Обращаясь к положению дел с экранизацией традиционных русских сказок и былин в современном отечественном кинематографе, невозможно пройти мимо цикла полнометражных мультфильмов о трёх русских богатырях (Алёше Поповиче, Добрыне Никитиче и Илье Муромце), созданных студией анимационного кино «Мельница» и кинокомпанией «СТВ». Премьера последнего фильма этого цикла «Три богатыря и принцесса Египта» состоялась в декабре 2017 года. По мотивам первых трёх мультфильмов фирмой «1С» были выпущены компьютерные игры.

Попытка авторов «осовременить» традиционные образы русских богатырей и прочих былинно-сказочных персонажей, предпринятая к тому же в жанре пародии, предсказуемым образом привела к переворачиванию традиционных сказочных образов и инверсии скрывающихся за ними смыслов.

В качестве наиболее вопиющего примера такого переворачивания можно выделить фигуру Змея Горыныча, представленного авторами в качестве положительного персонажа: смешного, глуповатого, врущего, но весёлого, гостеприимного и вполне безобидного существа, к тому же помогающего богатырям. Если в традиционных былинах про Добрыню Никитича герой вступает в смертельный поединок со Змеем, то в мультфильмах нового цикла Добрыня доверяет Змею как себе. У мультипликационного Змея Горыныча имеются родственники — драконы, живущие в Китае, да и сам Змей Горыныч оказывается мастером восточных единоборств и даже служит священным драконом в китайском монастыре («кто имеет уши слышать, да услышит»).

Если Баба-яга в традиционных русских сказках является образом амбивалентным — т. е. функционирующем в режиме как *отрицатель-*

ного, так и *положительного* «пограничного» персонажа, предоставляющего герою временное пристанище или указывающего ему правильный путь и снабжающего волшебными предметами, то Змей Горыныч, равно как и Кощей Бессмертный, всегда выступают в качестве однозначных антагонистов главного героя. Появление Змея в сказке всегда подразумевает не локальное бедствие, а *нарушение миропорядка*, даже в том случае, когда от чудовища на первый взгляд не исходит непосредственной угрозы.

В таком свете вроде бы совершенно «невинная» перемена знака в статусе Змея Горыныча с отрицательного на положительный на деле оказывается деформацией (в первую очередь, у детской аудитории) базового значения одного из фундаментальных традиционных образов, непосредственно связанных с русской ментальной матрицей.

Наряду с таким своеобразным «переосмыслением» традиционных образов в мультфильмах студии «Мельница» невооруженным взглядом прослеживается последовательная десакрализация образа русского государя (Князя Киевского), а через него и всей русской государственной власти. Князь представлен меркантильным, хитрым, жадным и трусоватым, но при этом все же способным на подвиг. Однако зачастую этот подвиг, обусловленный благородным порывом, обставлен нелепыми, унижительными и откровенно смешными деталями. При всех очевидных недостатках Князь подчёркнуто и беспредельно любим своим народом. На первый взгляд, это вроде бы продиктовано тем, что он искренне радуется о благе Киева, но под определённым углом зрения указанный мотив читается как слепое преклонение отечественных «народных масс» перед любой верховной властью, какими бы негативными чертами она ни обладала.

Параллельно с тем происходит не менее отчётливая «дегероизация» богатырей и занижение их образов. К примеру, главной целью богатыря Ильи Муромца в мультфильме «Илья Муромец и Соловей-разбойник» становится не защита своего народа от Соловья-разбойника, а спасение похищенного Соловьём любимого коня. В отличие от героических образов богатырей, демонстрирующих невероятную мощь, силу и самопожертвование, которые мы видим в цикле фильмов о богатырях, созданных в советское время, в мультфильмах студии «Мельница» мы наблюдаем постепенную транс-

¹¹ О мультиках. // URL: <https://ihistorian.livejournal.com/445537.html>

формацию образов богатырей в супергероев по типу Бэтмена и Супермена.

В мультфильмах цикла присутствуют многочисленные пародийные отсылки к другим произведениям. В качестве характерного примера можно привести цитату из мультфильма «Добрыня Никитич и Змей Горыныч», в котором звучит знаменитый мем из фильма «Брат-2», «переосмысленный» авторами мультсериала и к тому же вложенной в уста Змея Горыныча: «Во сне сила, брат! И у того её больше, кто спит крепче». Оригинальный мем «Я вот думаю, что сила в Правде», блестяще формулирующий один из глубинных русских смыслов, приобретает по воле авторов мультсериала гротескно-сатирический характер.

Не менее значимый для русского сознания мем «Русские не сдаются» «обнуляется» авторами мультсериала, вложившими его в уста Князя Киевского — неоднозначного и откровенно слабого персонажа. То же самое относится и к «антидемократическим» высказываниям Князя, благодаря его карикатурному образу, приобретающим противоположное значение («А ты, часом, не демократ?»; «Демократия ваша до смуты доведет»; «Дожили, в былые годы я б писак этих в два счёта: кандалы, темница. А теперь, видишь, народ правду желает знать. Что скажут на Западе?»).

Отдельного внимания заслуживает сатирический контекст, пронизывающий все мультфильмы цикла о трёх богатырях. Анри

Бергсон в работе «Смех» (1900) писал, что смех делает человека бесчувственным, отделяя то, над чем смеются, от смеющегося. Мы не можем сочувствовать, сопереживать, соединиться с тем, над чем мы смеёмся. Не в этом ли таится разгадка того, почему в традиционном обществе существовали ситуации, в которых смех был абсолютно неуместен. Смех — это эффективное оружие, которое может быть использовано в любом направлении. Не случайно именно смеховая культура (М. Бахтин) была активно использована в процессах дискредитации и последующей деконструкции СССР.

Резюмируя ситуацию, сложившуюся в современном российском кинематографе, следует констатировать, что в настоящий момент в его распоряжении имеются все необходимые технические средства для качественной экранизации лучших образцов русского былинно-сказочного фольклора, в том числе для раскрытия и популяризации фундаментальных смыслов и ценностей Русской цивилизации. Эти усилия должны быть направлены как на российскую, так и на зарубежную массовую аудиторию. Единственное, чего так не хватает современному российскому кинематографу — бережного и квалифицированного отношения к исходному материалу и понимания основных внутренних законов, в соответствии с которыми происходит правильное функционирование этого традиционного жанра.

/ Александр ЕЛИСЕЕВ /

Сталин – ТВОРЕЦ СОВЕТСКИХ РУССКИХ МЕМОВ

НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ

ВРАГ БУДЕТ РАЗБИТ

ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ

Иосифу Виссарионовичу Сталину принадлежит множество высказываний, сделанных в яркой афористической манере. Некоторые из них стали мемами, наложившими сильный отпечаток на общественное сознание. Попробуем их разобрать, причём в контексте массовой же культуры, нашедшей воплощение в кинематографе.

1. «ОБА ХУЖЕ»

В 1925 году Сталин представил XIV съезду РКП (б) Политический отчёт ЦК. В нём он особо остановился на характеристике левого и правого уклона в партии. Генсек сказал: «Вы спрашиваете: какой уклон хуже? Нельзя так ставить вопрос. Оба они хуже, и первый, и второй уклоны».

Здесь проявилась высшая политическая диалектика. Нельзя акцентировать внимание на чём-то одном, у всего есть своя обратная сторона, своё отражение. (По Сталину, левый уклон есть тень правого уклона.) Политический противник не концентрирует силы на каком-то одном направлении, он действует на всех направлениях. Именно понимание этого позволило Сталину победить своих оппонентов как слева, так и справа.

И он, в том числе и посредством этого своего мема, заложил в массовом сознании представление о том, что «генеральная линия» должна быть пряма, что нужно избегать впадения в любую крайность. Конечно, в эти крайности впадали и при Сталине, особенно в 1930-е годы. Но все эти «впадения» преодолевали, выпрямляя генеральную линию. Так было с коллективизацией, когда вождь написал свою знаменитую статью «Головокружение от успехов». (Кстати, уже само её название — явный мем.) Так было и в 1938 году, когда реабилитировали сотни тысяч пострадавших, а многие виновные (во главе с «железным наркомом» НКВД Н. Ежовым) сами подверглись заслуженному наказанию.

По сути, это меметическое «оба хуже» спасло страну. Если бы победили ультралевые троцкисты-зиновьевцы, то СССР обязательно ввязалась бы в какую-нибудь «перманентно-революционную» авантюру, чреватую оккупацией или колонизацией. А если бы победили «правые» бухаринцы (предшественники наших «перестройщиков»), то мы не смогли бы взять необходимые темпы индустриализации. И тогда нам опять светило бы подчинение внешним силам, ведь индустриали-

зация — это создание мощной оборонной промышленности.

Можно также сказать, что Сталин выступил за то, чтобы ликвидировать, пусть и в масштабах внутрипартийных отношений, одну из главных политических деформаций Модерна. Речь идёт о расколе на левых и правых. Традиционное общество было целостным, холистическим. Так, в нём органично взаимодействовали правое самодержавие и левая общинность. Буржуазные революции Модерна взорвали этот традиционный холизм, создав политическое пространство, расколотое на правых и левых. Всё это выгодно плутократии и её политическим махинаторам, всегда стремящимся к атомизации общества, его расколу. Скрытый «центр» манипулирует «правыми» и «левыми», сталкивает их, препятствует соединению национального и социального. По сути, он является таким метаполитическим «нулём», который стремится разрушить и поглотить социум, сделать его своей пищей, насыщающей чудовищный, глобальный организм антисистемы. Отрицая уклоны, Сталин выступает за прямой путь и целостность. Тем самым он восстанавливает традиционное общество — на новом уровне.

Надо сказать, что сталинское понимание прямого пути было отлично воспринято массами. Самому вождю в подарок поднесли «пропагандистский» топорик из нержавеющей стали. На одной его щеке было написано «Бей левый уклон!», на другой «Бей правый уклон!». На обухе же красовалось — «Бей примиренца!».

В продолжение темы об уклонах надо ещё заметить, что на XVII съезде ВКП (б) Сталин сообщил делегатам следующее: «Главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться и которому дали, таким образом, разрастись до государственной опасности». Здесь снова раскрывается сталинская диалектика, которая направлена против крайностей. Они губительны сами по себе, ибо раскалывают государственно-политическое целое. Крайность акцентирует внимание на каком-то «крае», она откалывает его от целого. И в конечном итоге это чревато распадом всей страны.

Сталин предупреждал на съезде о некоей перманентной опасности, забывать о которой никогда нельзя. После его смерти об этой опасности забыли, сосредоточившись на внешне-политической борьбе за «мир во всём мире». Результат известен.

«Основная национальность мира» — сказано очень сильно, не всякий радикальный националист рискнет сказать так о своём народе. Сталин — рискнул, хотя тогда в руководстве было ещё много ортодоксов, видевших в любом проявлении национального патриотизма враждебный выпад против советской власти. Таким образом очевидно, что «обидный мем» про русских, которых раньше «били все», использовался как орудие национального самоутверждения. И этот «обидно-державный» пафос будет так или иначе характерен для всего советского периода. Вспомним хотя бы «Белое солнце пустыни» и таможенника Верещагина с его знаменитым мемом: «Мне за державу обидно».

В советском кинематографе тема посталинской государственной безответственности блестяще раскрыта в комедийном фильме «Иван Васильевич меняет профессию». Вспомним, как домоуправ Бунша легко сдаёт Кемскую волость шведам: «Да пусть забирают на здоровье, я-то думал... Государство не обещает. Забирайте, забирайте». Данный эпизод содержит глубокий символизм. Бунша, в сущности, самозванец, хоть и не по своей воле. И он же типичный носитель бюрократической серости и посредственности, которая противостоит огненной яркости вождя. «Советская» бюрократия, «разоблачившая» Сталина на XX съезде, стала таким вот коллективным самозванцем, ставшим на место вождя. На протяжении 1960–1970-х гг. она всё больше и больше теряла державное, государственническое сознание, допуская самые опасные течения («уклоны», в широком смысле). Наконец, эти «домоуправы» отдали державный Дом на растерзание внешним силам и внутренним врагам.

2. «ОТСТАЛЫХ БЬЮТ»

В 1931 году на 1-й Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности Сталин выступил с докладом «О задачах хозяйственников». В нём он произнёс слова, вроде бы обидные для любого русского человека: «Задержать темпы — это значит

отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что её непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно. Помните слова дореволюционного поэта: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь». Эти слова старого поэта хорошо заучили эти господа. Они били и приговаривали: «ты обильная» — стало быть, можно на твой счёт поживиться. Они били и приговаривали: «ты убогая, бессильная» — стало быть, можно бить и грабить тебя безнаказанно. Таков уж закон эксплуататоров — бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб — значит, ты не прав, стало быть, тебя можно бить и поработать. Ты могуч — значит, ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться».

Действительно, звучит это шокирующе, и многие испытывали шок. В. Успенский в своей некогда нашумевшей книге «Тайный советник вождя» даже изобразил сцену резкого разговора Сталина и приближённого к нему военспеца. «В любой борьбе нельзя унижаться до клеветы! (Сталин побледнел, но смолчал). А здесь — ложь! — ткнул я пальцем в напечатанное. — За тысячу лет своего существования государство Российское, начав с маленького княжества, раздвинуло свои пределы до Балтики на западе и Тихого океана на востоке, от Северного полюса — до границ Индии, стала самой большой страной мира и, позволю себе заметить, самой сильной и самой просвещённой. У нас даже в глухой деревне двое из пяти мужиков знали грамоту. Мы, между прочим, и Аляской, и западом Америки владели. По глупости дёшево отдали их торгашам, охмурялам из Вашингтона. И не нас били, а мы били, и в конечном счёте победили всех, кто посягал на нас, кого вы перечислили».

Между тем Сталин никогда не был замечен ни в русофобии, ни в нигилизме, хотя в 1920-е годы их проявление считалось хорошим стилем и было едва ли не обязательным для функционера высокого ранга. И сам Сталин, неплохо знавший историю России, прекрасно

понимал, что говорит нечто обидное и даже несправедливое. Но он думал не о формальной справедливости. Он творил мобилирующий миф, призванный собрать нацию в одно творческое целое и в краткие сроки преодолеть отставание от ведущих держав. Для этого он и использовал мем «отсталых бьют».

Вроде бы и ничего нового, но в контексте тех дней всё звучало очень и очень остро. И весьма обидно. Но как раз обиду и нужно было вызвать, использовав её как мощное средство мобилизации. Здесь Сталин выступает как некий провокатор, но речь идёт именно о «сакральной» провокации. Примерно таким же образом вели себя и юродивые, бросающие вызов чувствам обычных верующих. **В сталинской оптике Обида диалектически сочеталась с Победой, которая была объявлена имманентно присущей большевистскому «ордену меченосцев»** (определение самого Сталина). В том же 1931 году на 1-й Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности Сталин произнёс: «Говорят, что трудно овладеть тех-

никой. Неверно! Нет таких крепостей, которые большевики не могли бы взять».

Свою «сакральную» провокацию Сталин повторил уже позже, через два года. В 1933 году на встрече с участниками первомайского военного парада он заявил: **«Русские — это основная национальность мира, они первыми подняли флаг Советов... Русская нация — это талантливейшая нация в мире. Русских раньше били все — турки и даже татары, которые 200 лет нападали и им не удалось овладеть русскими, хотя те были плохо вооружены. Если русские вооружены танками, авиацией, морским флотом — они непобедимы».**

Необходимо заметить, что здесь обидные слова соединены с прямой апологетизацией. В этом выступлении национально-коммунистический пафос достигает своего апогея. «Основная национальность мира» — сказано очень сильно, не всякий радикальный националист рискнёт сказать так о своём народе. Сталин — рискнул, хотя тогда в руководстве было ещё много ортодоксов, видевших в лю-

ЖИТЬ СТАЛО ЛУЧШЕ, ЖИТЬ СТАЛО ВЕСЕЛЕЕ!

бом проявлении национального патриотизма враждебный выпад против советской власти.

Таким образом, очевидно, что «обидный мем» использовался как орудие национального самоутверждения. И этот «обидно-державный» пафос будет так или иначе характерен для всего советского периода. Вспомним хотя бы «Белое солнце пустыни» и таможенника Верещагина с его знаменитым и по сию пору мемом: «Мне за державу обидно».

Можно даже сказать, что это центральный момент всего фильма. По сути, и сам Верещагин — главный герой. Солдат старой (и вечной) России — он ярче и трагичнее красноармейца Сухова, которому ещё только предстоит проникнуться «чувством» державности, осознать своё «социалистическое отечество» как Россию — новую, но именно Россию. За которую всегда обидно.

И тут, конечно, видны ниточки, связывающие нас с древнейшими, полуязыческими-полухристианскими временами. В «Слове о полку Игореве» мы читаем пронзительные строки: «И встала обида в силах Дажьдбожих внуков, // Девой вступя на Троянову землю, //

Крыльями всплеснула лебединами, // На синем море у Дону плескается».

Здесь Обида выступает не как абстрактное чувство, но как некоторая конкретная личность. Возможно, что это даже некое славянское божество. Что ж, налицо нечто глубинное, архетипическое. **Обидное поражение, неизменно перерастающее в триумфальную победу.**

3. «ЖИТЬ СТАЛО ЛУЧШЕ, ЖИТЬ СТАЛО ВЕСЕЛЕЕ»

Это распространённый вариант знаменитого высказывания Сталина, которое было сделано в 1935 году на Первом всесоюзном совещании рабочих и работниц-стахановцев. Полностью же фраза звучала следующим образом: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живётся, работа спорится».

Сталин делает упор именно на «веселье» («когда весело живётся»), и это очень характерно. Сталинская эпоха — это эпоха постоянного Праздника, который пронизывает всё. И трудовые будни («работа спорится»), и даже военные. Фильмы военной поры («Шесть часов

вечера после войны», «Воздушный извозчик» и др.) радостны и фееричны, несмотря на весь ужас происходящего. Но и в этом ужасе тоже находится некий праздничный аспект. И в «юбилейном» (от 7 ноября 1942 года) приказе Наркомата обороны Сталин пообещал: «Будет и на нашей улице праздник!»

Могут сказать, что весь праздничный блеск был нужен для того, чтобы отвлечься от суровых реалий происходящего. Во многом это так. Но ведь праздничная пропаганда накладывалась на сознание человека и действительно изменяла его. Советского человека пытались не только отвлечь от сложностей, но и погрузить в праздничное пространство. Советский, русский человек должен был стать человеком весёлым, который живёт в возрождённом Золотом Веке, не знаящем горя и печали.

И в этом плане очень показателен самый любимый Сталиным фильм «Волга, Волга». Там показан некий провинциальный приволжский город Мелководск, где практически все местные жители увлекаются музыкальной самодеятельностью — поют и пляшут. Они живут в атмосфере постоянного праздника, образуют этакую общину Золотого Века. Но эту атмосферу портит бюрократ, начальник Бывалов — угрюмая и мрачная персона. Он как чёрный демон Вритра пытается перегородить течение Реки, этот чинуша как будто сковывает «красавицу народную, как море полноводную» Волгу. В конце концов этот деятель всё же подчиняется мощной народной стихии, едет вместе с мелководскими талантами в Москву. Однако при этом Бывалов пытается перехватить праздничную энергетику, замкнуть её на себя, в частности, присвоить себе песню, написанную талантливой письмоносицей Дуней Петровой по прозвищу «Стрелка». Но всё равно побеждает поющий вешний Народ, посрамляющий мрачную, зимнюю бюрократию. «Проклятую касту», по выражению Сталина.

Здесь всё очень символично и отражает реалии самой эпохи. Бюрократический аппарат, сложившийся в 1920-е годы, в условиях национал-нигилистического угара и одновременно нэповского обогащения, не хотел дальнейшего движения вперёд. (И, кстати, одновременно «назад», к традиционным ценностям.) Он сидел на шее народа, купаясь в своих привилегиях, и уныло повторял прежние идеологические

штампы, рождённые троцкистско-бухаринским агитпропом. Сталин попытался провести выборы на альтернативной основе с целью очистить аппарат конюшни (уже были готовы и опытные бюллетени). Тогда высокопоставленные «бываловы» стали вопить о «врагах народа», которые окопались везде (дескать, какие тут могут быть выборы). Они извратили сталинское предупреждение о постоянной угрозе уклонов, причём сами впали в крайность, в уклон. Именно они ответственны за то, что процесс кадрового очищения принял такие кровавые формы — да и сами в конечном счёте попали под каток инициированных ими репрессий¹.

Позднее фраза Сталина о «лучшей и весёлой жизни» была саркастически обыграна в комедии Л. Гайдая «Кавказская пленница» — в эпизоде, когда Трус, Балбес и Бывалый пьют пиво. Трус говорит: «Жить, как говорится, хорошо!» На что Балбес отвечает: «А хорошо жить ещё лучше!» То есть переиначенную сталинскую фразу как бы вложили в уста жуликов.

Собственно, и главный отрицательный герой комедии бюрократ «товарищ Саахов» чем-то похож на товарища Сталина, даже и френч носит. Получилась весьма характерная инверсия — персонаж сталинского типа показан как злостный и даже преступный бюрократ-начальник. Вообще, сам фильм для своего времени смелый, как сказали бы ранее, с явным антисоветским духом. Чего стоит хотя бы эпизод, когда Шурика отправляют в психиатрическую лечебницу по воле разоблачённого им Саахова. Здесь очевидная аллюзия на «советскую карательную психиатрию». И если в «Иване Васильевиче» Гайдай выражает уже державную линию, то в «Кавказкой пленнице» он выражает настроения либерально-западнического, «оттепельного» сегмента советской интеллигенции, которая всячески стремилась не допустить «оправдания» Сталина. Впрочем, не следует забывать, что герои и образы «Ивана Васильевича» вышли из-под пера Михаила Булгакова.

4. «Я СОЛДАТА НА МАРШАЛА НЕ МЕНЯЮ»

Таков был ответ Сталина немецкому командованию, которое предложило обменять его сына Якова на фельдмаршала Ф. Паулюса. Это

¹ Такую версию событий 1937–1938 годов отстаивает, с огромным количеством архивного материала на руках, крупный российский историк Ю.Н. Жуков в своей нашумевшей монографии «Иной Сталин».

прозвучало эстетически красиво и этически оправданно. В своей, к сожалению, изрядно подзабытой книге «Дисциплинарный санаторий» Э. Лимонов написал по этому поводу: «Ревизионистская трактовка события: Сталин — чудовище! Не пожалел даже собственного сына. В контексте эпохи событие выглядит по-иному. Под давлением обстоятельств войны (гигантские потери, миллионы пленных) Сталин запретил красноармейцам сдаваться в плен, приравняв пленение к предательству. Он не мог сделать исключение для своего сына. Римляне героической эпохи поняли бы и оценили жест Сталина».

Но этот сталинский поступок-мем имел и другой, более глубокий смысл. Если вдуматься, то Сталин символически отказывался от своего сына и родственных связей с ним. Точнее сказать, он отказывался от того, чтобы поставить личное родство выше родства национального. Вообще, на такое могут решиться очень немногие. Не на словах, тут многие могут продемонстрировать свой патриотизм, — но именно на деле. Это хоть и красивое, но само по себе страшное деяние, которое, правда, вызвано страшными же и обстоятельствами. Впрочем, и сама реальность полна разных чудовищных смыслов, существ и проявлений.

Своим отказом Сталин реально, онтологически доказал, что он является отцом для всего народа. Отцом, для которого родной сын значит не больше, чем другие сыновья страны. И все они — его родные дети. (Этот концепт был выражен в сериале «Сталин live», одном из немногих фильмов, где Сталин показан как фигура сложная и противоречивая.) К слову, титул «отца народа» в своё время принадлежал французским королям Генриху IV (1589—1610) и Людовику XIII Справедливому (1610—1643). Традиционалистская подоплёка очевидна и в данном случае.

Тут нужно обратить внимание на один очень важный мем, который применялся для характеристики Сталина, — «вождь всех времён и народов». В семантической «оптике» русского языка слова «народ» и «время» — синонимы. В словарях читаем: «По летех и по роде мнозе взниче Моисии...», «Иногда убо бысть в прежнем роде во Иерусалимских странах...». Славяно-русы почитали Единого

Бога — Рода, которого представляли Творцом (другие божества были его проявлениями). Национальный род — это и есть на-род, у которого есть отец, который одновременно отец (вождь) всех «времён»².

Сталин, безусловно, фигура чрезвычайно сложная, он выше как «очернения», так и «обеления» (апологетизации). Он бесконечно далёк от образа и «кровавого тирана», и «доброего царя-батюшки». (Последний очень распространён в массовом, посткрестьянском сознании, таким «царём», к слову, многие сейчас считают Л. Брежнева.) Точнее так — он, конечно, и «добрый», и «батюшка», но это лишь одна его «ипостась». Другая ипостась — это яростный громовержец, проливающий кровь — зачастую и невинных. Это — вождь на-рода, это «языческий» Род, это красный (кровавый) вепрь небес Рудра. И не случайно в старорусском языке «руда» — кровь, а «родриа» — молния. А теоним «rudra», возводят к утраченному корню «rud», который означал именно «красный».

Во второй половине декабря у римлян проходил праздник сатурналий, названный так по имени Сатурна-Кроноса, бога Золотого Века. Это был праздник в честь бога Времени. Тогда наступали дни карнавального переворачивания всего. Рабы освобождались от обычного труда и получали pilleus, то есть символ освобождения. Они могли есть за одним столом со своими господами, которые даже оказывали им услуги. Таким образом, на символическом уровне воспроизводился утерянный Золотой Век, для которого было характерно равенство всех.

Именно такой вот грандиозной общенациональной Сатурналией и была Октябрьская революция, которая провозгласила тотальное равенство и тем самым на бессознательном уровне как бы воспроизвела реалии утраченного Золотого Века. «Голодные и рабы» («кто был ничем») «стали всем», а господская иерархия оказалась опрокинутой. Само слово «революция» (лат. «revolta») означает переворачивание. Однако оно происходит от «re-volvere», а это субстантив, который выражает некое движение, возвращающее к началу и корням. Кстати, и русское слово «восстание» одного корня со словом «восстановление».

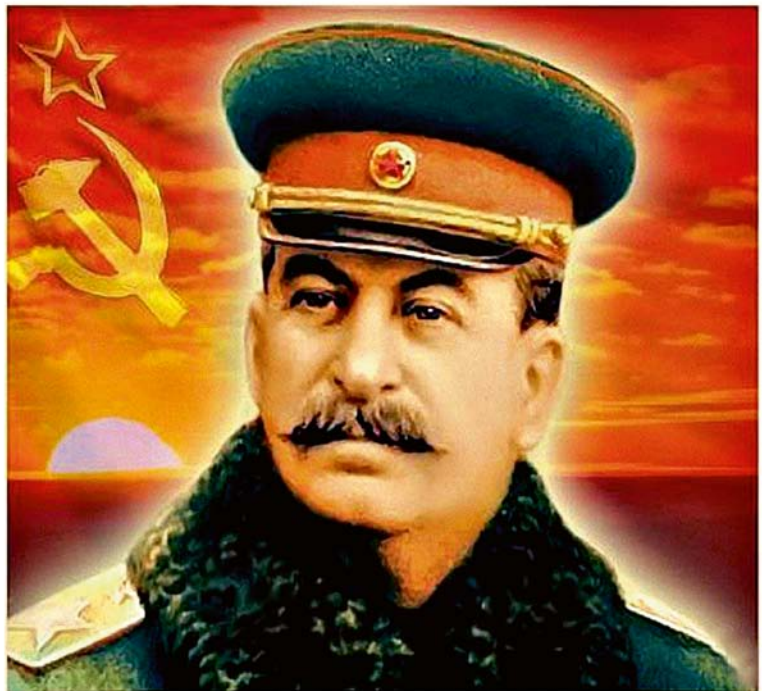
² К слову, у славянского **Рода** есть индоарийский аналог — **Рудра**-Шива, чей день отмечают 21 декабря, именно в день рождения Сталина. (Рудру называли красным вепрем небес и связывали с северной стороной света.) И сам «вождь времён» — такой же разрушитель во имя созидания, как и Шива — Угра («яростный») и одновременно Шамбху («милостивый»).

Между тем любым движением можно воспользоваться в самых разных целях. В момент переворачивания наступает некое обнуление, и оно может быть использовано тем самым аннигилирующим «нулём» антисистемы, о котором было сказано выше. Неправедную иерархию можно устранять во имя Традиции, для реализации архетипов Золотого Века. (Именно так, например, поступали опричники Ивана Грозного, которые были «сакральной антисистемой»³.) Но её же можно опрокинуть для утверждения иерархии ещё более неправильной и антитрадиционной. Красный вепрь северной Революции был осёдлан в первые годы «коллективным Троцким» — силой антисистемной и антитрадиционной. Отсюда и жуткие искажения времён Революции, Гражданской войны и коллективизации.

Но Сталин вознамерился вернуть Революции её консервативный смысл. Многие его апологеты считают вождя державным могильщиком революции, таким Победоносцевым во френче. На самом же деле **Иосиф Грозный был убеждённым революционером, но только консервативным. Он видел в Революции одновременно движение вперёд и возвращение назад.** В оптике вождя, рождённого 21 декабря (время зимнего солнцестояния), Солнце Истории, достигнув некоего онтологического Дна, должно было оттолкнуться от него и снова начать своё движение ввысь. История, Бытие — должны были продолжиться на новом уровне. (В то же время силы антисистемы надеялись на то, что Солнце Истории так и останется на Дне мировой деградации, под её холодными водами и мертвенным льдом.)

Понятно, что сталинской Сатурналии был необходим свой Великий Карнавал, призванный возродить вечный праздник Золотого Века. Одним из проявлений такой карнавальности был Новый год. Известно, что «троцкие» отменили этот праздник как «реакционный» и «буржуазный» (у них тоже был свой карнавал 1920-х, но он представлял собой нигилистическую оргию смерти и разрушения.) Сталин возродил новогоднее празднование, указав на символизм декабрьской мистерии великого Обнуления, причём сам праздник приобрёл мощное державное измерение. Здесь мы снова видим глубинный символизм. В момент боя имперских Кремлёвских курантов старый,

Сталин не ушел в прошлое - он растворился в будущем!

Шарль де Голль

ветхий мир «обнуляется», но надежды анти-системных сил на власть «центристского» нуля тщетны. «Вождь времён» соединяет эти времена — и Прошлое, и Будущее — воедино, в Настоящее — то есть истинное, подлинное. Проявляется настоящий и подлинный Центр, бытийный полюс мира.

В 1956 году на экраны страны вышел фильм «Карнавальная ночь». Это было уже через три года после смерти Вождя, но сам фильм ещё вполне сталинский по духу. Здесь также силы советского праздничного карнавала противостоят «зверско» — серьёзному, угрюмому бюрократу Огурцову. В его лице силы Морены-Зимы стремятся удержать, сковать Солнце, утопить его в холодных водах первобытного, недобытийного хаоса.

Но надежды мрачных сил тщетны. Солнечный, Советский, Сталинский карнавал сметает серую слизь. Непобедимое Солнце отталкивается от ледяного Дна мировой деградации и устремляется ввысь.

К звёздам Кремля.

³ См. доклад Изборскому клубу «Русская цивилизация против антисистем» // Изборский клуб, 2017, № 7.

О меметике ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИНО

(диалог философов)

*Беседа заместителя председателя Изборского клуба,
доктора философии Виталия АВЕРЬЯНОВА
и профессора университета МИФИ,
доктора философии Петра КАЛИТИНА*

Виталий АВЕРЬЯНОВ: Петр Вячеславович, трудно переоценить значение для современной русской ментальности отечественного кинематографа. Надо, конечно, признать, что и зарубежный кинематограф на нее оказывает определенное влияние, но тем не менее, когда мы говорим, например, о таких вещах, как меметические конструкции, афористичность речи, то, безусловно, переводной текст с иностранных языков не может конкурировать с отечественным материалом. Наше кино в XX веке даёт едва ли не львиную долю мемов, наиболее известных и постоянно воспроизводимых в народе.

Хотелось бы сегодня поговорить о русской меметике, которая воплотилась именно в нашем кино, преимущественно советском и постсоветском, потому что до советское кино было немое (звук пришёл в кино в конце 20-х, в СССР — в начале 30-х годов). С чего начнём?

Петр КАЛИТИН: Я бы хотел, Виталий Владимирович, начать, как говорят у нас, от печки, с самого очевидного, а именно, с общенародной популярности советского кино, что выразилось в целой линейке мемов. Многие политологи, эксперты пытаются объяснить этот феномен ностальгией.

Однако здесь есть парадокс, который показывает, что в определённом смысле мы всё ещё живём в том же обществе, в каком мы пребывали где-то начиная с 50–70-х годов. Знаковыми в этом отношении являются культовые советские новогодние фильмы, такие как «Карнавальная ночь», «Ирония судьбы».

Помните, с чего начинается «Карнавальная ночь»? С заявления Огурцова о том, что есть установка весело встретить Новый год. Причём, как мы понимаем, гениальный Ильинский попытался эту фразу сделать в особом экспрессивном ключе, довести её до некоего абсурда, но тем не менее весь фильм являет собой реализацию этой установки, поскольку она встречает несомненный отклик снизу. Сегодня та же жажда веселья, праздника, отдыха никуда не ушла, она усилилась. Более того, сейчас это чуть ли не официозная, почти идеологическая установка, особенно актуальная для наших верхов.

Так же востребована сегодня — в смысло-кратическом понимании — «Ирония судьбы» Рязанова. Этот фильм стал образцово-показательным в плане заглядывания в замочную скважину. Это было своего рода пред-

восхищение сегодняшней так называемой гламурно-светской хроники из личной жизни звёзд. И не важно, что это за человек, какой он талант, какой он врач или учитель (если иметь в виду главных героев фильма Рязанова), важно, что он «в неглиже», или в не совсем опрятном белье, в таком разобранном, можно даже сказать, недоличностном варианте.

Отсюда же, кстати, и некоторая гипертрофия алкогольной темы в этот период: наиболее яркий пример — мем «А что тут пить?» в исполнении Глузского с огромной бутылкой в «Кавказской пленнице». Так современный человек выражает свой героизм, свой максимализм — не на поле сражения за Отечество, а в масштабах выпивки. Тут и мотив «душевности» сидения друзей в бане на Новый год в той же самой «Иронии судьбы», где пьянство оправдывается неким эталоном общения по душам, как будто без такого беспредела водочного и по душам невозможно поговорить. Здесь протягивается и нить к «Особенностям национальной охоты», в 90-е годы.

В. А.: Новогоднее настроение подразумевает карнавальность, восходящую к древним сатурналиям. И в этих обстоятельствах частная жизнь раскрывает свои границы и впускает туда кого угодно. Таков карнавал. А постсоветская реальность в этом смысле продлила Святки практически на весь год, потому что гламурное раскрытие границ носит круглогодичный характер. И в этом смысле советский период и постсоветский соотносятся примерно как традиционное общество и Новое время.

П. К.: Можно и так сказать, конечно. Советское время для нас выступило как некая система нравственных координат. И то, что было тогда в зачаточном состоянии, затем разрослось, и со знаком минус. По полной потребительской парадигме: от «мы достали» — до «нас достали»!

В. А.: Из современного кино здесь показателен фильм «Стиляги», он в ретроспективе живописует тему проникновения потребительства, эстетики праздника и презрения к «немодной» обыденной, будничной советской действительности. И есть очевидная связь с нынешней постсоветской квази-элитой. Любопытно, что все музыкальные номера этого киномюзикла построены на материале девяностых и нулевых... Таким образом проецируется на конец 50-х — начало 60-х та культура,

которая фактически выросла из зёрен, посеянных стилиягами и всей «оттепелью». То есть получается, что это взгляд на советское общество с точки зрения победивших стилияг. Причём их победа в некотором смысле запрограммирована, поскольку отцом главного героя фильма является мидовский работник, которого играет Янковский, уверенный в своей эстетической и метафизической правоте. В этом смысле он обаятелен, за ним будущее, он победит всё и всех.

Своего рода трагизм поздней советской эпохи в том, что, приняв в себя стилистически чужую культуру, создав некий суррогат этой культуры, советские западники постулировали её превосходство. Как известно, центральное понятие стилияг «чувак» расшифровывается — *«человек, уважающий великую американскую культуру»*.

П. К.: Да, ужас в том, что мы проиграли культурную войну, мы проиграли войну смыслов. Что всё «так называемое новое» оказывалось задами Запада. Многие устаревшие догмы западной науки, экономики, социологии до сих пор применяются

Возвратимся к той же «Кавказской пленнице», в которой был дан гениальный только в России феномен русской тройки или тройцы в виде Никулина, Вицина, Моргунова. Тоже неслучайно, что именно тройка пошла, а не двойка, тем более не один комик. Западное кино больше акцентировало на дуэтах — вроде Пата и Паташона. Кстати, именно в нашем кино в 20-е годы эти два персонажа были воспроизведены-спародированы в танцевальном стиле опять же в трио с Чарли Чаплиным. Это были актёры Черкасов, Чирков и Берёзов. Но по сравнению с ними тройка Гайдая — это высокое воплощение национального архетипа.

В. А.: Наверное, тройца Гайдая была взята из русского анекдота... Отчасти из сказки...

П. К.: Да, и стало в кино народным явлением. И помимо их душевного пьянства, какой-то душевной открытости там были зафиксированы важные смыслократические тезисы, а именно: «Жить хорошо. — А хорошо жить ещё лучше!» Это, я считаю, можно вообще сделать девизом современной России. Смыслократией потребительства.

В. А.: В случае с Трусом, Балбесом и Бывалым мы имеем дело с потребителем, выраженным в формате готовности стать

паразитом, пойти даже на преступление ради потребления...

П. К.: Конечно. И главное, опять же, ради красивой жизни. В духе этой «божественной» тройцы любимый олигархический тост: «Чтоб у нас всё было, и нам за это ничего не было». Для народа же остаётся: «Все уже украдено до нас!»

В. А.: В «Бриллиантовой руке» ведь тоже тройка, только там Шеф всё время за кадром, кроме финала. А фактически двойца играет.

П. К.: Причём там эта тройка действительно лишена душевно-алкогольной амбивалентности, в отличие от Никулина, Вицина, Моргунова. То есть у них всё-таки народного обаяния и великого мемного потенциала уже нет...

В. А.: Нет, и там встречаются мемы очень мощные. «Чтоб ты жил на одну зарплату», например.

П. К.: Это цитата из Шефа, кстати. И другое: «Шампанское пьют по утрам только аристократы и дегенераты». «Куй железо, не отходя от кассы». Здесь суетливая порочность подаётся со знаком плюс как некое чуть ли не оригинальное самовыражение. Притом что это уже не самодеятельные гастролёры, а русские мафиози-контрабандисты, и, кстати, связаны с зарубежной мафией... Под «тлетворным влиянием Запада», которое тот же управдом в шикарном исполнении Нонны Викторовны Мордюковой, как известно, связывал... и с синагогой — как раз в разгар первой арабо-израильской войны 1968 года, и активизацией советской борьбы с сионизмом. Помните её фразу: «Я не удивлюсь, если ваш муж тайно посещает...» Да, в фильме «любовницу», но в оригинале сценария было: «синагогу».

В. А.: У Гайдая предостерегающий, сатирический, я бы сказал, взгляд просматривается везде. Так, фильм «Иван Васильевич меняет профессию» парадоксален, потому что вор-домушник, попадая в XVI век, становится в эпизоде с решением судьбы Кемской волости государственным, в отличие от управдома.

П. К.: Я бы даже сказал, что тут своего рода логика Апокалипсиса... Но в данном случае мне хотелось бы вспомнить героя Этуша, этого Шпака. Ведь тоже чем любопытен данный образ? Во-первых, то, что он внешне выглядит

холопом. По крайней мере, мы должны этому верить, что когда на него смотрит настоящий Иван Грозный и сразу ему говорит: «Ты чьих?» Он возмущается: «Что значит, чьих?» — «Чьих холоп?»

В. А.: Холопская сущность написана на лице.

П. К.: Да. А он при этом вроде у нас модно одет, богат, одно дело, стоматолог. И тем не менее он — и внешне холоп.

В. А.: Заметьте, насколько Гайдай смел. Потому что он критикует целую прослойку, в данном случае советских стоматологов и дантистов с их нишевыми возможностями.

П. К.: Конечно! А заодно и всех успешных людей, даже в чём-то и цеховиков. Ведь у них прямо пропорциональна зависимость низкопробности, пошлости от их материального благополучия и повышенного уровня потребления.

В. А.: Кстати, «Иван Васильевич» по результатам наших исследований, — один из самых мемных фильмов вообще в истории. Там почти сплошные мемы. А в чём здесь секрет? В гениальном тексте Михаила Булгакова или не только?

П. К.: Там очень много добавлено в сценарии к булгаковской пьесе, многие находки идут от Гайдая.

В. А.: Да, это сплав. Булгаковская сатира 30-х годов оказалась очень актуальной в 70-е... Вот булгаковские мемы, по сути театрального происхождения, потому что тогда кино сатирическое ещё только зарождалось. *«Я поражаюсь твоему спокойствию, тянет устроить скандал». «Вот что крест животворящий делает!». «Это я удачно зашёл». «Царь — не настоящий!». «С восторгом предаюсь в руки родной милиции!». «Три магнитофона... и всё, что нажито непосильным трудом». (Только у Булгакова были — патефоны.) «Меня царицей соблазнили». Всё это Михаил Афанасьевич...*

П. К.: Но от Гайдая там такие мемы, как «Танцуют все!». Или про «заморскую» баклажанную икру. Или такой пропагандистский мем: «Граждане, храните деньги в сберегательной кассе! Если, конечно, они у вас есть!» (пародия, между прочим, на саму идею рекламы).

При всей тонкости Гайдая его фильмы подкупают зрителя и, кстати, до сих пор — массовой установкой на развлечение, на веселье, на расслабуху... И это антиномически бросается в глаза.

В. А.: Да, можно сказать, что эта червоточина постепенно раскрывается. В особенности в поздних фильмах Гайдая про «Операцию-Кооперацию», «Дерибасовскую и Брайтон-Бич». И эти последние фильмы

уже не пользуются такой популярностью в народе, что характерно...

П. К.: Приведу другой, менее очевидный пример — мегапопулярный мультсериал «Ну, погоди!». Там, конечно, словесных мемов нет. Но, с точки зрения смыслократической, чем он уникален? Волк и Заяц оба живут как будто при коммунизме. У них никаких бытовых проблем. Другие звери трудятся, а Волк только и делает, что гоняется за Зайцем, можно сказать, круглосуточно.

В. А.: Ну, Заяц, он как бы ребёнок, а Волк — это как будто перерзевший подросток-хулиган, несмотря на хриплый папановский голос. Вот они и болтаются.

П. К.: В этом мультике зрителя подкупает та же реальная беззаботность. Культивируется расслабление, вечный праздник.

В. А.: Но тут есть ещё как бы скрытый эротический мотив, потому что Зайца и Волка можно рассматривать как пару влюблённых. Он там цветы ему дарит, танцует с ним. Там просматривается такая трактовка, хотя и без гомосексуальной подоплёки. Скорее речь идёт об эросе волчьего желудка, вернее даже волчьего охотничьего инстинкта, потому что дело не в банальном голоде. Когда кто-то влюблён, то показывать его трудовые будни не входит в интригу фильма. Интригой там является погоня и охота.

П. К.: Тут вечный двигатель, потребительский. Как у ослика — за морковкой.

В. А.: В том-то и дело, что попытка поймать Зайца — это сверхпотребительский идеал для него. Это как бы высшее воплощение его природы. Ему Зайца поймать — это вопрос чести уже.

Волки всегда гоняются за зайцами, а зайцы всегда бегают от волков, так же как полицейские и воры. Расслабление в «Ну, погоди!» заключается в том, что всё происходит на фоне их свободного времени, досуга, вечного отпуска или каникул?

П. К.: Да. Насколько я помню, Котёночкина даже в этом упрекали... И единственное, что это оправдывает, — то, что мультик детский, а детям действительно свойственно много гулять и расслабляться...

В общем, если подвести предварительный итог, в 60–70-е годы через кино и телевизор в народ вошла своего рода смыслократия «расслабона» и такие, с позволения сказать, «слабительные мемы», которые оправдывают и пьянство, и паразитизм, и либерализм («С людьми сейчас надо помягше!»). Или мем «Тёпленькая пошла» из «Иронии судьбы» как своего рода оправдание бытовой неустроенности, лёгкое к ней отношение. И тут, кстати, сразу возникает ассоциация с мультиком «Малыш и Карлсон». Помните — «Спокойствие! Только спокойствие!». Этот мем тоже пошёл в народ, стал популярен. То есть здесь не героическое спокойствие, а спокойствие в ситуации, когда ты сам виноват, чего-то набедокурил, но при этом ты не должен чувствовать себя виноватым, как будто всё идёт так, как положено.

Самое поразительное, что эта тенденция к тотальному расслаблению просматривается даже в наших военных фильмах конца 50-х годов, не во всех, конечно. Здесь есть водораздел между воспеванием мужественной брутальности и своего рода самоотверженности с одной стороны — и гуманистически-либеральной интерпретации великой войны. Между тем в основе любой военной победы лежат три суворовских принципа: глазомер, быстрота и натиск.

В. А.: Можно примеры?

П. К.: Таковы персонажи по-своему замечательных фильмов «Баллада о солдате» и «Летят журавли». Там главные герои вяловаты, угловаты... Чтобы показать их живыми, их делают слабыми, мягкими. Алёша Скворцов даже пугается, и конкретно, долго бежит от немецких танков, в самом начале «Баллады...».

Западу нужен был именно такой советский солдат. Потому что они же тоже трусы перед нацистами. Им было приятно смотреть, что и наш русский солдат тоже трус. Тем не менее он там героем стал. Но для западного сознания, для западного менталитета всё равно бальзам на душу, ибо героем он оказался как будто случайно — «с пулемётом в кустах». Думаю, отсюда — международный успех этого фильма.

В. А.: Но что в сухом остатке? Судьба этого солдата неясна, в принципе, ясно только, что он по-своему чудотворец, который из своей трусости способен сделать подвиг. Понимаете, «Баллада о солдате» — это в большей степени мелодрама. Это взаимоотношения с двумя женщинами — с девушкой, с которой он едет в поезде, и с его матерью. Одна из них влюблена в него, и она будет потом, видимо, ждать очень долго его, и его мать, которая будет ждать его вечно...

П. К.: Я не отрицаю силу и необычайную талантливость этого фильма. В нём заложены великие смыслы. Но тем-то и страшнее, что такой замечательный фильм очень хорошо вписывается в общую стратегию общенационального советского расслабления, понимаете? Для меня расслабление — евангельский термин. Как известно, это синоним беснования. Христос исцеляет расслабленного, изгоняет бесов из расслабленного.

В. А.: Я бы не стал путать испуг Алёши Скворцова, необстрелянного ещё солдата,

с расслаблением. Сюжет фильма в целом показывает, что он и энергичный, и справедливый, и чистосердечный парень. А насчёт расслабления — мы ведь в 41-м году отступали по всей линии фронта. Разве это расслабление? Там не быстрота и натиск была, а там как раз драпали конкретно. И эти же люди потом наступали. Увальни и валенки в начале войны превращались в героев, в опытных бойцов, мастеров войны. В этом и состоит правда русского человека на войне. Между тем в фильме Чухрая показано и боевое солдатское братство, и народные характеры весьма правдиво... Но там сама война как таковая задета лишь краешком.

П. К.: Действие происходит в 1942 году. Там, между прочим, есть эпизод сильный с часовым в поезде, перевозящем сено. Который называет своего командира «зверем», а потом оказывается, что он никакой не зверь...

В. А.: Да, оказывается, что это такой интеллигент, гуманный человек... То есть элемент гуманизма в фильме, может быть, и зашкаливает, здесь я соглашусь. Также и генерал гуманный, и сам Скворцов гуманист. Это подкупило, наверное, жюри иностранных конкурсов и английскую королеву, которая назвала его лучшим фильмом.

П. К.: Да-да, и на Западе это сразу почувствовали, и наши западники-киноведы тоже в голос заговорили про Чухрая: «О, это наш неореалист!» То есть опять впереди у них итальянцы, причем опять же нация, в войне проигравшая.

В. А.: Сейчас это уже до пародийных доходит форм, когда, допустим, Тарковский был действительно неким на Западе признанным киношным авторитетом. А сейчас вот этот Звягинцев, в принципе, является эпигоном Тарковского, причем плохим, слабым во всех смыслах эпигоном. Они же по инерции продолжают давать ему премии — видимо, для того, чтобы лишний раз продемонстрировать России, что она ничтожество.

Что же касается «Баллады о солдате», даже если вынести этот гуманизм и некоторое давление на нервы за скобки, фильм обладает потрясающей магией, захватывает зрителя.

П. К.: Это, безусловно, так. Но были у нас и фильмы, которые аутентично показали

психологию советского победителя. Это, конечно, Леонид Быков: «В бой идут одни старики» и потом «Аты-баты, шли солдаты». Там особо мемов я не нашёл. Единственное исключение — его присказка: «Будем жить, пехота!» Его капитан Титоренко начисто лишён той расслабительности, которая распространялась в мирное время «шестидесятников», той дегероизации, культа душевности, да ещё с выходом на потребительский «рай».

Другой пример кино ясного, нерасслабленного и без надрывной чудесно-героической патетики — культовое «Белое солнце пустыни». В 1970-е годы у нас не уставали говорить о том, что это был любимый фильм космонавтов. И именно перед каждым полетом космонавты где-то уже на Байконуре его смотрели.

Фёдор Сухов у нас, во-первых, немногословный, неторопливый вроде бы. Причём я понимаю, что это и среднеазиатская жара, там действительно от жары никто не суетится. Но когда он попадает в западню, то на вопрос: сразу его прикончить или он желает помучиться, — Сухов выдаёт гениальный мем: «Лучше, конечно, помучиться...» И далее он становится уже стремительным, внезапным — сыграв на том, что противник — потребительски! — ведётся на часы, как сорока или олигарх — на блестящее. И он в этот же момент, буквально доля секунды, убивает врагов!

В. А.: Безусловно, это уже классический боевик, причём, я бы сказал, в предельно экспрессивном выражении, когда одним движением он уничтожает троих.

П. К.: Тем не менее это сделано очень достоверно. И наряду с опытным солдатом Суховым в фильме дан и юный совсем Петруха. Кстати, его можно сравнить с Алёшей Скворцовым из «Баллады о солдате». Чем отличается Петруха от Алёши? Тем, что он бы на месте Скворцова не убежал.

В. А.: А он и не убежал — на своём месте, когда был зарезан Абдуллой...

П. К.: Его бы раздавили танками.

В. А.: Так и произошло. Но по стилю, безусловно, фильм Чухрая — это всё-таки социалистический реализм. Это один из канонических фильмов. А «Белое солнце пустыни» — в значительной степени фольклор, кинематографическое воплощение фольклора о русском солдате. Потому что — кто такой Сухов? Сухов — это солдат

из сказок, в общем-то, который и кашу из топора может сварить... И он выручает кого-то, в сказках — зверей, встречаемых. И здесь то же самое. В «Белом солнце» все герои немножко сказочные. Петруха является, как это ни странно, в фильме фокусом отцовской любви. Потому что его любит и Сухов, его любит и Верещагин, видящий в нём своего сына погибшего.

П. К.: В данном случае и для меня Петруха дорогой образ, поскольку не содержит никакого посыла на расслабление массового сознания. И мы понимаем, что настоящие герои когда-то такими же были... Если помните, даже Сухов в одном эпизоде говорит, что «я таким же, как ты ушёл». Речь идёт не только о возрасте, а о том, что вот таким же неотёпой в чём-то он ушел, когда в любой момент мог бы по-глупому погибнуть.

Нет, не случайно фильм этот дал рекордное число мемов. Тут и Верещагин, безусловно, «виноват»: «Сейчас мы поглядим, какой это Сухов». Очень простой мем, и в то же время очень сильный. А как его фраза насчет обрыдлой икры: «Хоть бы хлеба достала»?! Вот, я бы сказал, совершенно потрясающий антипотребительский мем.

В. А.: Ну, конечно, особенно учитывая 70-е годы, этот культ дефицитной и дорогой черной икры...

П. К.: Или мемы Саида: «Джавдет мой. Встретишь — не трогай его». Тоже, я считаю, гениальнейший мем, и, главное, он хорошо показывает наш особый «потребительский» менталитет, связанный именно с таким чувством собственности! Или «Джавдет — трус, Абдулла — воин», и мы видим, что действительно Абдулла и погибает, можно сказать, в момент своего бестрашия. И отношение Сухова к нему: «Абдулла, — вот это потрясающе просто, — оставь себе патроны, нечем будет застрелиться!»

В. А.: Ну а чуть раньше еще классный мем: «Абдулла, руки-то опусти».

П. К.: То есть как бы дружеское и опять же — чуть не по-христиански антиномическое

В. А.: Это военный юмор, да.

П. К.: Или как бы эротичный мем Сухова: «У тебя ласковые жены, мне хорошо с ними...» И Абдулла принимает правила игры: «Я дарю тебе их. Сейчас вам будет совсем хорошо!» Или его же: «Плохо тому, у кого вовремя не окажется кинжал». Здесь есть та же самая

брутальность: кинжал должен быть всегда наготове у настоящего героя.

Кстати, враг пытается поймать русского героя опять же на расслаблении: «Хорошая жена, хороший дом — что еще нужно человеку, чтоб достойно встретить старость?» Причём тут имеется в виду подтекст — не только в старости, но и вообще так жить.

Заметьте, герой-победитель Сухов общается со своей Екатериной Матвеевной только во сне, пишет ей потрясающие письма. Но это любовь на расстоянии. А «освобождённые женщины Востока», считающие его своим новым мужем, готовы на всё, но Сухов — именно поэтому! — просто антипотребительски несгибаем.

В. А.: Да, многожёнство — это ключевая метафора и интрига всего фильма, она построена вокруг него. Из-за жён погибает Абдулла, поскольку он за ними возвращается. Из-за желания завести роман с Гюльчатой гибнет Петруха. И даже Верещагин, умудрённый и опытный человек, готов был бы уже пойти с Суховым, но тут возникает препятствие в лице его жены. И в результате рождается ещё один его мем: «Пулемёт я вам не дам». Если бы он дал им пулемёт и пошёл с ними, как он хотел, то узнал бы о заминированном корабле.

Смотрите, как интересно, у нас параллель с двумя фильмами выстроилась. В одном главные героини — это женщины, которые любят ещё совсем юного солдата, и будут ждать его, хотя мы знаем, что он погиб. А в другом у нас дилемма: на вой-

не мужчина не должен впускать феминное начало в свою душу. Это секрет его, как сказочного русского солдата, что в огне не горит, в воде не тонет.

П. К.: Точно, и здесь же источник его победоносности! Герой должен оставаться лёгким, чистым, самодостаточным, тогда он побеждает и избегает гибели. Ни гарем, ни жена, ни тем более корабль с награбленным барахлом не способствуют героизму... Он требует — ни много, ни мало — мирской аскезы.

Я бы хотел сейчас закончить разговор о «Белом солнце», ответив на вопрос: почему он действительно был так близок и важен космонавтам?.. Думаю, в силу совершенно поразительной адаптируемости к любому экстриму. И одна из главных бед нашей страны, приведшая к катастрофе 1991 года, что у нас три поколения мужиков не воевали и самоубийственно прогрессировали в расслабухе... Да, мы выиграли войну, но затем проиграли мир!

И здесь я бы перешёл к такому фильму, как «Место встречи изменить нельзя» Говорухина, в котором весьма доходчиво показан радикальный водораздел между героями и потребителями. Помните, оппозицию Глеба Жеглова и труса Пети Соловьёва, которая начинается ещё в первой серии с таких жегловских мемов, как: «И откуда у тебя, Петюня, такой изумительный сахар?», «Будь человеком, не жадись, и нам маленько сахарку отсыпь!». Это фразы мирского аскета, который требует от других не просто делиться, а естественно самоотвергаться, преодолевать эгоизм!

В. А.: Вайнеры хорошо знали материал, и Говорухин при создании фильма изучал реальные прототипы, собирал их чёрточки, словечки. Жеглов — это классический образ советского «мента», грозы уголовников. И его парадоксальность им самим сформулирована следующим образом: девять классов и два коридора. Я знаю эту среду. Они сами говорят, что милиция — это те же бандиты по психотипу, только принявшие другую сторону. И в Жеглове это очень ярко показано — в его лексике, в его подходе, в его психологии...

П. К.: Это и дороже, что он не просто как какой-то чистоплюй-интеллигентик, так сказать, которому заведомо чужда бандитская стихия, а, можно сказать, свой.

В. А.: И в этом смысле он настоящий «мент», потому что именно он кладёт карманнику кошелек в карман.

П. К.: Конечно.

В. А.: Он способен пойти фактически на подлог, чтобы остановить более страшное преступление. Это осознанное действие.

П. К.: И отсюда весь антиномизм его знаменитой фразы: «Вор должен сидеть в тюрьме». Так он работает по своему настоящему призванию.

В. А.: Более того, он играет, он актёр в своей профессии. Помните, как он передаёт бандитам через Васю Векшина фразу: «Наш пахан ихнего не глупее»? То есть он глубоко знает воровской мир изнутри и частично отождествляется с ним для того, чтобы его победить.

П. К.: И опять тем он дороже. Когда фильм вышел на экран, наши киноведы возмущались тому, что текст братьев Вайнеров «Эра милосердия» искажён, что Жеглов должен был быть героем преимущественно отрицательным, как бы в противовес Шарапову.

В. А.: Ну да, в некотором смысле. Жёсткий такой муровец сталинского типа.

П. К.: Да, да. То есть он там заведомо не должен вызывать симпатий.

В. А.: Думаю, замысел Вайнеров всё же тоньше, у них показана разница между чисто юридическим и живым, жизненным пониманием справедливости. Жеглов не прав с точки зрения юридической, но прав с более высокой точки зрения. Очень русская тема. С такой пуританской, буквоедской стороны, Шарапов, безусловно, выигрывает по сравнению с Жегловым, но в фильме происходит выравнивание. И в чём главная,

так сказать, красивая метафора фильма? В том, что сначала Шарапов жётко отрицает право класть кошелёк в карман рецидивисту Бисяеву, то есть совершать подлог, а потом сам как разведчик идёт в банду и превращается фактически в кошелёк в чужом кармане, понимаете? То есть он косвенно подтверждает правоту Жеглова, что надо идти на подлог, на хитрость. И здесь он действует как военный разведчик, вчерашний командир разведроты.

П. К.: Да, это так. И Шарапов в веру Жеглова обращается, по большому счёту. Здесь я вижу уже переключку и со Штирлицем, как ещё одним культовым героем советского кино. У Говорухина дана эта чёткость, которой принципиально не хватало культуре расслабления: «Я их, вы-ползней поганых, давил и давить буду!» Или, помните, когда Копчёный пытается отдать ему выигранные в бильярд деньги, Жеглов называет их погаными?

Та же воинская жёсткость и брутальность хорошо обыграна и в сцене преследования Фокса, когда на вопрос: «А как держать?» — Жеглов отвечает: «Нежно». Вот они, «глазомер, быстрота и натиск»! Это роднит фильм Говорухина и с фильмами Быкова, и с «Белым солнцем пустыни».

Возьмём теперь фильм Балабанова «Брат» в двух частях. Один из немногих фильмов, который в постсоветское время действительно стал реально народным. Детский вопрос — почему? А вот опять, как в случае с Жегловым, вещи откровенно называются здесь своими именами.

При этом, надо сказать, фильм переходит за грань политкорректности своей эпохи. Там есть такие мемы, как «Не брат ты мне, гнида черножопая» или «Вы мне ещё за Севастополь ответите». То есть герой Бодрова на словах просто напрашивается быть названным русским фашистом, как это тогда и делали. Да, здесь Балабанову особая честь и хвала. Он усложняет неполиткорректные моменты тем, что субъективно-то сам Данила не то что себя фашистом не считает, а он вообще даже не представляет, как такое может быть. На деле он просто настоящий русский мужик, и именно эта нормальность предполагает его чёткое отношение к врагам.

В. А.: Это такой вариант Робин Гуда, то есть квазибандитский вариант. В первой и во второй серии «Брата» он идёт на некие тоже, как и Штирлиц, как и Шарапов, так сказать, возможности лжи, подло-

га и так далее, но ради справедливости, ради правды.

Потому что, заметь, он обращается к Фашисту, чтобы получить у него боеприпасы, хотя ему это внутренне неприятно. Он обращается там к другому человеку, чтобы подделать документы. Они угоняют машину, и так далее, и так далее. То есть они совершают, в принципе, целый ряд преступлений, но, в отличие от обычных бандитов, они совершают их ради высшей цели. Фашист, поддельщик документов и тот, кто угоняет машину, — это как бы люди типичные для своего времени, 90-х годов. Но при этом герой-то другой. Это последний герой, так сказать.

И брат его бандит. Он приезжает к брату, брат его как киллера тут же нанимает. И вместо того, чтобы стать бандитом, настоящим бандитом, он просто-напросто, как антивирус, нейтрализует обе банды, уничтожает их фактически, забирает их деньги и уезжает в Москву. То есть у него свой путь в этом бандитском Петербурге, потом — в бандитской Москве. Он использует бандитов для своих целей. Их деньги забирает для того, чтобы решить свою задачу.

П. К.: И не боится выглядеть бандитом!

В. А.: И в итоге выходит на главного мафиози, который владеет хоккейным клубом, чтобы и там несправедливость нейтрализовать.

П. К.: Тут почему герой стал народным? Вопрос риторический: потому что он не боится именно юридически запачкаться. Ему плевать, что о нем скажут.

В. А.: Он, во-первых, не боится запачкаться. Во-вторых, он не боится их совсем. Потому что он прошел чеченскую войну. И в этом смысле он герой в прямом смысле слова.

Понятно, что главный, центральный мем — это «Сила в правде, у кого правда, тот и сильнее». Другой мем: «Русские на войне своих не бросают» — это он говорит проститутке, которую вытаскивает из США. Или по поводу мнимого бандитизма. Там есть один афоризм, он абсолютно точно выражает суть: «Вы гангстеры?» — «Нет, мы русские».

П. К.: Вот, вот! То есть это опять прямое юродство! Его обзывают гангстером — он смиренно не возмущается!

В. А.: То есть играет по другим правилам, если называть вещи своими именами. И очень подкупает в этом образе такой органический патриотизм: «Поехали домой, там хорошо». Ему просто хорошо дома. Он не представляет себе другой жизни. Она говорит: «Что я там буду делать?» Он отвечает: «А что ты здесь делаешь?»

П. К.: Причем это не надо конкретизировать. Если мы с войны, мы понимаем, что дома любому хорошо. Это как в любви! За что люблю? Да люблю, и всё. Так и здесь. То, что у нас в крови сидит, это то, что наше, русское. Когда мы любим ни за что, вопреки всему, вопреки тем более потребительским ценностям.

В. А.: Но вот эта простота, она сродни тому простому состоянию ума, которое бывает у человека, близкого к земле. И вот, заметьте, там есть такая фраза, которая предвещает главным мем фильма, она звучит следующим образом: «Вот у тебя много денег. И чего?» Сильный мем!

П. К.: Да-да! Это опять вот это антипотребительство, только уже в контексте юродственном и — героическом. Как «Павлины, говоришь?» — у Сухова. Мем, между прочим, для Верещагина очень обидный.

В. А.: Да. Я помню, когда Прохоров делал свою рекламную кампанию, он украл фактически, независимо от юридической стороны дела и выкупа каких-то прав, из фильма «Брат-2» мем и повесил его на билбордах в Москве в 2011 году.

П. К.: Это какой?

В. А.: У него называлось партия «Правое дело», по-моему. И там было написано: «Сила в правде. У кого правда, тот и сильней». Это был мем его рекламной кампании, совершенно неорганичный для него. Гораздо логичнее было бы ему написать на растяжках: «В Америке вся сила мира». «Кто сильнее — тот и прав». «Сила в деньгах». И тому подобное.

И вот мне видятся плакаты новой политической силы, у которой будет написано в адрес олигархов: «У тебя много денег — и чего?»

Это уже время приходит. Я думаю, оно не за горами.

П. К.: И главное, опять же, гениальная простота. Вот на этом оптимистическом фоне хотелось бы перейти к сталинским фильмам.

Возьмем мегапопулярный фильм «Чапаев». Главный мем какой оттуда бы и сейчас пошел в народ? «Белые приходят — грабуют. Красные приходят — грабуют». Или ещё один: «Я попадусь, стреляй в Чапаева» — это когда он грозит отдать под трибунал всех мародеров, баракхольщиков.

В. А.: Очень популярны в народе мемы самые простые. Например: «Кто такой? Почему не знаю?». И второй: «Ишь ты какая!» Они практически на грани спонтанного языка. Кстати, «Кто такой, почему не знаю?» потом даже в других фильмах воспроизводится. Например, в том же «Месте встречи» Жеглов его цитирует...

Есть ещё один очень интересный мотив в «Чапаеве». Заключается в том, что в сценарии много такого высокого культурологического материала, и он там чрезвычайно органично вписывается. Я два примера приведу. Один: «Александр Македонский тоже был великий полководец, но зачем же табуретки ломать?» Это цитата из Гоголя. А ещё одна фраза, совершенно, на мой взгляд, выдающая высокий культурный уровень фильма: «А то ведь я академиев не проходил, я их не закончил». Это парафраз многих древнерусских формул, таких как: «эллинских борзостей не текох, с мудрыми философами в беседе не бывах». Нечто подобное и в «Собачем сердце» Булгакова, когда Шариков говорит: «Мы в университетах не обучались».

П. К.: Однако в фильме «Котовский» ближайший сподвижник Котовского какую-то глупость сделал в бою и в своё оправдание говорит: «Мы академиев не кончали». И ответ Котовского характерен: «Дурак, нашёл чем гордиться».

Кстати, и в «Чапаеве» есть подобный мем — «Соображать надо». Или там же: «Ранен? Ну и дурак!»

В. А.: Ну, «академиев не кончали» и в то же время фронтом мог бы командовать, да? Чапаев, кстати, прямо говорит, что ему не мешало бы подучиться. За счёт того, что есть Фурманов и Чапаев, есть вот эта линия академии и высокой культуры, в том числе ведения войны. И в данном случае была прямо показана высокая культура, это психическая атака каппелевцев. Но она не помогает.

П. К.: И согласитесь, что это очень народная интонация — «Красиво идут! Интеллигенция!». И опять с юродственным подтекстом!

В. А.: Когда эта сцена начинается, когда офицерский корпус приближается, часть пехоты чапаевской впадает в истерику. Мы там видим таких уголовных матросиков, которые рвут тельняшки на груди. В этом смысле фильм показал Гражданскую войну немного с изнанки, что на стороне красных воевали далеко не только психически устойчивые люди.

П. К.: Хотелось бы еще вспомнить очень мощный антиолигархический фильм, который по этой причине актуален и сейчас — «Александр Невский» Эйзенштейна. Это 1938 год. Там ярко показаны образы предателей Земли Русской и их связь с новгородской олигархией, о которых говорят: «Где у них барыши,

там и родина». Плюс очень мощная прокофьевская тема, ни в одном из других сталинских фильмов, даже у «Чапаева», такой очень русской музыкальной темы нет. И самые главные слова Александра Невского знаменательны, в конце фильма уже: «А если кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет. На том стоит и стоять будет Русская земля»...

В. А.: В этом смысле рифмуется с фильмом «Иван Грозный», в котором также одна из серий заканчивается словами: «Не дадим в обиду Русь». И там тоже Черкасов играет, что подчёркивает родство великокняжеской линии: Ивана Грозного как прямого потомка Александра Невского. Согласитесь?

П. К.: Да. И эти мотивы тоже в духе «Брата». Почему я говорю, что «Брат» «по-прокофьевски» сегодня прозвучал: народ соскучился по прямым речам, по прямому, по-русски сказанному слову...

/ Михаил КИЛЬДЯШОВ /

«Вместо пули слово заряджу...»

Прохановские передовицы – это рука писателя на пульсе страны

Слово — организационное оружие. Самая мощная и надёжная его разновидность. Там, где истощается зримый образ, рассыпается нотный стан, распадается череда смонтированных кадров, слово, несущее хотя бы горчичное зерно истины, преодолевает время и пространство, огонь и воду, ложь и отчаяние.

Слово, прозвучавшее как молитва, вырвавшееся как боевой клич, родившее музыку стиха, меняет мир: упраздняет всё суетное и озаряет неземным светом главное, спасительное. С каждым произнесённым или написанным словом меняется соотношение добра и зла. И когда порой кажется, что тьма вот-вот окутает мир, является Слово и рушится адава крепость.

Пушки умолкают, патроны заканчиваются, гранаты дают осечки, но слово неизбежно. «Автомат для боя снаряжу — вместо пули сердцем заряджу» — в этих поэтических строчках Александр Проханов и воплотил боевую природу слова, в которое говорящий и пишущий, как воин, всегда вливает каплю собственной крови, и утвердил миссию ратника за Отечество, чьё перо, как «штык да зубья вил».

Но на том поле, где сталкиваются смыслы, где одни стремятся сохранить культурные коды, а другие выдать их врагу, чтобы всё спасительное и созидательное было перекодировано, мутировалось и извратилось, — там стреляющее слово должно бить непрекращающейся очередью. Потому ратник за Отечество ищет для пули-слова идеальную форму, чтобы противник, вопреки всем баллистическим законам, даже через самую прочную броню был поражён.

Прохановские передовицы — и есть идеальная форма слова, которое стало организационным оружием, стало литературной «наукой побеждать». Уже больше четверти века вылетают они бронебойными снарядами из установок залпового огня «День» и «Завтра». Передовица

Прохановские передовицы — и есть идеальная форма слова, которое стало организационным оружием, стало литературной «наукой побеждать». Уже больше четверти века вылетают они бронебойными снарядами из установок залпового огня «День» и «Завтра». Передовица стала не просто главной статьёй номера, вынесенной на первую полосу, не просто ядром газеты, ключевой темой, вокруг которой сосредоточивается весь выпуск. Прохановская передовица — это капсуль-детонатор, порождающий взрывную волну...

стала не просто главной статьёй номера, вынесенной на первую полосу, не просто ядром газеты, ключевой темой, вокруг которой сосредоточивается весь выпуск. Прохановская передовица — это капсуль-детонатор, порождающий взрывную волну, что распространяется на все материалы номера. И тогда газета врывается в информационное поле, сотрясает его, как смысловая бомба: банальные суждения разматаются, неоправданные прогнозы вытесняются, «жизнь встаёт в другом разрезе», и открывается потаённая суть событий.

Прохановские передовицы — это рука писателя на пульсе страны. Мгновенная реакция на социальную аритмию. Подобно связисту, который в разгаре боя соединяет зубами разорванный кабель, чтобы приказ вовремя достиг цели, автор своими статьями заделывает пробоины в световом поле истории, «чтоб не распалась связь времен».

Но при всей оперативности передовиц, написанных будто не за рабочим столом, а в окопе, есть в них не только нерв современности, но и вечные смыслы русской жизни. Не только то, что нужно читателю сегодняшнего дня, но и то, что останется важным для читателя дня грядущего.

Сложно в отечественной словесности привести подобный пример жизнестойкости газетных статей,

которые интересно увидеть изданными в книге, узреть в них не только летопись, но и пророчество, предостережение, наставление. Вспомнится, пожалуй, лишь Иван Аксаков, чьи газетные и журнальные статьи, написанные во второй половине XIX века, теперь переиздаются большими томами и поражают современного читателя своей актуальностью: «Народный отпор чужестранным учреждениям», «Отчего безлюдье в России», «В чём наше историческое назначение?», «Об отсутствии духовного содержания в американской народности», «В чём сила России?».

Так и передовицы Проханова уже сложились в несколько книг, которые сохраняют на своих полках наши потомки. По этим книгам можно подготовить спецкурс для студентов-журналистов, показывая, какую идеальную форму может обрести «слово, пронесённое сквозь ад», насколько лаконичным, ярким и образным оно становится, отстраняясь от суеты и лжесвидетельства. Тому, кто решился произнести подобное слово, уже ничего не страшно, его может «остановить только пуля», да и та пролетит мимо, потому что слово праведного боя подобно слову 90-го псалма. В этом слове слышна «поступь русской победы». Это слово облегчает страдания «Новороссии, кровью умытой».

В передовицах Проханов и тонкий аналитик, и пламенный трибун,

и футуролог. Но что бы он ни создавал — воззвание, лирическое эссе, портрет современника, очерк о поездке туда, где одухотворённые люди заняты **общим делом**, — Проханов неизменно остаётся художником. Передовицы часто оказываются основой его литературных образов, вплетаются в ткань романов, вкладываются в уста персонажей. Из передовиц, как из раскрывшихся бутонов, возникают пейзажи и исторические панорамы, подводные лодки и самолёты, храмы и монастыри.

О ком бы ни писал в передовице Проханов — о недруге или о друге, — его язык — это всегда метафора и метафизика — «сверхзначение» и «сверхприрода», когда небесное прозревается в земном, когда соединяются в пульсирующей точке бытия пространство и время, когда жизненный опыт одного человека вбирает в себя исторический опыт всего народа, становится подтверж-

дением и утверждением Божественных истин: *«У русского народа есть таинственное, восхитительное и бесподобное богатство — его история, в которой он пережил великие нашествия, великие откровения, великие горести и ослепительные победы. Основал небывалое царство, земные границы которого омывают великие океаны, а небесные границы соединяют его с царством небесным».*

Каждая передовица Проханова — это еженедельная прямая линия главного редактора со своими читателями, прямое переливание идей, образов и упований. Это «Слово к народу», произнесённое в личную минуту, подобное тому слову, что начиналось с обращения «братья и сёстры!»: *«Начнём с этой минуты путь ко спасению государства. Создадим народно-патриотическое движение, где каждый, обладая своей волей и влиянием, соединится во имя высшей цели — спасения Отчизны».*

Создавая в 90-е годы «газету духовной оппозиции», Проханов все силы, весь талант сосредоточил на борьбе с врагами. Тогда заголовки передовиц звучали как боевой клич, горели огненными буквами, будто лозунги на плакатах многотысячной демонстрации: «Мы — из русской цивилизации!», «На нашей улице будет праздник!», «Дума, объяви импичмент предателю!», «Армия Петра I и Сталина — непобедима!», «За русский народ! За Родину! За победу!», «Батарея!.. По врагам России!.. Огонь!..».

Прохановское слово боролось за спасение красных смыслов, красных подвижников и героев, красных созидателей. С их гибелью в небытие ушёл бы не просто исторический период, но и вся многовековая Россия. Не только разорвалось бы время, но и окончательно распалось бы пространство.

Красный цвет в заголовках красных передовиц был уже не просто

цветом революционного знамени. Он был символом мученичества тех, кто положил свою жизнь на алтарь Родины в октябре 1993 года. Из передовиц, как из мегафона, звучало, что «красный смысл не покинет Россию», что если враг вступит на Красную площадь, то обожжётся, будто тронет раскалённый булат.

В период борьбы с клеветниками России, что создали «партию сласти», поклонились уже не золотому тельцу, а «золотому унитазу», пробили либеральную дыру в истории, — главным воплощением красных смыслов стала Победа 1945 года. Нельзя было позволить врагу победить Победу, нужно было «бросить к Мавзолею штандарты НАТО».

В передовицах Проханова красная эра была осмыслена не как грубо атеистический, богоборческий период, а как эпоха с особой метафизикой, в которой, благодаря трудовому и боевому подвигу, единица в одночасье могла стать равна миллиону. Так знамя Победы становилось «иконой XX века».

От всполохов этого знамени слепли изменники и хулители, растворялась ядовитая энергия главной телебашни. Враги Отечества, убийцы Советского Союза боялись передовиц Проханова, как снайперских пуль. Один за другим бесы, вселившись в свиней, готовы были ринуться в пропасть. Родина одолевала их, как тяжкое иго, соскабливала, как коросту: «Россия своей угрюмой силой и божественной волей сбросит со своих плеч этот прелый зловонный тулуп, в котором копошатся мелкие кровососы и твари. Вновь омоется светом, облачится в светлые ризы. И мы ещё увидим посветлевшие глаза стариков, успокоенные очи матерей и сестёр. Как хочется покончить с изнурительной борьбой, забыть о пучеглазых, искажённых ненавистью телевизионных личинах. Как хочется положительного, прямого, не связанного с отрицанием поступка и действия. Хочется дожидаться трудов, до урожая, до космических пусков, увидеть Родину исцелённой. К этой потаённой меч-

«Фарш» миллионов О либеральной «перхоти» и «коллективном Кудрине»

Один русский хасид стоит ста американских

Примеры заголовков-мемов Проханова

те — наше шествие и наше движение. Мы — народ — бесконечны, никогда не умрём. И в этом ликовании мы поднимаем вверх глаза, и в синем туманном небе, как виденье, летит над Родиной Красный Ангел Победы».

И наступило время нового государства Российского, на защиту которого встала газета «Завтра». Оно нуждалось в новых смыслах, в новой большой работе, в «стратегии рывка», в «запуске русского реактора», в новых горизонтах и ориентирах, которые постепенно выкристаллизовывались в передовицах Проханова.

Теперь Россия, как всплывающий град Китеж, становилась светоносной Империей, что сберегла многообразие пространств, народов и традиций, восстановила алтари и заводы. Она сохранилась благодаря русскому чуду, что из века в век выводит Россию из тупиков, переносит её через пропасти: «в народном сознании, как в квашне, поднимается новое тесто, зреет хлеб будущего. Ещё не виден пекарь, ещё не намазаны противень, но уже пылает печь, готовая сотворить каравай Русского Будущего».

Россия грезит о высшей справедливости. Той, что не укладывается в земные кодексы и законы и творится Божьей Правдой: «Бог создавал звёзды, цветы, человека по образу своему и подобию, положив в основа-

ние священный закон справедливости. Если закон нарушается — гаснут галактики и солнца, падают царства, исчезают цивилизации и культуры». Божественная правда дарует народу мечту о всеобщем благоденствии, о русском Рае, о земле, где Россия сомкнётся с Царствием Небесным.

Именно такими в передовицах последних лет предстали Крым и Арктика — «предвечная», «обетованная», «благословенная» земля. В одной государство Российское через князя Владимира приняло Крещение, в другой, пройдя по шапке вечных льдов, коснулось неба. Такая Империя больше своей географии и истории, в её системе координат есть Божественная ось, где дух сильнее материи, а вера вернее расчёта.

Так мечта, чудо, справедливость и русский рывок стали категориями, метафорами, символами, которые в прохановских передовицах создают актуальное будущее, укрепляют «оборонное сознание», приумножают терпение, ибо «претерпевшим до конца даруется Победа».

Слово, летящее со скоростью пули, опережает реальность, обгоняет время, прокладывает путь для жизни. И вот оно плавно опускается на газетную страницу, та дрожит в предчувствии новых смыслов. На бумаге проступают алые буквы: ВМЕСТО ПУЛИ СЛОВО ЗАРЯЖУ.

/ Наталья СКОУНТРИДАКИ, Александр ПАШИН¹ /

Внимание: **ИНДУСТРИЯ ИГР!**

Одним из конкурентных преимуществ России является высокий творческий потенциал разработчиков видеоигр. А это идеальное пространство внедрения значимых образов и культурных героев

¹ Об авторах: Наталья Скоунтридаки — референт Изборского клуба; Александр Пашин — гейм-дизайнер, продюсер онлайн-игр.

Всё больше людей осознаёт, что мы живём в эпоху неклассической войны. Той, про которую бы наши предки сказали «сё рать за сердца и души». Война за умы. Война за будущее. Война без бомб и пулемётов. Тихая, незаметная снаружи война, на которой, казалось бы, не проливается ни капли крови. Война букв, война звуков, война символов. Война за умы. И разворачивается она вокруг нас, хоть и видим мы со своих мест лишь вершушку айсберга.

На первый взгляд, это информационная война. Но не в СМИ и не в интернете. И даже не в кино. Это намного более тонкая, манипулятивная и непрямая форма войны за проецирование своей версии бывших и текущих событий, закладываемых исподволь как в неокрепшие детские, так и даже во взрослые умы. Это война смысловых образов. И мы её проигрываем, хоть и не успели толком начать.

Когда рассматривают механизмы этой борьбы, обычно называют СМИ, кино, интернет с его «фабриками троллей», многие книги, некоторые песни. За исключением интернета всё это достаточно возрастные механизмы, которыми пользовались ещё наши предки. Между тем, политически активная аудитория всё молодеет и использует совершенно другие каналы информации, которыми пока пользуются небольшие по численности специалисты.

Есть одна сфера, которую рассматривают реже, — это игры. Стереотипное восприятие говорит о том, что «игры для маленьких», «в игры играют только дурачки», «игрушки никому особо не нужны — в них в лучшем случае коротают время», «игр не так уж и много (а вот кино, телевидение или книги)»... Однако картина резко меняется, если от стереотипов перейти к цифрам.

Мировой рынок развлечений (так называемый entertainment) — это кино, музыка, театры, игры, книги, периодика и т. д. Традиционно считается, что больше всего денег на рынке развлечения генерирует киноиндустрия. Это достаточно распространённое заблуждение и лучше всего его опровергать цифрами, взятыми из открытых источников за 2015 год, когда доход рынка кино составил 39,9 млрд долларов, тогда как индустрия компьютерных игр заработала 58,3 млрд. Иными словами, сейчас разрыв между рынком кино и рынком игр (только компьютерные и консольные игры — не берём в расчёт мобильные и другие разновидности) составляет около пятидесяти процентов в пользу последнего.

При этом разница в темпах роста тоже далеко не в пользу киноиндустрии.

Согласно исследованиям аналитического игрового сервиса агентства Newzoo (Newzoo's 2017 Global Games Market Report), за последние пять лет доходы от продаж игр в мире увеличились на 56%. И на \$ 70 млрд, достигнув рекордной отметки в \$ 109 млрд по итогам 2017 года. Согласно прогнозам, к 2020 году капитализация мирового рынка видеоигр составит \$ 128,5 млрд (+15,2% к уровню этого года).

Оборот индустрии игр за 2017 год составил сто шестнадцать миллиардов долларов США. При этом рынок мобильных игр и рынок игр для стационарных игровых устройств (компьютеры и консоли) поделили доходы почти поровну, за некоторым лидерством последних, но мобильные игры показывают больший темп прироста. Заметим, что печатные СМИ испытывают всё большие проблемы и переходят в интернет, кино тоже всё серьёзней смотрит в сторону интернета, книгопечатать теряет позиции и опять-таки активно уходит в цифровой формат, практически вся музыка уже давно там. Игры как индустрия пришли давно (в 1970-х) и надолго.

Но может, это только во внешнем мире? Проверим, что в России. Согласно исследованию, проведённому Mail.ru Group, 58 процентов россиян играют в игры. И это не шутка. Да, практически каждый второй россиянин играет в игры. И чем россияне моложе — тем выше процент играющих. Средний возраст игрока — тридцать лет, а шестьдесят восемь процентов всех игроков — взрослые люди (старше восемнадцати лет). При этом сорок пять процентов всех игроков России — женщины. Почти каждый второй игрок — это семейный человек, а около восьмидесяти девяти процентов родителей играют в игры вместе со своими детьми (чаще всего в детские игры).

77 процентов всех игроков играют хотя бы один час в неделю. 36 процентов игроков играют в игры на своих смартфонах. Да, понятно, что кино и телевидение (если их объединить вместе) смотрит ещё больше народа. Но насколько долго это продлится (доля смотрящих ТВ уже сейчас стремительно сокращается)?

Хотим мы или нет, но компьютеры, приставки и планшеты со смартфонами распространяются всё сильнее и сильнее. Особенно последние. Ведь как сообщает ПАО «МТС» продажи смартфонов в РФ по итогам 2017 года в натуральном выражении выросли на шесть процентов — до 28,4 млн устройств. Таким

Разработчики игр с территории экс-СССР выпускают отличные продукты мирового уровня, а команды разработки и издания уже который год уверенно попадают в мировой топ-10 как по качеству, так и по популярности/доходу. Но тут есть ложка дёгтя: за редчайшими исключениями (игра World of Tanks) выпускаемые ими проекты нацелены только на быстрый возврат вложений и используют экспортные формы как содержания, так и подачи материала. Фактически места, события и главные герои — кальки с западных образцов с небольшими изменениями. Иными словами, в проектах отечественных разработчиков в большинстве случаев ничего русского нет, их продукты абсолютно космополитичны.

образом, 2017 год стал рекордным по продажам в штуках, впервые превзойдя показатели за 2014 год (тогда было продано 27,6 млн устройств). А всего в России за четыре года было продано более ста миллионов устройств. И это при численности населения страны в сто сорок шесть миллионов. Думаю, мысль очевидна: проникновение мобильных устройств скоро будет составлять цифру, близкую к ста процентам. Что ещё больше увеличит игровую аудиторию.

В ежегодном «Всемирном обзоре индустрии развлечений и СМИ: прогноз на 2017–2021 годы» отмечается, что российский сегмент растёт главным образом за счёт быстро увеличивающегося объёма продаж мобильных игр, вызванного растущим числом смартфонов и возросшим желанием потребителей тратить деньги на игры. Темпы роста российского рынка видеоигр будут одними из самых высоких в мире, в 2021 г. его объём достигнет \$3,7 млрд при совокупном среднегодовом темпе роста на уровне 17,8%.

Каковы основные способы трансляции определённого мировоззрения и ценностей в современном мире? Кажется, что они очень широки, но на самом деле — ограничены в силу разной плотности охвата. В первую очередь, это интернет, книги, арт-объекты, музыка, кино и... игры! Каждый серьёзный носитель своей идеи в мире старается использовать эти инструменты на полную катушку. Оставим в стороне интернет и рассмотрим остальные жанры масс-медиа с точки зрения текущего положения с ними в нашей стране.

Будем честными: в области кино (не важно, полный метр, сериалы или иные форматы): у России сейчас на постоянной основе выдавать востребованные мировым потребителем, за пределами экс-СССР продукты не получается. Аналогичная ситуация и с современной музыкой, и с литературой. Арт-объекты (изобразительное искусство, архитектура и т.д.) находятся в чуть лучших условиях, однако

не достигли того уровня, о котором мы могли бы говорить как о формате, в котором наша страна является законодателем мод.

Однако с играми — совершенно иная ситуация. Разработчики с территории экс-СССР выпускают отличные продукты мирового уровня, а команды разработки и издания уже который год уверенно попадают в мировой топ-10 как по качеству, так и по популярности/доходу. Но тут есть ложка дёгтя: за редчайшими исключениями (игра World of Tanks) выпускаемые ими проекты нацелены только на быстрый возврат вложений и используют экспортные формы как содержания, так и подачи материала. Фактически места, события и главные герои — кальки с западных образцов с небольшими изменениями.

Доходит до смешного: в успешных проектах, изготовленных западными и отечественными командами, Россия подается или негативно, или в форме развесистой «клюквы»: автомат Калашникова, балалайка, водка, ушанка, мафия, медведи, радиация и КГБ — вот узнаваемые признаки Русского мира. Примерами подобных стереотипов может быть серия игр Red Alerts, Tekken 5, Call of duty 2, GTA 4, Singularity, Original War, Mother Russia Bleeds.

А в проектах отечественных разработчиков в большинстве случаев ничего русского нет. В буквальном смысле! Вспомнить тот же «Мор» («Утопия») или успешные компании по разработке игр для мобильных, такие как Playrix, которая заняла первое место в топе европейских издателей мобильных игр по объему доходов от Google Play и App Store в августе 2017 года, по данным исследования App Annie. Их продукты абсолютно космополитичны, в них не увидать русскую самобытность.

Казалось бы, в этом нет никакой проблемы: ну не играют люди в хорошие игры с достойным образом России и не играют — сколько их, этих странных игроков? Но тут есть нюанс. 2,2 миллиарда людей (каждый четвертый!) на планете хотя бы раз в жизни играли в мобильную, компьютерную или консольную игру. Между прочим, об этом прекрасно знают наши западные коллеги. Недаром министерство обороны США, получив компьютерный симулятор войсковых взаимодействий, потом заказало его переделку в бесплатную игру, в которой игрок может выступить на стороне армии США и поучаствовать в боях против террористов, а заодно... посетить виртуальный вербовочный пункт американской армии, прочитать патриотические призывы и даже подать заявку на вступление в ряды реальной армии.

По оценкам самого МО США, в 2017 году 8–10% призывников срочной службы пришли через данную игру или под её воздействием. И это не единичный пример использования игр, в том числе для государственной пропаганды.

Приведём некоторые показательные факты **государственной поддержки компьютерных игр как нового вида искусства:**

- 05.05.2011. Правительство США в лице Национальной программы поддержки искусства — National Endowment for the Arts (NEA) признало компьютерные и видеоигры новой формой искусства, и они финансируются государством на равных с киноиндустрией.
- 18.08.2008. В Германии компьютерные игры WarCraft, Stalker, Call of Duty или Monkey Island признали художественным достоянием, а их разработчики входят в состав Немецкого совета по вопросам культуры.
- 09.11.2006. Министр культуры Франции Рено Доннедье де Вабр признал компьютерные игры искусством и пообещал государственную поддержку их создателям, по сообщению The New York Times.
- Начало 2000-х. В Корею компьютерные игры — гордость и достояние государства, киберспорт популярней любого другого, в частности, игра Starcraft. Это уже национальная идея, более 3/4 страны являются геймерами, также ежегодно проводится кубок президента по компьютерным играм.

Так почему у нас в России никто не делает игры, которые показывали бы нашу культуру, рассказывали о нас в положительном ключе, экспортировали бы наши ценности и наши идеалы? Ведь игры — прекрасный инструмент партизанского маркетинга, оказывающий незаметное и аккуратное влияние на восприятие объектов игры в реальном мире.

Ответ очень прост: такие проекты надо делать качественно, а значит — дорого и долго. Это отпугивает основную массу отечественных издателей и разработчиков, так как не даёт сверхприбылей на коротких временных отрезках. У нас никто не хочет вкладывать большие бюджеты в проекты, которые делаются дольше, нежели типовые игры для получения денег здесь и сейчас. Зато мы отлично вкладываем огромные бюджеты в киноиндустрию, которая очень редко может выдать такой экспортный вариант продукции, чтобы его охотно покупали прокатчики за рубежом.

Давно назрело сделать серию достойных игр, которые будут рассказывать на современном языке историю России.

Кто-то может возразить, что это никому, кроме нас, неинтересно. Но это не так. Вся западная кино- и игровая индустрия сейчас живёт на типовых образах мифов Скандинавии, англосаксов, произведений пары популярных фэнтези писателей (Толкин и Роулинг). Игроки по всему миру уже пресытились столь однобоким контентом. Всё более востребованным становится альтернативный контент. Так, в последнее время начали получать популярность качественные проекты из небольших европейских государств, рассказывающих их мифы и историю, ранее неизвестные широкой публике. Ярчайшие примеры — цикл игр «Ведьмак», созданный польскими разработчиками по произведени-

ям польского же писателя Сапковского, черпавшего многие идеи из фольклора родной страны², или новая игра «Пришествие королевства: избавление» от чешской команды, рассказывающей историю гуситских войн. Эти игры были настолько интересны мировой аудитории, что за первые дни продаж полностью окупали разработку, расходясь в итоге многомиллионными тиражами. Эта становящаяся трендом возможность использовать новые для западной аудитории образы в искусстве заставляет задуматься о совершенно незанятой нише — использовании в гейм-индустрии богатейшего исторического и культурного наследия Русской цивилизации.

² «Ведьмак» польских разработчиков CD Projekt RED недавно стала весомой статьёй экспорта Польши и культурным достоянием Европы. Премьер-министр Польши Д. Туск презентовал Б. Обаме коллекционное издание «Ведьмака 2» как сувенир. Затраты на разработку главной игры 2015 года «Ведьмак 3: Дикая Охота» в 32 млн долларов окупались в первый день продаж. Полная стоимость «Ведьмака 3» — 81 млн долларов, что в два раза больше, чем при создании «Ведьмака 2».

Самой популярной характеристикой, которой наделяют мировые деятели культуры произведения российских авторов, — это «загадка русской души». Здесь важно учитывать, что эта душа и является определяющим фактором всего того, что производится в стране. Соответственно, и сфера видеоигр может использовать уже готовую идеологию и создавать игры, которые, прежде всего, будут обнажать именно нравственную сторону человеческой природы, в противовес развлекательной.

Важно понимать, что аудитория компьютерных игр — это не асоциальные элементы, потерянные для общества, как заявляется в большинстве непрофильных СМИ, которые зачастую не владеют реальными фактами. Наоборот, компьютерные игроки гораздо мобильнее, социализированнее и сплоченнее, чем пассивная киноаудитория.

Ядро игровой аудитории (люди, играющие регулярно) растёт из года в год. Игроки — это как минимум эмоционально молодая и наиболее активная часть общества. В настоящий момент компьютерные игры заменяют детям сказки, подросткам дают примеры для подражания, взрослым заменяют хобби и заполняют свободное время. Таким образом, содержание компьютерных игр уже производит большее воздействие на социум, чем содержание сказок, книг и комиксов, вместе взятых³.

Игры стали очень важным элементом современной культуры. И именно поэтому нельзя игнорировать это направление. Ведь это не что иное, как инструмент борьбы за умы и сердца. К нему с разных концов уже начинают примериваться самые разные компании и силы. В первых рядах там стоят желающие заработать (и уже зарабатывающие колоссальные суммы) инвесторы. Но за ними уже всю маячат смотрящие в будущее соперники, которым важно получить нечто большее — это опытные стратеги, играющие «вдолгую», развивающие собственные высокие технологии, рынки и заодно готовящие плацдармы.

И здесь как раз начинается самое интересное, а именно: через игры можно продвигать цивилизационные архетипы.

В качестве примера авторам статьи хотелось бы привести находящийся в разработке проект «Рубеж: Душа Сибири», который может стать заявкой на новую эпоху видеоигр

в России. Это первая российская масштабная остросюжетная компьютерная игра, достоверно описывающая уникальный мир Урала и Сибири времён освоения данных территорий русскими первопроходцами (XV–XVI вв.). В сеттинге игры образы славянских, тюркских, финно-угорских мифов сливаются с миром людей, живших в ту эпоху.

Для создания достоверной атмосферы того времени в популярной форме компьютерной игры используется богатый исторический материал, который поможет реконструировать самобытную культуру русских, татар, ханты, манси, коми-пермяков, башкир и других народов Урала и Западной Сибири XV–XVI вв. Проект реализуется в межнациональном формате, что означает широкое привлечение современных носителей культуры народов, представленных в игре для создания аутентичного игрового мира. Это предоставит возможность региональным специалистам участвовать в большом проекте AAA-класса (самом высоком бюджетном уровне) для повышения странового уровня.

И их компетенция является основой для нарративной линии, в которой рассказывается, в том числе, о процессах установления союзнических отношений между различными народностями растущей России. Нелинейный сюжет с несколькими героями показывает происходящие события с разных точек зрения, множество ситуаций сложного морального выбора и несколько развязок истории зависят от принимаемых игроком решений.

Видеоигра «Рубеж: Душа Сибири» — это масштабный национальный проект, который поддерживается Изборским клубом, и его главная задача — продвигать российские ценности и идеалы, показать нашу природу, легенды и мифы, костюмы, оружие, архитектуру, фольклор. Таким образом, будет создана яркая, удивительная, неповторимая история, в которую захотят погрузиться игроки со всего мира.

Это первый отечественный AAA-блокбастер, целью создания которого является не только коммерческий эффект, но и демонстрация привлекательности российской культуры за рубежом. Российские образы, матрица русских фольклорных и литературных сюжетов могут и должны стать узнаваемыми и притягательными для молодой массовой аудитории, в чём давно уже назрела необходимость.

³ Показательный пример: с 2012 года серия игр Skyrim служит основой для курса по древним скандинавским легендам в университете Райса США. За первую неделю после релиза было продано 7 млн копий игры The Elder Scrolls V: Skyrim, что принесло компании Bethesda Softworks \$ 450 млн, всего продано свыше 23 млн копий.

Леонид ИВАШОВ. Мир на изломе истории. Хроники геополитических сражений. — М.: Книжный мир, 2018. — 608 с.

Рушится однополярный Pax Americana, основанный на гегемонии США, которые так и не смогли обеспечить стабильность и безопасность на Земле. Планета на пороге радикального пересмотра принципов глобального мироустройства. В борьбе за будущее схлестнулись не на жизнь, а на смерть великие державы Запада и Востока, финансовый олигархат, глобальные теневые структуры и военные блоки.

В войнах нового типа фронты пролегли не по обрывистым берегам рек и не по укрепленным районам, а по культурно-цивилизационным разломам. В этих условиях характер и масштабы угроз для России выше, чем когда-либо со времён окончания Второй мировой войны. Противостояние в Арктике, угрозы с Востока, хаос на Юге, напор радикального ислама в Средней Азии и на Кавказе. Украинский кризис — лишь малая часть этой геополитической

борьбы. Битва идёт не за Украину, а за Россию, за Русский мир. В этой борьбе США пойдут на всё, чтобы не дать возродиться России.

Но Америка «заканчивается», равно как и вся западная цивилизация. И это закономерность, а не случайность. Она достигла своего пика, разрушила мироустойчивость и катится вниз. Наравне с кризисом экономическим и кризисом государственности на Западе царит полнейшая деградация в духовно-нравственной сфере. На фоне этого у России сегодня есть шанс стать лидером мира в системе духовно-нравственных ценностей, на поле справедливости и международно-правовых отношений. Наша страна обладает огромным геополитическим потенциалом — у нас имеются огромные пространства, богатейшие ресурсы, возможность соединять Запад с Востоком. Народы мира с надеждой смотрят на нас. Именно поэтому будущее за Россией!

Вячеслав ШТЫРОВ. Арктика и Дальний Восток. Величие проектов. — М.: Книжный мир, 2018. — 288 с. (Серия «Коллекция Изборского клуба»)

Штыров Вячеслав Анатольевич (1953) — известный российский государственный и политический деятель, вице-президент, премьер-министр Якутии в 1992–1996 годах, президент алмазной компании «АЛРОСА» в 1996–2002-х годах, президент Республики Саха (Якутия) в 2002–2010-х годах, заместитель председателя Совета Федерации Российской Федерации в 2010–2014-х годах, член Совета Федерации, председатель Совета по Арктике и Антарктике и Совета по вопросам развития Дальнего Востока и Байкальского региона верхней палаты российского парламента.

В книге Вячеслав Анатольевич Штыров даёт развёрнутую программу перехода России к интенсивному развитию, анализирует эконо-

мическую и геополитическую ситуацию в мире в связи с новыми реалиями, обусловленными климатическими изменениями в Арктике, открывающими для нашей страны широкие перспективы, но и несущими новые вызовы и угрозы. Основное место в своих статьях он уделяет таким российским макрорегионам, как Арктика и Дальний Восток.

Многое для их развития Российское государство уже делает, в том числе реализованы некоторые предложения автора. Но впереди — огромная работа, поскольку вывод арктических и дальневосточных регионов страны на передовые технологические и социально-экономические рубежи — приоритет государственной политики России на весь XXI век.

Валентин КАТАСОНОВ. Глобальная финансовая смута. Как картель центробанков взрывает мир. — М.: Книжный мир, 2018. — 512 с.

Очередная книга из серии «Финансовые хроники профессора Катасонова» посвящена новейшим трендам в международных и российских экономике и финансах.

Что ждёт в ближайшем будущем рубль? Почему Центробанк РФ стал неприкасаемым

для властей государством в государстве? Когда лопнет «китайский пузырь»? Восстанет ли Саудовская Аравия против диктата США? Как кредитные истории станут хомутом на нашей шее? Об этом и многом другом — откровенно и без цензуры.

Читайте и не говорите, что вас не предупреждали.

Хронология мероприятий клуба

9–12 марта 2018 года

Накануне президентских выборов на видеоаккаунте YouTube **Виталия Аверьянова**, заместителя председателя Изборского клуба, вышли две серии рисованного клипа на его новую песню «**Наказ Путину**» (слова, музыка и вокал Виталия Аверьянова). Мультипликация была создана на студии KBAS-MEDIA (художник-постановщик Сергей Колесников, среди авторов клипа знаменитый мастер гротеска художник газеты «Завтра» Геннадий Животов). В жёсткой политической песне было оглашено нечто вроде послания Путину от народа, от его консервативно-патриотической части.

Клип мгновенно приобрел вирусную популярность — две его серии за первые 10 дней набрали в сети суммарно более миллиона просмотров. В марте ролик перепубликовали сайт Изборского клуба, многие группы в «Одноклассниках», сайты «Колокол России», «Анти-майdan» и другие ресурсы. Позднее он также был размещен на сайте газеты «Завтра». О феномене «Наказа Путину» как необычном жанре политической песни прямого действия заговорили многие блогеры, рассказали в своих телесюжетах телеканал «Петербург», интернет-каналы «День-ТВ», «Нейромир-ТВ» и другие.

23–24 марта 2018 года

Делегация Изборского клуба, в состав которой вошли **Виталий Аверьянов**, **Александр Агеев**, **Владимир Большаков**, **Леонид Ивашов**, **Олег Платонов**, **Максим Шевченко**, посетила город Александров, где состоялось открытое заседание клуба на тему «**Александров — столица государства Российского**». Такая формула была избрана в связи с тем, что Александрова слобода действи-

тельно являлась столичным городом в эпоху опричнины Ивана Грозного. В заседании приняли участие представители александровской общественности, члены местной Общественной палаты, краеведы, историки, лидеры местных общественных организаций, а также многочисленные гости из других городов. **Александр Проханов** не смог присутствовать и открыл заседание по громкой связи.

Участники заседания обсудили такие темы, как наследие царя Ивана Грозного, уникальный опыт Александровой слободы как исторического «места силы», своеобразную российскую модель гражданского общества, одним из образцов которого является классический русский Земский Собор XVI века, консолидацию патриотического сообщества России через оглашение приоритетных принципов национального развития (с докладом о 10 тезисах наказа президенту РФ, разработанного инициативной группой из разных регионов России, выступил **Анатолий Мальцан**, руководитель молодёжного центра Всемирного Русского Народного Собора).

Участники единогласно приняли резолюцию о поддержке александровской общественности в деле водружения в центре их города **памятника Ивану Грозному**, а также об учреждении **культурно-просветительского центра Изборского клуба «Александровская слобода»**.

В ходе поездки изборцы посетили Александровский кремль, Старую слободу (место, связанное с Александром Невским), Немецкие горы (где тренировал свои «потешные полки» Пётр I), село Крутец, где побывали на могиле С. Нилуса, а также на обратном пути — Свято-Алексеевскую пустынь, где познакомились с иеромонахом Петром (Василенко), уникальным опытом его образовательных учреждений и собранными им крупнейшими

Делегация Изборского клуба в Александровском кремле.

в стране частными библиотечной и музейной коллекцией.

Материалы визита в Александров будут публиковаться в следующем номере нашего журнала.

30 апреля 2018 года

В этот день в Таллинне, Кишинёве и Москве прошёл одновременный международный пикет «**Свободу политзаключённому Александру Гапоненко!**» в защиту известного общественного активиста из Латвии, руководителя прибалтийского отделения Изборского клуба. Через несколько часов к вышеназванным столицам присоединился и Берлин (пикет прошёл на Александерплац). В России и Эстонии пикеты состоялись у посольств Латвии. Пикет в Молдове проходил перед представительством Евросоюза в Молдове, так как посольства Латвии в республике нет. Организатором мероприятия в Молдавии стала общественная организация «Наша Родина Молдова», в Эстонии — «Российские соотечественники Европы», в Германии — «Интернациональная платформа. Защита прав граждан».

/ Леонид КОРНИЛОВ /

Русский Реактор

(поэма)

На создание байк-шоу «Русский Реактор» Александра Залдостанова — Хирурга вдохновил Александр Андреевич Проханов. Поэт Леонид Корнилов по просьбе Хирурга написал поэму «Русский Реактор», которая легла в основу байк-шоу в 2017 году в Севастополе. Также по мотивам поэмы был создан сценарий детской новогодней ёлки, проходившей в Москве. В настоящее время к выходу готовится фильм «Русский Реактор».

История путает факты.
Но, двигая правду вперёд,
Включается Русский Реактор,
Похожий на русский народ.
И длится великая повесть
Из пламенных лет и побед,
Где в русском характере — совесть,
А в Русском Реакторе — свет.
Взрывая земные пределы
Своим реактивным «Ура»,
В энергию доброго дела
Он плавит энергию зла.
Куёт он мечи и орала.
И пашет. И рубит с плеча.
Несёт коромысло Урала,
Водой океанской плеща.
Он — в стальных арктических льдинах
И в скрученных кольцах орбит,
И там — в евразийских глубинах,
В тисках тектонических плит...
Упрямо стоит на основах
И жизнь выдаёт на-гора,
Являясь для Шара Земного,
Навроде земного ядра.

И кто бы войною ни рывкал,
И как бы ни рушился мир,
Впрягается Русский Реактор
И время берёт на буксир.
Он гением Русского мира
Запущен с былинных времён.
Он помнит в ожогах и дырах
Падение царских знамён.
Империю смертные муки.
В толпу обращённый народ.
И помнит он в кожаной куртке
Расстрельный семнадцатый год.
И помнит безумные роты,
Коловшие Родину-мать...
Он сбавил тогда обороты,
Чтоб только от горя не встать.
А если бы встал на колени,
Себя заглушил хоть на час,
То русская цепь поколений
Могла бы не выдержать нас.
Мы пали бы в бездну, теряя
Горячую кровь на лету...
Но слишком нас много для рая
И мало нам места в аду.

Мы этим просторам — родные.
Навеки вблизи и вдали
Приставлены, как часовые,
К открытому сердцу Земли.
Творила народная воля
Реактор великой страны,
Чтоб был он и пахарем поля.
И был меченосцем войны.

Но вместе с авроровым залпом
Над чёрной от горя Невой
Стрелял в нашу Родину Запад
И ранил гражданской войной.
И били наёмные пули.
И тот, кто лупил по своим,
Придумал границы республик,
Чтоб Русь развалилась по ним.
И встали в полях миллионы
Крестов в изголовьях могил.
Но Русский Реактор со стоном
Планету по солнцу крутил.
Он вышел во время другое
И, помня имперский завет,
Из Белой империи строил
Он Красную — веку под цвет.

И, встав над Евразией грузно,
Звездой пронзая орла,
Империю в ранге Союза
Над русской землёю взошла.
Она повторила размеры,
В историю выбила дверь,
Отправив библейскую эру
В число невозвратных потерь.
А Русский Реактор могучий
На новом имперском пути
Уже на советском горячем
Продолжил планету крутить.
И кто-то нашёптывал глухо,
А кто-то с восторгом признал,
Что крепости русского духа
Завидует даже металл.
И держится русский характер,
Победу добывший не раз,
И держится Русский Реактор
На нервах, натянутых в нас.

Но снова с тевтонского края
Свинцовые ливни пошли.
И падали мы, прикрывая
Открытое тело Земли.
А в наших сердечных моторах
Звенели победы Петра,
И Невский, Донской и Суворов
С пехотой кричали: «Ура!»
Нам легче всего в рукопашной
Добраться до горла войны.
В бою нам погибнуть — не страшно,
И этим врагу мы страшны.
Как витязи этого света,
На том побывали в гостях.
Россия — Реактор Победы,
Стоящий на русских костях.
Энергия наших погостов
Сильнее войны мировой,
Хоть быть в этой жизни не просто
Навроде мишени живой.
Но мы же не можем без дела,
И если схватились за гуж,

То нету нам равных в пределах
От праведных вил до «катюш».
Был выкован меч на Урале.
Поднял Сталинград этот меч.
Снесла сила воли и стали
Фашистскую голову с плеч.
Грохочущим танковым юзом,
Нацистский срубив постамент,
Как грудью, Советским Союзом
Прикрыли мы весь континент.
И шли напрямую до Бога.
И падали грудью вперёд.
И к нашей победе дорога
По братским могилам ведёт.
Она абсолютно прямая,
Как весь исторический путь.
С дороги Девятого мая
Уже невозможно свернуть.
И новость по белому свету
Пошла в кругосветку опять:
Россия — Реактор Победы!
Россию войною не взять!
И как побеждающий фактор,
Которому всё нипочём,
Карающий Русский Реактор
Свистел богатырским мечом.
Отлитый из молний и грома,
Он плавил Рейхстаг, как руду...
И снились ему космодромы
Весной в сорок пятом году.

И только остыли от битвы,
Как Русский Реактор в полёт
Выводит с мечтой на орбиту
Космический Русский Народ.
Планета нам кажется зыбкой.
Летать научились без крыл.
Гагарин широкой улыбкой
Небесную высь осветил.
И падают в бездну столетья,
А время «Востока» в пути
Идёт и идёт на планете
И будет веками идти.
И кончится вечность однажды,

Но эти сто восемь минут,
Как эра космической жажды,
От нас никуда не уйдут.
И нету нам равных в уменье —
Лететь на пределе мечты.
И в небе сжигая ступени,
Уносимся в мир высоты.
О космосе, словно о личном,
Мы думаем в звёздной дали,
И там со Вселенной граничим
Границами русской земли.
А меч, как реактор уснувший,
Застыл у солдатской ноги,
И спит он, России послушный,
Пока не разбудят враги.

Но копится чёрная зависть
В умах недобитых врагов.
Европа с Америкой — завязь
Матёрых змеиных клубков.
Ползёт ядовитое племя
В подкоп под Кремлёвской стеной.
С трибун горбачёвское время
Шипит подкольной змеей.
Ударит Отчеству в спину
Верховный предатель страны,
А Лондон ему именины
Закатит за счёт Сатаны.
История спутает факты
И спутает карты стране.
Запутает Русский Реактор,
Как в тине, в холодной войне.
Уронит Берлинскую стену.
Варшавский добьёт договор.
И будет смеяться измена.
И скалиться будет террор.
Обломки тупых девяностых
Реактор качнут на корнях,
Застрянут, как палки в колёсах,
В скуластых его шестернях.
Но выдюжит русский характер,
Поднявшись на жилах орбит.
И снова нам силушки хватит
На сдвиг тектонических плит.

БИОГРАФИЯ

КОРНИЛОВ Леонид Софронович

Родился в 1952 году в селе Макушино Иланского района Свердловской области. Служил на Северном флоте, затем работал на рыбопромысловых судах. В 1976 году окончил Мурманское высшее инженерно-морское училище, а в 1986 году — Всесоюзный государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова. Занимался журналистикой, печатался

в газетах «Советская Россия», «Патриот», «Око народа». Первый сборник стихов «Ступени» вышел в 1979 году.

Сценарист, поэт и исполнитель своих песен. Лауреат Все-российского конкурса «Песни сопротивления». Член Союза писателей России. Член редакционной коллегии интернет-портала «Литзона. Территория литературной державы».

И Русский Реактор осилит
Заклинивший свой механизм,
И бросит под ноги России
Предавший себя коммунизм.

Ни власти, ни веры не будет
В пределах Кремлёвской стены,
А будут лишь русские люди
Последней опорой страны.
И где-то в глубинах планеты,
В народную веря любовь,
Уставший Реактор Победы
С колена поднимется вновь.
И в каждом расколоте стане,
Работая, словно магнит,
Народы он заново станет
В имперский сплавлять монолит.
Он просто не может иначе:
На лучшей из лучших планет
У Русского мира задача —
Включать человечеству свет.
И кто бы в России ни правил,
Он вправит любому мозги
И будет в имперской оправе
Вбивать на парадах шаги.
И дело не в том, что он — лучший,
А в том, что один он такой —
Реактор и моря, и суши
С тяжёлой державной рукой.

И он никогда не остынет.
Ему на лопатках не быть.
И лишь перед русской святыней
Он может колени склонить.
Он пращуром нашим запущен,
Он — рыцарь щита и стрелы.
...Но снова вонзаются тучи
В славянское солнце страны.
Дрожит евразийская глыба,
И дальше не видно ни зги,
Когда беловежская дыба
Ломает его рычаги.
И кажется, нет управления —
И Русь разлетается в дым...
Но, видите, мост поколений
Он тянет в спасительный Крым.

И тронулось русское время,
Как долго стоявший состав.
И движутся русские земли
В объёты имперских застав.
И радуга в солнечных стропях.
И, встав под Андреевский флаг,
На море глядит Севастополь,
Как с палубы вольный моряк.

Реактор Победы и Славы
Работает в каждом из нас.
И мы исторически правы,
Что сердце болит за Донбасс.
И боль отдаётся в Камчатке,
Качнувшись от самых Карпат.
И больно московской брусчатке,
Несущей военный парад.
Но скажет любая былина,
Что родственник Киев Москве,
Не может земля Украины
Чужою быть русской земле.
И чтобы планета летела
Во всю орбитальную прыть,
Исконное в русских пределах
Должно равновесие быть.
И чтобы планета не встала,
Мы будем до хруста в плечах
Нести коромысло Урала,
Волной океанской плеща.
И как бы враги ни мешали,
И кто бы границы ни рвал,
Но сферы земных полушарий
Держать не устанет Урал.
Грохочет эпоха терактов.
И время заходит в тупик.
Но в мире есть русский характер —
Железный, как русский мужик.

И держит Реактор удары,
Один против натовских стран,
Хоть, кажется, выглядит старым,
Как дремлющий русский вулкан.
И с нами он вместе страдает.
Но знайте во веки веков,
Что в топке его догорают
С десяток империй-врагов.
И там — на Владимирском тракте,
И выше — на Млечном пути,
С достоинством русский характер
Свой крест продолжает нести.
Он может давать перебой
И дымом пожаращ дышать,
Но он не выходит из боя,
И он не способен предать.
Он может работать на бедах,
На шлаках и боли, пока
Мы топливо новой победы
В него не зальём на века.

Мы — Вечный Реактор Надежды,
Где небо несут косяки,
А вместо графитовых стержней
В доспехах стоят мужики.
Посмертное званье Героя.

И памяти Вечный Огонь.
Реактор военного строя
К виску поднимает ладонь.
История спрятана в были.
А были мы славой землян.
О том, что мы римлян разбили,
Напомни нам, Зимний Троян!
Никто так не шёл через войны,
Как мы до Китайской стены,
И после — с калёною волей
Мы шли от войны до войны.
И там, на заре мирозданья,
В дела отливая слова,
Учили нас предки названья
Давать континентам на «А».
И песни мы скифские пели,
Крутых амазонок любя.
И многое в жизни успели
Другим оторвать от себя.
И нынче пора по-соседски
Напомнить Европе о том,
Что наши великие предки
Ей отдали собственный дом.
А викинги с русской статью,
Открытия делать устав,
Америку отдали, кстати,
Колумбу её показав.
Мы Азию вывели в люди,
Нарезав ей земли для стран...
А ныне дыханием будем
Арктический греть океан.
И мир, что за льдами мертвеет,
Мы сможем для жизни согреть.
И с нами, как с бурым медведем,
Обнимется белый медведь.
Вот так и живём мы веками.
И надо признать, наконец,
Что нашими строит руками
Своё мирозданье Творец.
Какая бы новая эра
Не мнила чего о себе,
Она, как гребец на галерах,
Прикована к русской судьбе.
Но вождь наш не носит мундира,
И наш император — не штык.
Правителем Русского Мира
Является Русский Язык.
И славится Русский Реактор
И тем, что он мегабольшой,
И тем, что он — русский характер
С космической русской душой.

6 мая 2017 года

В чём
сила,
брат?

